ISSN 2227-1171 (Print)
Том 9, № 1. 2018
Сквозной номер - 31

ISSN 2542-1247 (Online)
Vol. 9, no. 1. 2018
Continuous issue - 31

ВЕСТНИК
Казанского юридического института МВД России

Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia

Научно-теоретический журнал

Учредитель и издатель:
Казанский юридический институт
Министерства внутренних дел
Российской Федерации
420108, Россия, Республика Татарстан,
г. Казань, ул. Магистральная, 35

Редакционно-издательское отделение:
420059, г. Казань,
ул. Оренбургский тракт, 128

Выходит с 2010 года ежеквартально

Наш индекс в журнале «Газеты. Журналы»
ОАО «Агентство Роспечать» - 84683

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 29 июня 2012 г.
Регистрационный номер ПИ № ФС 77-50418

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования (e-library)
Журнал включен в Ulrich's Periodicals Directory

Журнал распространяется только по подписке

Scientific-theoretical Journal

Founder and publisher:
Kazan Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs
of the Russian Federation
35, Magistralnaya, Kazan
420108, The Republic of Tatarstan, Russia

Editorial-and-publishing office:
128, Orenburgskii trakt
420059, Kazan

The Journal is being published since 2010 each quarter

Our index in the Journal ''Gazety i jurnaly''
OAO ''Agenstvo Rospechat''- 84683

The Journal is registered in Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications July, 29, 2012.
Identification Number PI No. FS 77-50418

The Journal is included in the Catalogue of the leading peer-rewiewed journals, in which should be published basic scientific results of degree dissertations

The Journal is included in the Russian Science Citation System (e-library)
The Journal is included in the Ulrich's Periodicals Directory
The Journal is available only on a subscription basis

e-mail: vestnikkui@mail.ru
http://www.vestnikkui.ru

© Казанский юридический институт МВД России, 2018

Редакционный совет

Андреев Максим Валентинович - доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин (Казань, КЮИ МВД России)
Балахонский Виталий Витальевич - доктор философских наук, профессор (СПб., Санкт-Петербургский университет МВД России)
Безверхов Артур Геннадьевич - доктор юридических наук, профессор (Самара, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева)
Варыгин Александр Николаевич - доктор юридических наук, профессор (Саратов, СГЮА)
Гилинский Яков Ильич - доктор юридических наук, профессор (СПб., РГПУ им. Герцена)
Готчина Лариса Владимировна - доктор юридических наук, доцент (СПб., Санкт-Петербургский университет МВД России)
Демидов Виктор Николаевич - доктор юридических наук, профессор, (Управление министерства юстиции Российской Федерации по Республике Татарстан)
Дубровин Сергей Викторович - доктор юридических наук, профессор (Москва, Московский университет МВД России)
Егорышев Сергей Васильевич - доктор социологических наук, профессор (Уфа, ВЭГУ), ORCID: http://orcid.org/0000-0003-0930-7482
Коробов Виктор Борисович - доктор социологических наук, профессор (Москва, ГУСБ МВД России)
Малков Виктор Павлович - доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ и ТАССР (Казань, КЮИ МВД России)
Невирко Дмитрий Дмитриевич - доктор социологических наук, профессор (Красноярск, Сибирский федеральный университет)
Нигматуллин Ришат Вахидович - доктор юридических наук, профессор (Уфа, УЮИ МВД России)
Павличенко Николай Владимирович - доктор юридических наук, профессор (Москва, Академия управления МВД России)

Редакционная коллегия

Председатель – доктор педагогических наук, доцент **Зиннуров Фоат Канафиевич**, начальник Казанского юридического института МВД России
Заместитель председателя – кандидат исторических наук, доцент **Миронов Сергей Николаевич**, заместитель начальника КЮИ МВД России (по научной работе)
Члены редакционной коллегии:
Алиуллов Рашид Рахимуллович - доктор юридических наук, начальник кафедры административного права, административной деятельности и управления ОВД КЮИ МВД России
Гарафутдинов Марат Рафикович - кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника КЮИ МВД России (по учебной работе)
Казанцев Сергей Яковлевич - доктор педагогических наук, кандидат юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистики КЮИ МВД России
Комлев Юрий Юрьевич - доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры философии, политологии, социологии и психологии КЮИ МВД России
Хрусталева Ольга Николаевна - кандидат педагогических наук, доцент, начальник редакционно-издательского отделения КЮИ МВД России
Шалагин Антон Евгеньевич - кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права КЮИ МВД России
Шайдуллина Эльвира Дамировна - кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры уголовного процесса КЮИ МВД России

Это произведение доступно по лицензии
Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная.
Чтобы увидеть копию этой лицензии, посетите
http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/.

Editorial Board

Maksim Valentinovich Andreev, Doctor in Laws (higher doctorate), Associate Professor, Professor of State and Legal Disciplines (Kazan, KJI of MIA of Russia)
Vitalii Vital'evich Balahonsky, Doctor in Philosophy (higher doctorate), Professor (St. Petersburg, Saint-Petersburg University of MIA of Russia)
Artur Genad'evich Bezverhov, Doctor in Law (higher doctorate) Professor (Samara, Samara State Aerospace University named after S.P. Koroljov)
Aleksandr Nikolaevich Varyigin, Doctor in Law (higher doctorate), Professor (Saratov, Saratov State Justice Academy)
Yakov Il'ich Gilinskiy, Doctor in Laws (higher doctorate), Professor (St. Petersburg, Herzen State Pedagogical University of Russia)
Larisa Vladimirovna Gotchina, Doctor in Laws (higher doctorate), Associate Professor (St. Petersburg, Saint-Petersburg University of MIA of Russia)
Victor Nikolaevich Demidov, Doctor in Law (Dr. habil.) accociate professor, Administration of the Ministry of Justice of the Russian Federation of the Republic of Tatarstan
Sergey Victorovich Dubrovin, Doctor in Law (higher doctorate), Professor (Moscow, Moscow University of the MIA of Russia)
Sergey Vladimorovich Egorychev, Doctor in Sociology (higher doctorate), Professor (Ufa, Eastern Law and Economics Humanitarian Academy)
Victor Borisovich Korobov, Doctor in Sociology (higher doctorate), Professor (Moscow, Academy of the Interior Ministry of Russia)
Victor Pavlovich Malkov, Doctor in Laws (higher doctorate), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation and the Republic of Tatarstan (Kazan, KJI of MIA of Russia)
Dmitrii Dmitrievich Nevirko, Doctor in Sociology (higher doctorate), Professor, (Krasnoyarsk, Siberian Federal University)
Rishat Vahidovich Nigmatullin, Doctor in Laws (higher doctorate), Professor (Ufa, Ufa Law Institute of MIA of Russia)
Nikolai Vladimirovich Pavlichenko, Doctor in Law (higher doctorate), Professor (Moscow, Administration Academy of MIA of Russia)

Editorial Council

Chairperson:
Foat Kanafievich Zinnurov, Doctor of Pedagogical Sciences (higher doctorate), Associate Professor, Chief of Kazan Law Institute of MIA of Russia
Vice Chairman:
Sergey Nikolaevich Mironov, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Deputy Head of KLI of MIA of Russia for scientific work.
Editorial Board:
Rashid Rahimullovich Aliullov, Doctor in Laws (higher doctorate), Head of Administrative Law, Administrative Activities and Management of Internal Affairs of Kazan Law Institute of MIA Of Russia
Marat Rafikovich Garafutdinov, Candidate in Laws (higher doctorate), Associate Professor, Deputy Head of KLI of MIA of Russia for Educational Work
Sergei Yakovlevich Kazantsev, Doctor of Education, Candidate in Laws (higher doctorate), Professor of Criminalistics of Kazan Law Institute of MIA Of Russia
Yurii Yur'evich Komlev, Doctor in Sociology (higher doctorate), Professor of Philosophy, Political Science, Sociology and Psychology of Kazan Law Institute of MIA Of Russia
Ol'ga Nikolaevna Hrustaljova, Candidate of Pedagogical Sciences (higher doctorate), Associate Professor, Head of the Editorial Department of the Editorial-and-Publishing Office of Kazan Law Institute of MIA Of Russia
Anton Evgen'evich Shalagin, Doctor in Laws (higher doctorate), Associate Professor, Head of the Department of Criminology and Penitentiary Law of Kazan Law Institute of MIA Of Russia
Elvira Damirovna Shaidullina, Candidate of Law Sciences, Deputy Chief of Department of Criminal Process of Kazan Law Institute of MIA Of Russia

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS 4

К 300-ЛЕТИЮ РОССИЙСКОЙ ПОЛИЦИИ

Бикташева А.Н. Казанская полиция в период становления Министерства внутренних дел в первой половине XIX века..... 6

Казаченок В.В. Организационно-правовые основы деятельности пенитенциарных органов и учреждений в системе Министерства внутренних дел Российской империи..... 12

К 100-ЛЕТИЮ КАДРОВОЙ СЛУЖБЫ МВД РОССИИ

Ильюк Е.В. Харизматичность как особое качество руководителя правоохранительного органа..... 18

СОЦИОЛОГИЯ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Комлев Ю.Ю. Девиантность и преступность в эпоху high-tech, консьюмеризма и глэм-капитализма..... 23

ГОСУДАРСТВЕННОЕ, ГРАЖДАНСКОЕ, АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

Сиднева А.М. Правовое регулирование экономической деятельности на территориях опережающего развития..... 35

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ

Абдулганеев Р.Р., Миронов С.Н. Криминологический портрет личности современного экстремиста..... 42

Крылова Е.С. Уголовная ответственность за преступления коррупционной направленности: анализ последних изменений УК РФ..... 48

Толстая М.-В.Е. Субъективная сторона преступления, предусмотренного ст.165 УК РФ..... 55

Шестакова Е.В. Общая криминологическая характеристика личности несовершеннолетнего преступника в Уральском федеральном округе..... 62

Гаврилов М.А. Проблемы норм уголовного закона о мелком взяточничестве..... 69

Лабутин А.А. Характерные черты личности преступника, совершающего мошенничество с использованием средств сотовой связи (по материалам субъектов Приволжского федерального округа)..... 75

Максуров А.А. Координационные нормы в законодательстве об органах внутренних дел стран Северной Европы..... 79

Андреев М.В. Международный терроризм – основная угроза безопасности в XXI веке..... 83

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, ОРД И КРИМИНАЛИСТИКА

Игнатьев М.Е. Категориальные понятия криминалистической теории причинности..... 93

Лукомская А.С. Защита прав потерпевших при применении упрощенной формы производства по уголовным делам об экологических преступлениях..... 103

Шайдуллина Э.Д. Правоприменительные вопросы приостановления предварительного расследования в связи с временным тяжелым заболеванием подозреваемого (обвиняемого)..... 112

Шляхтин Е.П., Сливний А.А. Предостережение как возможная форма оперативно-розыскного предупреждения организации незаконной миграции..... 118

Гарипов Т.И. Институт понятых в уголовном судопроизводстве России: быть или не быть..... 124

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

Сироткин Ю.Л. Духовно-нравственный аспект полемики вокруг книги И.А. Ильина «О сопротивлении злу силою» (Берлин, 1925) в русском зарубежье второй половины 20-х годов XX века..... 129

Набиев Р.Ф. Спецпропаганда в Сталинграде (август 1942 - февраль 1943)..... 138

ЮБИЛЕИ

К юбилею Юрия Юрьевича Комлева..... 146

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ..... 148

CONTENTS

CONTENTS 4

TO THE 300-TH ANNIVERSARY OF THE RUSSIAN POLICE

Biktasheva A.N. Kazan police during the establishment of the Ministry of internal affairs in the first half of the XIX century..... 6

Kazachenok V.V. Organizational and legal bases of activity of penitentiary bodies and establishments in system of the Ministry of internal Affairs of the Russian Empire..... 12

TO THE CENTERARY OF THE PERSONNEL OF MIA OF RUSSIA

Ilyuk E.V. Charisma as a special quality of the head of the law enforcement agency..... 18

SOCIOLOGY OF DEVIANT ACTIVITIES

Komlev YU.YU. Deviation and crimes in time of high-tech, consumerism and glamour capitalism..... 23

STATE, CIVIL, ADMINISTRATIVE LAW

Sidneva A.M. Legal regulation of economic activity in the territories of advanced development..... 35

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY

Abdulganeev R.R., Mironov S.N. Criminological profile of the present-day extremist..... 42

Krylova E.S. Criminal liability for crimes of corruption: a survey of recent changes in the Criminal Code of the Russian Federation..... 48

Tolstaya M.-V. E. The subjective side of a crime under Art.165 of the Criminal Code of the Russian Federation... 55

Shestakova E.V. General personality criminological characteristics of juvenile offenders of Urals Federal District..... 62

Gavrilov M.A. The problem of the criminal law rule on petty bribery..... 69

Labutin A.A. Features of the identity of the criminal using means of mobile communication (adapted from entities of the Volga Federal District)..... 75

Maksurov A.A. Coordination standards in the law on internal affairs bodies of Nordic countries..... 79

Andreev M.V. International terrorism as a key threat to security in the XXI-st century..... 83

CRIMINAL TRIAL, INVESTIGATIVE ACTIVITIES AND CRIMINALISTICS

Ignatyev M.E. Categorical concepts of the crime theory of causality..... 92

Lukomskaya A.S. Selected issues of ensuring the rights of the victims of environmental crime in applying a pre-trial cooperation agreement..... 103

Shaidullina E.D. Law-enforcement questions of suspension of preliminary investigation in connection with a temporary serious illness of suspected (accused)..... 112

Shlyahtin E.P., Slivniy A.A. Caution as a possible form of operational-investigative prevention of illegal migration..... 118

Garipov T.I. Institute of witnesses in criminal procedure of Russia: to be or not to be?..... 124

HUMANITIES

Sirotkin YU. L. The spiritual and moral aspect of the debate around the book of I. Ilyin, "About the resistance to evil by force" (Berlin, 1925) in the Russian diaspora of the second half of XX^{ies} of the twentieth century..... 129

Nabiev R.F. Special propaganda: war of ideologies in Stalingrad (August 1942 - February 1943)..... 138

ANNIVERSARIES

For the anniversary of YU.YU. Komlev..... 146

NOTICE TO AUTHORS..... 148

УДК 351.745 / 94.47 DOI: 10.24420/KUI.2018.31.11102

А.Н. Бикташева

КАЗАНСКАЯ ПОЛИЦИЯ В ПЕРИОД СТАНОВЛЕНИЯ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

KAZAN POLICE DURING THE ESTABLISHMENT OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS IN THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY

Введение: в статье рассматриваются основные этапы становления системы Министерства внутренних дел (далее – МВД), реформирования полиции России в начале XIX в., когда определялись основные направления деятельности полицейских органов в губерниях Целью исследования является реконструкция развития и состояния кадрового обеспечения полицейского аппарата Казанской губернии на основе анализа нормативно-правовых и архивных делопроизводственных материалов первой половины XIX вв.

Материалы и методы: изучены источники из Полного собрания законов Российской империи; документы Национального архива Республики Татарстан и Российского государственного исторического архива, которые касаются казанской полиции, ее деятельности, кадрового и материального обеспечения.

Методология исследования основана на принципах объективности, историзма, научности, системности. Применялись историко-генетический, историко-сравнительный методы, источниковедческие методы проверки достоверности источников.

Результаты исследования: анализ нормативных правовых актов и архивных делопроизводственных источников позволил проследить процесс развития казанской полиции после создания Министерства внутренних дел в первой половине XIX вв., выявить основные черты развития полицейских органов.

Обсуждение и заключения: обозначены основные проблемы, которые были характерны для развития полиции в Казанской губернии после создания Министерства внутренних дел в первой половине XIX в.: круг полицейских обязанностей оставался очень широким и не вполне определенным; вопросы кадрового обеспечения полиции относились к числу самых важных и наиболее трудно разрешимых; выделяемых на содержание полиции средств не хватало; было мало квалифицированных чиновников.

Ключевые слова: история российской полиции, Казанская полиция, Министерство внутренних дел, губернская полиция

Для цитирования: Бикташева А.Н. Казанская полиция в период становления Министерства внутренних дел в первой половине XIX века // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2018. Т. 9, № 1. С. 6-11. DOI: 10.24420/KUI.2018.31.11102

Introduction: the article discusses the principal stages of establishment of the Ministry of Internal Affairs (MIA), reforming of Russia police of in the first half of the XIX century when the basic ways of area of activity of police authorities in provinces were determined. The goal of the research is reconstruction of the development and the state of the staff assistance of police of Kazan province basing on the analysis of regulatory and archival clerical documents in the first half of the XIX century.

Materials and Methods: sources of the Complete Collection of Laws of the Russian Empire, National Archive of the Republic of Tatarstan and the Russian State Historical Archive concerning Kazan Police, its activity, staff and material support are researched.

Methodology is based on the objectivity, historism, scientificity, consistency. Historical and genetical, historical and comparative, source study methods of proof of the sources were carried out.

Results: analysis of regulatory acts and archive clerical documents allowed follow the development of Kazan police after the formation of MIA in the first half of the XIX century.

Discussion and Conclusions: the main issues defined by the author which were peculiar to the development of Kazan province after the creation of MIA in the first half of the XIX century: the set of responsibilities were wide and not quite definite, staffing issues relate were among the most important and the most problematic;

devote funds were in short supply; few qualified civil servants.

Key words: history of the Russian police, Kazan police, Ministry of Internal Affairs, provincial police

For citation: Biktasheva A.N. Kazan police during the establishment of the Ministry of Internal Affairs in the first half of the XIX century // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2018. V.9, №1. P. 6-11. DOI: 10.24420/KUI.2018.31.11102

Введение

Приближение юбилейной даты – 300-летия российской полиции – привлекло особое внимание к предшествующему опыту функционирования органов внутренних дел.

Термином «полиция» в XIX в. была обозначена вся совокупность политических, хозяйственных и административных дел внутри государства. Именно отсюда идет традиция включения полиции в состав Министерства внутренних дел. Многофункциональность полицейской деятельности, в том числе на уровне губерний, требует дальнейшего изучения.

Хронологические рамки исследования ограничиваются первой половиной XIX в., так как именно в этот период в России происходило становление системы Министерства внутренних дел, определились основные направления деятельности полицейских органов, как в центре, так и в губерниях.

Обзор литературы

В российской историко-правовой науке деятельности дореволюционных полицейских учреждений царской России уделялось определенное внимание. Начало изучения истории полиции как государственного института относится ко второй половине XIX в. Первые работы по истории полиции Российской империи советских исследователей появились только в 1960-е гг. [1]. Более активное изучение истории российской полиции начинается с 1990-х гг. Современный этап, благодаря доступности архивных материалов, дает новую картину деятельности полицейских органов, которая существенно отличается от советской историографии. Сегодня вырабатываются новые подходы к исследованию деятельности государственных органов власти [2]. С одной стороны, это связано с отсутствием обязательной идеологической системы, с другой – полиция понимается как необходимый институт развития страны.

Важным новшеством в историографии полиции стало изучение истории правоохранительных органов на местах. Появляются работы, посвященные развитию полиции в Якутии, Пензенской, Курской и других губерниях. Исследований же по истории полиции Казанской губернии недостаточно, они в основном представлены в статьях [3] и исторических очерках, посвященных юбилеям отдельных подразделений органов внутренних дел Татарстана [4,5,6].

Материалы и методы

Были изучены источники из Полного собрания законов Российской империи[1] и документы Российского государственного исторического архива, Национального архива Республики Татарстан (фонд канцелярии казанского губернатора), которые касаются аппарата казанской полиции, его деятельности, кадрового и материального обеспечения.

Исследование основано на методологических принципах объективности, историзма, научности, системности. Из методов исторических исследований применялись общие: историко-генетический, историко-сравнительный, а также специальные: источниковедческие методы проверки достоверности и репрезентативности источников.

Анализ комплекса архивных источников позволяет проследить процесс развития казанской полиции в условиях министерского реформирования, определить сферы взаимодействия местной полиции с центральными органами власти, выявить основные проблемы, которые были характерны для развития губернской полиции Казани.

Результаты исследования

В 1802 году было образовано восемь министерств: внутренних дел, военно-сухопутных дел, иностранных дел, министерства юстиции, просвещения, коммерции и военно-морских дел. В министерствах был введен принцип единоначалия, персональной ответственности. Министр внутренних дел был обязан руководить полицией, выполнявшей множество функций государственного управления.

Заботы МВД об улучшении материального обеспечения полиции были ограничены финансовыми возможностями государства. После войны 1812 г. выделение средств на полицию и на повышение окладов полицейских осуществлялось тяжело и медленно, переписка с министерством финансов содержит огромное количество документов.

Штат казанской губернской полиции теперь утверждался в МВД. Поэтому (в отличие от последней четверти XVIII века) попытки губернатора изменить штатную численность полиции, минуя Министерство внутренних дел, успеха не имели. Штаты формировались с учетом социально-экономических, демографических и финансовых возможностей губерний. Император Александр I по предложению министра В.П. Кочубея 10.03.1803 г.

[1] Полное собрание законов Российской империи. В 45 т. СПб., 1830.

утвердил руководящий штат полиции Казани численностью 10 человек, полицмейстеру было назначено годовое жалованье в 600 рублей, трем частным приставам – по 300 рублей в год, по 200 рублей – шести квартальным надзирателям. Для рядовой полицейской службы привлекалась военная команда из 12 солдат – драгун, их общее жалованье, выделяемое из бюджета города, составляло 117 рублей в год.

Расходы на полицию должны были назначаться из городских доходов каждый год согласно отчетам губернатора, городской думы и полицмейстера[1]. Комендант города, ответственный за работу полиции Казани, обязан был предоставлять сведения о состоянии вверенной ему части и происшествиях. Полицмейстер, в свою очередь, должен был предоставлять коменданту сведения о работе полиции каждые две недели.

14 мая 1804 года от губернатора Б.А. Мансурова в МВД поступило «Представление о дополнении штата полиции»[2]. Губернатор указывал, что в городе постоянно проживают более 32 тысяч жителей, в летнее время – еще до 25 тысяч приезжих. Требовалось усилить полицию за счет назначения помощников квартальных надзирателей и брандмейстера (главного по пожарной части). Для содержания полиции предлагалось по примеру г. Санкт-Петербурга ввести городской налог на всех жителей, что и было сделано в 1808 г.

Казанским губернатором в 1815 г. стал И.А. Толстой, который сообщал в МВД, что Казани уже больше 56 тысяч жителей, а штат полиции – 10 человек. Он предлагал разделить город не на три, а на пять полицейских частей и 10 кварталов, усилить в нем брандмейстерскую службу[3]. Но предложения губернатора в МВД не поддержали, штат и финансирование казанской полиции не изменились.

Следующий казанский губернатор П.А. Нилов, крайне недовольный отсутствием у полицейских Казани единой форменной одежды и недостатком освещения в городе своими единоличными решениями увеличил численность полиции до 350 человек, поднял городской налог на содержание полиции почти в два раза, кроме этого, приказал собрать с горожан 15 тыс. руб. для освещения улиц. Казанские дворяне направили жалобы на эти действия и добились у императора отставки губернатора.

Губернатор В.Ю. Соймонов в 1824 г. подготовил для МВД проект улучшения казанской полиции, на основе которого 26 октября 1825 года Александр I издал указ, согласно которому Казань была разделена на пять «полицейских частей». Первая часть (центр города) – включала 469 домов, в том числе гостиный двор с окружающими торговыми зданиями, хлебную площадь, пристань на протоке Булак с купеческими амбарами; вторая часть – 600 домов с включением домов за Булаком и части Старой Татарской слободы; третья часть – 600 домов за Черным озером; четвертая часть –1330 домов без учета Суконной фабрики, рыбной и хлебной площади; пятая часть – 850 домов с присоединением Бакалдинской пристани, села Ягодного, деревни Игумново и слободы Кизической. На пять полицейских частей города полагалось 55 «будок» – постоянных постов полиции, при каждой будке посменно дежурили по три будочника [7, с. 15].

На уровне города и пяти «частей» полицией стали управлять 33 чиновника, всего новый штат полиции в городе составил 456 человек. Жалованье полицмейстера увеличилось в два раза, до 1200 рублей в год, у частных приставов годовое жалованье возросло с 300 до 800 рублей, у квартальных надзирателей – с 200 до 500 руб. Благодаря усилиям сразу нескольких казанских губернаторов, при поддержке МВД, штат полиции был существенно увеличен и получил достойное материальное обеспечение.

В годы правления Николая I продолжается реформирование полиции, направленное на улучшение ее кадрового и материального обеспечения. В проектах того времени выражалось стремление к сосредоточению деятельности полиции на ее прямых обязанностях и отделению от нее судебной и хозяйственной части или хотя бы некоторое их разграничение.

В 1827 г. появляется законодательный акт – «Устав о пенсиях и единовременных пособиях», согласно которому чины полиции впервые смогли получать пенсии трех видов: по болезни, за выслугу лет, по случаю потери кормильца.

Особое место власти уделяли внешнему виду полицейских чиновников. Презентабельную внешность должны иметь не только чиновные служащие, но и низшие служители полиции. Об этом постоянно заботилось высшее начальство. Чинам полиции присвоили погоны с коваными звездочками, ввели нарядную, хотя и недостаточно практичную форму – длинные шинели, кожаные каски с острием вверху, белые ремни через всю грудь. Мундир не просто отображал принадлежность к органам государственной власти, но и указывал на государственную принадлежность. Внешний вид полицейских чинов визуально выделял их, придавал дополнительный вес в глазах общественности.

[1] Полное собрание законов Российской империи. В 45 т. СПб., 1830. (Далее - ПСЗ РИ). Собр. 1. Т. XXVII. № 21007.
[2] Российский государственный исторический архив (далее – РГИА) Ф. 1286. Оп. 1. Д. 34. Лл. 1–11
[3] РГИА. Ф. 1286. Оп. 2. Д. 308. Л. 1–65.

Несмотря на проводимые реформы, полицейская деятельность в губернии оставляла желать лучшего. В 1837 году в МВД из Казанской губернии поступили жалобы на неэффективную работу полицейских чинов. Полицейский надзор находился в плачевном состоянии, замедлялось действие полицейских органов в результате возложенных на них функций, не связанных с их прямой деятельностью (например, пожарных и санитарных функций); средств, выделяемых на полицию, не хватало; полицейское жалованье не являлось стимулом к серьезной работе.

Местная губернская администрация была обеспокоена состоянием полицейских органов, о чем неоднократно сообщала в Министерство внутренних дел. Проблемы кадрового и материального обеспечения полицейских органов касались не только Казанской губернии. Практическая необходимость требовала частных изменений в числе штатных чинов. Это послужило основой для закона о полиции от 3 июня 1837 г.[1] В составе губернской полиции была выделена сельская полиция в уездах, которая делилась на «полицейские станы» во главе со становыми приставами, с подчинением им «сотских» и «десятских» из местного крестьянского населения. В населенных пунктах со статусом «посад» и в малых городах были введены должности «пятисотских» и «тысяцких», которые назначались из отставных армейских нижних чинов и заведовали делами местной полиции под надзором станового пристава.

Реформы полиции коснулись и административного деления. В 1840 г. Казань состояла из пяти полицейских частей, во главе которых стояли частные приставы. Часть делилась на кварталы, возглавляемые квартальными надзирателями. Проблема комплектования штатов полиции в целом так и оставалась нерешенной и требовала определенных организационных изменений. 18 декабря 1845 г. по положению Комитета Министров «Об определении в Казанскую городскую полицию помощника полицмейстера и трех следственных приставов» в Казани учреждалась должность помощника полицмейстера в 8 классе (по Табели о рангах) с жалованием 300 рублей серебром в год, трех следственных приставов в 9 классе с жалованием по 200 рублей в год серебром[2].

Функции полицейского аппарата не были четко сформулированы, они были настолько многочисленны, что точное их исполнение было практически невозможным.

Николай I стремился к сосредоточению полиции на ее прямых обязанностях и отделении от нее хозяйственной части, но проекты, предложенные в 1826 года в комитете при МВД, так и остались на бумаге. Для правительства было затратно выделять средства на создание новых ведомств, отдельных от полиции. Объединение прямых полицейских обязанностей с хозяйственными и судебными функциями позволяло существенно экономить на содержании местных органов управления. Полиция самостоятельно определяла меры наказания за малозначительные преступления: за хождение по улице в позднее время, за пьянство, за отсутствие паспорта…

До конца XIX века штат полиции Казани состоял, главным образом, из русскоязычных жителей Казанской губернии. Одним из первых татар, работавших в полиции Казани, был Шаги-ахмет Мухаметович Алкин, начавший свою деятельность с должности писца губернской канцелярии, он был помощником пристава, а в 1833 году был назначен частным приставом во вторую полицейскую часть. На своем посту Ш.М. Алкин развил бурную деятельность, не раз участвовал в задержании опасных преступников. За раскрытие целой серии грабежей в центре города был награжден в 1835 году золотыми часами с цепочкой. Была в Ш.М. Алкине еще одна черта, внушавшая уважение: он не брал взяток! [8, с.87-89]

20 августа 1836 года в Казани побывал император Николай I, следовавший по Волге на пароходе. За несколько недель до этого вся полиция города была поставлена «на ноги». Казань привели в подобающий этому случаю вид. Из города удалили нищих и других сомнительных лиц. Среди наиболее отличившихся чиновников императору был представлен и пристав Шаги-ахмет Алкин, охарактеризованный губернатором как «гроза разбойников и поджигателей». В том же году его назначают частным приставом первой полицейской части в центре Казани, где он прослужил до 1846 года. Имел награды (ордена Святой Анны 2-й и 3-й степеней) и благодарности, как от Казанского губернатора, так и от МВД и лично от императора Николая I. В 1846 году за добросовестную службу и доблесть коллежского советника Шаги-Ахмета ибн Мухамета, а «по российскому переводу» Алексея Михайловича Алкина назначили помощником полицмейстера Казани. Ни один некрещеный татарин не достигал столь высокого положения на административной лестнице в полиции того времени.

Преступники в окрестностях Казани, разбойничьи шайки на речных и сухопутных путях нагло обирали путников. Особый ужас своей жестоко-

[1] ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. XII. № 10305.
[2] ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. XX. № 19536.

стью наводили на жителей банды под предводительством Быкова и Чайкина. Пришлось приложить немало сил и стараний, прежде чем удалось их поймать. «В 1847 г. в Казани были казнены знаменитые разбойники Быков и Чайкин, долго не дававшие ни проходу, ни проезду в Казанской губернии. Много эти разбойники погубили народу: один 105 человек, другой – 90. Быкову было присуждено 12 тысяч ударов палками, а Чайкину – 9 тысяч, но они умерли, не выдержав и половины назначенного наказания. Их скелеты были потом выставлены для обозрения в анатомическом музее Казанского императорского университета» [9].

23 июня 1853 года Николаем I было утверждено положение Комитета министров «Об устройстве в городах полицейских команд». Согласно этому положению количество полицейских на каждом участке города должно было строго соответствовать численности населения. Поэтому городские полицейские команды формировались из бывших нижних чинов военного ведомства с таким расчетом, чтобы на две тысячи жителей приходилось пять полицейских служителей и на пять тысяч жителей – один унтер-офицер и девять полицейских служителей. Денежное содержание им было определено в соответствии с порядком содержания нижних воинских чинов.

Однако эти решения не смогли устранить проблем комплектования полицейских органов. Привлечение на службу низших военных чинов негативно сказывалось на работе полиции, нехватка опытных полицейских кадров заставляла комплектовать дополнительные отряды казачьих войск, что вело к лишним затратам на их содержание.

Хозяйственные функции полиции в первой половине XIX в. были довольно широкими. Полиция контролировала в городе соблюдение норм благоустройства и санитарных правил, медицинское обслуживание, работу органов общественного призрения, осуществляла противопожарную деятельность.

Создание МВД дало новый импульс развитию в стране службы пожарной охраны, которая в тот период была подведомственна полиции. В некоторых губернских городах губернаторы отменили пожарную повинность населения. Обязанности по пожаротушению возлагались на полицию и солдат местного гарнизона, полиции передавалась техника для тушения пожаров, были подготовлены специально обученные люди. Для Казани данный вопрос был особенно актуальным, т. к. город часто горел.

В указе от 10 января 1819 г. об устройстве полиции в губернских городах было отмечено неудовлетворительное состояние пожарных частей. В этом указе содержались требования определить число кварталов и частей в каждом городе, определить для каждой части количество пожарных орудий, обозов, лошадей, чтобы в каждой части города был свой дом с нужными припасами для пожарных принадлежностей. И обязательно при полиции должен быть брандмейстер и при нем два ученика[1]

В 1832 г. был принят законодательный акт «Свод устава пожарного». Он имел ряд чрезвычайно важных положений: пожарная часть входила в состав городской полиции; устройство пожарной части стало дифференцированным, разные требования предъявлялись к пожарной охране в столичных, губернских и уездных городах; были сформулированы требования мер предосторожности при пожарах; на полицию были возложены обязанности по расследованию причин пожаров [10, с.40].

Таким образом, мы видим, что полицейская деятельность охватывала практически все сферы общественной жизни и не претерпевала серьезных изменений с момента создания полиции (кроме изъятия функций политического сыска после создания III отделения Собственной его императорского величества канцелярии).

Обсуждение и заключения

Анализ нормативно-правовых актов и архивных делопроизводственных источников позволил проследить процесс развития казанской полиции после создания Министерства внутренних дел в 1802 г., в первой половине XIX в., выявить основные проблемы, которые были характерны для развития полиции в губерниях страны.

Круг полицейских обязанностей оставался очень широким и не вполне определенным. Наделение полиции большим объемом административно-хозяйственных функций было связано со слабостью органов местного самоуправления. В свою очередь, столь широкие полномочия полиции негативно отражались на ее работе в целом, понижая эффективность ее правоохранительной деятельности.

Проблемы кадрового обеспечения полиции, начиная с момента ее создания, относились к числу самых важных и наиболее трудно разрешимых. Средств, выделяемых на содержание полиции, не хватало для привлечения в ее ряды достаточного числа лиц, наделенных качествами, отвечающими высоким требованиям. Материальное содержание чинов полиции, несмотря на прибавление им жалованья, мало соответствовало нормальному жизненному уровню.

Введение социальных льгот, гарантий, пенсионное обеспечение гражданских служащих полиции было юридически оформлено только после создания Министерства внутренних дел. До этого перио-

[1] ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. XXXV. № 27221.

да регулирование социальной защиты полицейских шло по нормам военного ведомства, т.к. большинство полицейских были переведены из армии.

Следует выделить: недостаток в полиции квалифицированных чиновников, принудительный порядок назначения на службу, отсутствие должного поощрения гражданской службы, нежелание чиновников переезжать в другую местность к новому месту службы.

Результаты полицейских реформ первой половины XIX века оказались не вполне соответствующими ожиданиям правительства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мулукаев Р. С. Полиция и тюремные учреждения дореволюционной России. М., 1964.
2. Байкеева С. Е. Кадровое обеспечение полицейских органов в Российской империи (Историко-правовой аспект): автореф. дис. ... канд.юрид. наук. СПб., 2001.
3. Расческова Л.В. Два века на страже порядка: из истории полиции Казани и Казанской губернии // Kazan-Казань. № 6. 2002.
4. Уголовный розыск Республики Татарстан. Страницы истории. Казань, 1998.
5. Халиуллина Л. Г. Летопись следствия. Казань, 1998.
6. Давлятбаев Н.Ф., Шайдуллин Р.Ф. Криминалисты на службе правосудия. Казань, 1999.
7. Расческова. Л. В. Два века на страже порядка: из истории полиции Казани и Казанской губернии // Kazan-Казань. 2002. № 6.
8. Султанбеков Б. «Он держал в руках Казань...». Быль о полицейском, который не брал взяток // Казань. 1995. № 9-10.
9 Казанский М.В. Путеводитель по г. Казань. Казань, 1899.
10. Бикташева А.Н., Гребенкин М. Ю. Казанская полиция в системе губернской администрации. Казань, 2004.

REFERENCES

1. Mulukaev R. S. Policiya i tyuremnye uchrezhdeniya dorevolyucionnoj Rossii. M., 1964.
2. Bajkeeva S. E. Kadrovoe obespechenie policejskih organov v Rossijskoj imperii (Istoriko-pravovoj aspekt): avtoref. dis. ... kand.yurid. nauk. SPb., 2001.
3. Rascheskova L.V. Dva veka na strazhe poryadka: iz istorii policii Kazani i Kazanskoj gubernii // Kazan-Kazan'. № 6. 2002.
4. Ugolovnyj rozysk Respubliki Tatarstan. Stranicy istorii. Kazan', 1998.
5. Haliullina L. G. Letopis' sledstviya. Kazan', 1998.
6. Davlyatbaev N.F., SHajdullin R.F. Kriminalisty na sluzhbe pravosudiya. Kazan', 1999.
7. Rascheskova. L. V. Dva veka na strazhe poryadka: iz istorii policii Kazani i Kazanskoj gubernii // Kazan-Kazan'. 2002. № 6.
8. Sultanbekov B. «On derzhal v rukah Kazan'...». Byl' o policejskom, kotoryj ne bral vzyatok // Kazan'. 1995. № 9-10.
9 Kazanskij M.V. Putevoditel' po g. Kazan'. Kazan', 1899.
10. Biktasheva A.N., Grebenkin M. YU. Kazanskaya policiya v sisteme gubernskoj administracii. Kazan', 2004.

Об авторе: Бикташева Алсу Назимовна, доктор исторических наук, профессор Школы исторических наук факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»
e-mail: abiktasheva@hse.ru
© Бикташева А.Н., 2018
Статья получена: 04.03.2018 Статья принята к публикации: 15.03.2018.
Статья опубликована онлайн: 20.03.2018

About the author: Biktasheva Alsu N., Doctor of Historical Sciences (Higher Doctorate), Professor of the School of History of the Faculty of Humanities of National Research University Higher School of Economics
e-mail: abiktasheva@hse.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The author has read and approved the final manuscript.

УДК 343.81 DOI: I:10.24420/KUI.2018.31.11103

В.В. Казаченок

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ ОРГАНОВ И УЧРЕЖДЕНИЙ В СИСТЕМЕ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

ORGANIZATIONAL AND LEGAL BASES OF ACTIVITY OF PENITENTIARY BODIES AND ESTABLISHMENTS IN THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF THE RUSSIAN EMPIRE

Введение: статья посвящена рассмотрению проблем организации деятельности пенитенциарной системы Российской империи и ее правового обеспечения в период нахождения системы в ведении Министерства внутренних дел.

Материалы и методы: основу исследования составили нормативные правовые акты Российского государства и подзаконные акты Министерства внутренних дел и Министерства юстиции Российской империи, материалы периодической печати и архивные документы, касающиеся деятельности местных пенитенциарных учреждений.

В ходе работы над статьей применялись диалектический, сравнительно-исторический и формально-юридический методы.

Результаты исследования: в статье рассматривается деятельность российского государства по преобразованию тюремной системы, особое внимание уделяется созданию Главного тюремного управления как структурного подразделения Министерства внутренних дел, являющегося высшей контролирующей и распорядительной инстанцией, осуществлявшей непосредственное руководство местами лишения свободы. Рассмотрены основные тенденции развития пенитенциарного законодательства в XIX в.

Обсуждение и заключения: автор отмечает, что в последней четверти XIX в. удалось создать централизованную структуру управления пенитенциарной системой, которую возглавило Главное тюремное управление. При этом передача пенитенциарной системы в 1895 г. из Министерства внутренних дел в ведение Министерства юстиции оценивается неоднозначно.

Ключевые слова: Министерство внутренних дел, Главное тюремное управление, пенитенциарные органы и учреждения, тюрьмы, губернские тюремные инспекции, пенитенциарная реформа, Российская империя

Для цитирования: Казаченок В.В. Организационно-правовые основы деятельности пенитенциарных органов и учреждений в системе Министерства внутренних дел Российской империи // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2018. Т. 9, № 1. С. 12-17. DOI: I:10.24420/KUI.2018.31.11103

Introduction: the article is focused on the consideration of the basis of the penal enforcement legislation of the XIX century of the organization of the penitentiary system of the Russian Empire during its stay under the jurisdiction of the Ministry of Internal Affairs.

Materials and Methods: the study was based on normative legal acts of the pre-revolutionary period, periodicals and documents of the national archive of the Republic of Tatarstan. The article applies the dialectical method of cognition, comparative historical and formal legal methods.

Results:. the article deals with the activity on transformation of the prison system. Special attention is paid to the creation of the Main Prison Administration as a structural unit of the Ministry of Internal Affairs, which is the supreme controlling and administrative authority that directly managed the places of deprivation of liberty. Tendencies of improving the penitentiary legislation in the nineteenth century were considered.

Discussion and Conclusions: the author notes that a centralized prison management structure was established in the last quarter of the nineteenth century, headed by the General Prison Administration. The transfer of the penitentiary system in 1895 from the Ministry of Interior to the Ministry of Justice remains a controversial issue.

Key words: Ministry of Interior, Central prison Department, prison authorities and institutions, prisons, the provincial prison inspection, prison reform, Russian Empire

For citation: Kazachenok V.V. Organizational and legal bases of activity of penitentiary bodies and establishments in the Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2018. V.9, №1. P. 12-17. DOI: I:10.24420/KUI.2018.31.11103

Введение

К ведению Министерства внутренних дел, созданного в 1802 г, относилось и содержание тюрем. [1, с. 49] Вообще управление тюрьмами в России в первой половине XIX в. было сосредоточено в разных ведомствах. Третье отделение императорской канцелярии заведовало политическими тюрьмами, монастырские тюрьмы находились в ведении Святейшего правительствующего Синода, Департамент полиции исполнительной Министерства внутренних дел заведовал общеуголовными тюрьмами. Главное управление путей сообщения и публичных зданий осуществляло общее управление исправительными арестантскими ротами. Смирительные и рабочие дома, находящиеся под попечением Приказа общественного призрения, были в ведении Департамента хозяйственной полиции.

Порядок и организация тюремной деятельности везде были разными: разрешенное в одной тюрьме запрещалось в другой; в одной тюрьме заключенные получали пищу в достатке, в другой – почти голодали; в одной проступок против тюремных правил карался выговором, в другой влек за собой телесное наказание. Повсюду царили беспорядок и произвол, проявлялся недостаток общих правил. Более того, смотрители тюремных замков за немногими исключениями были мало знакомы со своими обязанностями, при этом еще и выполняли их недостаточно усердно.

Преобразование тюремной системы в России являлось одной из главных задач Министерства внутренних дел, поэтому усилия его были направлены как на улучшение системы мест заключения, так и на рациональную организацию системы тюремного надзора и быта заключенных. Основными задачами реформирования тюремной системы были создание единой системы управления местами лишения свободы, улучшение контроля над пенитенциарными учреждениями.

Результаты исследования

Реформированием органов тюремного управления занималась созданная в 1877 г. Комиссия по тюремным преобразованиям из членов Государственного совета под председательством статс-секретаря К.К. Грота. Комиссией были разработаны законопроекты по преобразованию тюремной части и пересмотрено частично (2 гл.) Уложение о наказаниях [2, с. 45.]. В итоге 27 февраля 1879 г. в составе Министерства внутренних дел было создано Главное тюремное управление (далее – ГТУ), задача которого состояла в упорядочивании пенитенциарной системы, приведении в порядок тюремных учреждений, обеспечении сносных условий содержания заключенных и исполнения наказания.

11 декабря 1879 г. был принят закон[1], возложивший на ГТУ разработку программы строительства и реконструкции тюремных зданий, а также указывавший на необходимость введения одиночной системы содержания заключенных в тюрьмах.

Структурно ГТУ состояло из пятнадцати делопроизводств, где работали 56 чиновников и немногим меньше служащих. Функции руководства и контроля за деятельностью губернских и уездных мест заключения исполняли тюремные отделения.

К концу 1879 г. в ведении ГТУ находились около 700 тюремных учреждений, в том числе 84 губернских и 510 уездных тюремных замков, 32 дополнительных тюремных помещения, 33 исправительные тюрьмы и исправительные арестантские отделения, 11 смирительно-рабочих и 2 исправительных дома, 4 следственных и 12 пересыльных тюрем [3, с. 301].

На основании циркуляра МВД от 17 сентября 1879 г. № 117 полицмейстер и уездные исправники обязывались ежедневно осматривать тюремные замки и осуществлять контроль за выполнением начальниками тюрем возложенных на них обязанностей[2]. Более того, циркуляром ГТУ от 29 ноября 1889 г. № 25 в тюремных учреждениях были введены особые книги для записи в них замечаний, отмеченных при посещении тюрем[3].

В конце XIX века в связи с изменением условий развития общества ликвидируются долговые тюрьмы, смирительные и рабочие дома, арестантские роты. Но общее число тюрем не только не уменьшилось, а резко возросло. В этот период в Российской империи было построено много новых тюрем. Так, с 1886 по 1902 гг. вновь введено 56 крупных тюрем, приобретено под тюрьмы 19 частных и преобразовано 28 зданий. Кроме того, построены 6 тюрем по системе одиночного заключения [4, с. 64]. Преобладающим видом мест лишения свобо-

[1] Об основных положениях, имеющих служить руководством при преобразовании тюремной части и пересмотре Уложения о наказаниях // Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗРИ). Собр 2. Т. 54. № 60268.
[2] Национальный архив Республики Татарстан (далее – НА РТ). Ф. 522. Оп. 1. Д. 162. Л. 3.
[3] НА РТ. Ф. 2 Оп. 12. Д. 1415. Л. 19.

ды в пореформенной России стали губернские и уездные тюрьмы. Уездные тюрьмы создавались на 2-3 уезда с количеством мест на 20-70 человек, а губернские – на 150-200 человек. К началу XX в. ГТУ распоряжалось 895 тюрьмами, из них 718 – общего устройства, в которых содержалось чуть более 90 тысяч заключенных[1]. С ликвидацией Третьего отделения в ведение Министерства внутренних дел попали политические тюрьмы (Петропавловская и Шлиссельбургские крепости).

Для улучшения организации тюремной службы и изменения порядка устройства управления и надзора в тюрьмах 15 июня 1887 г. Александр III вводит Особые правила об устройстве управления отдельными местами заключения гражданского ведомства и тюремной стражи. Согласно Правилам в местах лишения свободы к органам управления на низовом уровне были отнесены начальники тюрем (заменившие смотрителей) и их помощники; тюремная стража, состоящая из старших и младших надзирателей; тюремные священники, дьяконы и псаломщики; врачи и фельдшеры. Основная же роль в управлении отводилась начальникам тюрем.

Замещение должностей начальников тюрем и их помощников высших классов теперь осуществлялось распоряжением министра внутренних дел на основании ходатайства ГТУ, а должностей до VI класса – губернаторами. Назначение и увольнение тюремных надзирателей перешло к компетенции начальников тюрем, тогда как раньше оно осуществлялось комитетами и отделениями Общества попечительного о тюрьмах. Также изменился порядок привлечения к судебной ответственности: должностные лица высших классов привлекались по постановлениям министра внутренних дел, а чиновники до VI класса – по постановлениям губернских правлений. Тюремные же надзиратели представлялись суду по постановлениям полицейских управлений.

В целях совершенствования управления системой пенитенциарных органов и учреждений создается Совет по тюремным делам, в состав которого вводились царским указом высокопоставленные лица из различных ведомств. В ведении Совета находились такие вопросы, как пересылка арестантов, устройство тюрем, утверждение смет доходов и расходов, исправление заключенных, обобщение отчетности и др.

На местах учреждаются губернские тюремные инспекции. Первые инспекции создаются 21 марта 1890 г. в Виленской, Киевской, Пермской, Саратовской и Харьковской губерниях[2]. В последующие годы рост инспекций не прекращался. Так, до 1907 г. общее их количество в российском государстве составляло 24, а с 1909 по 1912 гг. было открыто еще 29 инспекций[3].

К 1913 г. в империи работало 56 тюремных инспекций [5, с. 133], которые стали контролирующими органами над местными пенитенциарными учреждениями, издавая ведомственные правовые акты, имевшие свое действие на определенной территории. Кроме этого, тюремные инспекции были своего рода регуляторами в деятельности пенитенциарных учреждений на местном уровне, разъяснявшими положения основных правовых актов об исполнении наказания в виде лишения свободы.

Губернские тюремные инспекции работали под руководством губернатора и находились в составе губернского правления. Губернский инспектор являлся членом общего присутствия данного правления. В его обязанности входило собирание сведений о порядке исполнения наказания в тюремных учреждениях, проведение ревизий хозяйственной деятельности в тюрьмах, прием заявлений от тюремной администрации, проверка делопроизводства, а также законности содержания арестантов в учреждении.

Основные функции тюремного инспектора в губерниях заключались в контроле и надзоре за местными карательными учреждениями и воспитательно-исправительными заведениями для несовершеннолетних; в наблюдении за исполнением правил, установленных законом о размещении арестантов и о способе их содержания; ходатайстве перед ГТУ о нуждах местных тюремных учреждений, а также в организации работы по предупреждению побегов из тюрем, сохранению жизни надзирательного состава и др. Губернский инспектор должен был следить, чтобы соблюдались все правила относительно отчетности по арестантским работам. По сути, он являлся руководителем местной тюремной администрации. Ему подчинялась вся администрация тюрьмы, включая начальника. Должностные лица обязаны были оказывать ему уважение и точно исполнять его приказания. В отношении них он имел дисциплинарную власть: согласно ст. 69 Уложения о наказаниях за упущения по службе он мог делать им словесно или письменно замечания или выговоры без внесения в послужной список [6, с. 256-257].

Нередко начальники мест заключения встречались с трудностями при разрешении вопросов о приеме и освобождении лиц, доставляемых для содержания под стражей, не находя в действующих

[1] Отчет Главного тюремного управления за 1900 год. СПб., 1902. С. 12.
[2] ПСЗРИ. Собр 1. Т. 9. № 6653; Т. 10. № 7844; Т. 14. № 10597, 10568, Т. 16. № 11742, 11757.
[3] Обзор преобразований по тюремной части при новых законодательных установлениях (1906-1912). СПб., 1913. С. 118.

распоряжениях точных указаний. Для восполнения этого пробела ГТУ разработало Правила об условиях и порядке приема и освобождения арестантов[1], дополненные Циркуляром департамента полиции МВД от 22 декабря 1906 г.[2]

Последним шагом на пути реформирования тюремной системы России в XIX в. стала передача ее в ведение Министерства юстиции в 1895 г. Однако в обществе этот шаг был расценен неоднозначно, в основном негативно, в том числе и со стороны видных юристов [7, с. 22-23]. Фактически ГТУ стало бесконтрольным. Жаловаться на инспекцию можно было только прокурору, а он был сослуживцем по ведомству и часто кандидатом в тюремные инспекторы [8, с. 53].

На основании Указа от 13 декабря 1895 г. из ведения установлений Министерства внутренних дел было исключено три разряда дел: по заведыванию тюремными учреждениями гражданского ведомства, по заведыванию пересылкой арестантов и по исполнению судебных приговоров о наказаниях лишением свободы. Соответственно, круг деятельности губернского тюремного управления расширился [9, с. 28-29].

Главным начальствующим лицом всех мест заключения становился министр юстиции, а непосредственное заведывание ими по всей империи вверялось начальнику ГТУ, местное – губернаторам. Заведывание каторжными тюрьмами возлагалось на местных губернаторов, которым были предоставлены те же права, что и в Европейской России, а кроме этого, еще права и обязанности бывших экспедиций о ссыльных [10, с. 136].

Таким образом, уголовно-исполнительная политика России в XIX в. была направлена на совершенствование деятельности пенитенциарной системы. В то же время в управлении пенитенциарными органами и учреждениями отсутствовали система и централизация и, соответственно, эффективный контроль за их деятельностью.

Видя серьезные недостатки в управлении пенитенциарной системой, правительство пришло к мнению о необходимости осуществления тюремной реформы. В ходе ее проведения в конце XIX в. была создана централизованная структура управления пенитенциарной системой, во главе которой поставлено Главное тюремное управление. Реформирование пенитенциарной системы в последние предреволюционные десятилетия приблизило ее к передовым странам мира [11, с. 36].

Преобладающим видом мест лишения свободы в пореформенной России были губернские и уездные тюрьмы. Управление деятельностью пенитенциарных органов и учреждений в регионах Российской империи осуществлялось на централизованном общегосударственном и региональном (местном) уровнях. Связующим звеном между ГТУ и пенитенциарными учреждениями на местах стали тюремные инспекции, осуществляющие контрольные и надзорные функции. Это были отдельные административные органы, через которые можно было контролировать процесс тюремной реформы на местах. Во главе их стояли губернские тюремные инспекторы, статус которых был достаточно высок.

Правовое регулирование деятельности пенитенциарных органов и учреждений осуществлялось уголовно-исполнительным законодательством Российской империи и отражало общие тенденции и закономерности развития государства. На основании этого законодательства Министерство внутренних дел и ГТУ издавали циркуляры – ведомственные правовые акты, являвшиеся директивными распоряжениями, содержащими определенные предписания подчиняющимся органам. В свою очередь, губернские тюремные инспекции и губернские тюремные комитеты издавали циркуляры по разъяснению и уточнению норм, регламентирующих деятельность пенитенциарной системы, а также для урегулирования организационных вопросов непосредственно в деятельности пенитенциарных органов и учреждений губернии.

Обсуждение и заключения

Итак, одной из многочисленных функций созданного в 1802 г. Министерства внутренних дел являлось содержание тюрем. Однако в начале XIX в. места лишения свободы еще не представляли собой системы, что связано как с общим направлением развития правового регулирования пенитенциарной сферы, так и с отсутствием в российском уголовном праве норм, регулирующих исполнение наказания в виде лишения свободы.

В результате проведения ряда организационно-правовых мероприятий в конце XIX в. была сформирована единая концепция исполнения уголовных наказаний, соответствовавшая общему направлению правительственной политики, а также создана централизованная структура управления пенитенциарной системой во главе с Главным тюремным управлением.

Для улучшения тюремной системы были предприняты следующие меры: усиление централизации управления местами заключения, учреждение

[1] НА РТ. Ф. 2. Оп. 12. Д. 1631. Л. 30-38.
[2] НА РТ. Ф. 2. Оп. 12. Д. 1631. Л. 7-8.

особых конвойных команд и тюремной стражи гражданского ведомства, снабжение заключенных одеждой, упорядочение труда заключенных, преобразование конвойной стражи. Для исключения чрезмерного скопления заключенных в центральных тюрьмах было значительно ускорено передвижение партий. Разрабатывались новые маршруты и расписания для следования ссыльных команд. Таким образом, Министерство внутренних дел, осуществив реформу тюремного дела, сумело создать рациональные основы пенитенциарной системы.

Завершающем этапом реформирования пенитенциарной системы Российской империи в XIX в. стала передача ее в 1895 г. из Министерства внутренних дел в ведение Министерства юстиции. Однако такие изменения влекли за собой и негативные последствия, поскольку ГТУ становилось практически бесконтрольным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Фастов А.Г., Пантелеев Е.В., Бойко Д.В. История органов внутренних дел : учеб. пособие. Волгоград: ВА МВД России, 2016. 220 с.
2. Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801-1917 гг. Т. 1: Высшие государственные учреждения. СПб.: Наука, 1998. 302 с.
3. Лучинский Н.Ф. Краткий очерк деятельности Главного тюремного управления за первые XXXV лет его существования (1879-1914 гг.) // Тюремный вестник. 1914. № 2.
4. Гибов В.В., Смирнов Л.Б. Пенитенциарные учреждения в системе МВД Российской империи // МВД России – 200 лет: история и перспективы развития: тезисы докладов и выступлений на юбилейной научно-практической конференции. СПб.: Фонд поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности «Университет», 2002. С. 61-64.
5. Органы и войска МВД России: краткий исторический очерк. М.: Объед. ред. МВД России, 1996. 464 с.
6. Познышев С.В. Очерки тюрьмоведения. 2-е изд., испр. и доп. М., 1915. 296 с.
7. Зубков А.И., Калинин Ю.И., Сысоев В.Д. Пенитенциарные учреждения в системе Министерства юстиции России. История и современность / под ред. С.В. Степашина, П.В. Крашенинникова. М.: Норма, 1998. 176 с.
8. Алексеев В.И. Организационно-правовые основы образования и деятельности главного тюремного управления // История государства и права. 2003. № 4.
9. Алексеев В.И. Организационно-правовые основы образования и деятельности губернской тюремной инспекции // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2004. № 2.
10. Таганцев Н.С. Русское уголовное право: лекции. Часть общая: в 2 т. Т. 2. М.: Наука, 1994. 393 с.
11. Фролова О.В. Образование Главного тюремного управления в дореволюционной России // Русское общество и тюремная реформа 18-21 вв. История и современность: материалы межведомственной научно-практической конференции 28 апреля 2004 г. СПб.: СПБ ИПК УИС МЮ РФ, 2004.

REFERENCES

1. Fastov A.G., Panteleev E.V., Bojko D.V. Istoriya organov vnutrennih del : ucheb. posobie. Volgograd: VA MVD Rossii, 2016. 220 s.
2. Vysshie i central'nye gosudarstvennye uchrezhdeniya Rossii. 1801-1917 gg. T. 1: Vysshie gosudarstvennye uchrezhdeniya. SPb.: Nauka, 1998. 302 s.
3. Luchinskij N.F. Kratkij ocherk deyatel'nosti Glavnogo tyuremnogo upravleniya za pervye XXXV let ego sushchestvovaniya (1879-1914 gg.) // Tyuremnyj vestnik. 1914. № 2.
4. Gibov V.V., Smirnov L.B. Penitenciarnye uchrezhdeniya v sisteme MVD Rossijskoj Imperii // MVD Rossii – 200 let: istoriya i perspektivy razvitiya: tezisy dokladov i vystuplenij na yubilejnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. SPb.: Fond podderzhki nauki i obrazovaniya v oblasti pravoohranitel'noj deyatel'nosti «Universitet», 2002. S. 61-64.
5. Organy i vojska MVD Rossii: kratkij istoricheskij ocherk. M.: Ob"ed. red. MVD Rossii, 1996. 464 c.
6. Poznyshev S.V. Ocherki tyur'movedeniya. 2-e izd., ispr. i dop. M., 1915. 296 s.
7. Zubkov A.I., Kalinin YU.I., Sysoev V.D. Penitenciarnye uchrezhdeniya v sisteme Ministerstva yusticii Rossii. Istoriya i sovremennost' / pod red. S.V. Stepashina, P.V. Krasheninnikova. M.: NORMA, 1998. 176 s.
8. Alekseev V.I. Organizacionno-pravovye osnovy obrazovaniya i deyatel'nosti glavnogo tyuremnogo upravleniya // Istoriya gosudarstva i prava. 2003. № 4.
9. Alekseev V.I. Organizacionno-pravovye osnovy obrazovaniya i deyatel'nosti gubernskoj tyuremnoj inspekcii // Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ehkonomika, upravlenie. 2004. № 2.

10. Tagancev N.S. Russkoe ugolovnoe pravo: lekcii. CHast' obshchaya: v 2 t. T. 2. M.: Nauka, 1994. 393 s.
11. Frolova O.V. Obrazovanie Glavnogo tyuremnogo upravleniya v dorevolyucionnoj Rossii // Russkoe obshchestvo i tyuremnaya reforma 18-21 vv. Istoriya i sovremennost': materialy mezhvedomstvennoj nauchno-prakticheskoj konferencii 28 aprelya 2004 g. SPb.: SPB IPK UIS MYU RF, 2004.

Об авторе: Казаченок Виктория Владимировна, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры административного права, административной деятельности и управления органов внутренних дел Казанского юридического института МВД России
e-mail: kazachenokv@mail.ru
© Казаченок В.В., 2018
Статья получена: 06.03.2018 Статья принята к публикации: 15.03.2018
Статья опубликована онлайн: 20.03.2018

About the author: Kazachenok Victoriya V., Candidate of Jurisprudence (research doctorate), Senior Lecturer at the Department of Administrative Law, Administrative Activities and Management of the Internal Affairs Bodies of the Kazan Law Institute of MIA of Russia
e-mail: kazachenokv@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The author has read and approved the final manuscript.

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ КАЗАНСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ

Артюшина О.В.

Общая часть уголовного права: вопросы и ответы: учебное пособие. – Казань: КЮИ МВД России, 2017. – 128 с.

ISBN 978-5-906977-19-9

В учебном пособии раскрываются вопросы, выносимые на зачет и экзамен по учебной дисциплине «Уголовное право» по специальностям 40.05.01 Правовое обеспечение национальной безопасности и 40.05.02 Правоохранительная деятельность; квалификация (степень) выпускника – «юрист». Теоретическая и практическая значимость работы состоит в лаконичном изложении ключевых вопросов применения норм Общей части УК РФ.

Предназначено для курсантов и слушателей МВД России, обучающихся по специальностям 40.05.01 Правовое обеспечение национальной безопасности и 40.05.02 Правоохранительная деятельность.

УДК 159.9:316.77 DOI: 10.24420/KUI.2018.31.11104

Е.В. Ильюк

ХАРИЗМАТИЧНОСТЬ КАК ОСОБОЕ КАЧЕСТВО РУКОВОДИТЕЛЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОГО ОРГАНА

CHARISMA AS A SPECIAL QUALITY OF THE HEAD OF THE LAW ENFORCEMENT AGENCY

Введение: вопросы повышения имиджа и эффективности деятельности правоохранительных органов чрезвычайно актуальны. И здесь особое внимание необходимо уделить работе с личным составом. Цель исследования – показать зависимость имиджа территориального правоохранительного органа и эффективности его работы от наличия у руководителя лидерских качеств, охватываемых понятием «харизма».

Материалы и методы: в ходе работы над статьей использованы различные психологические методы, включавшие наблюдение, анализ личности руководителя. Проведен систематический обзор научных публикаций и нормативных правовых актов, посвященных вопросам управления в правоохранительных органах, поэтапного становления личности; тренинговые методы.

Результаты исследования: автор приходит к выводу, что для эффективного управления подчиненными сотрудниками руководитель должен обладать комплексом психологических и лидерских качеств, которые охватываются понятием «харизма». Харизматические лидеры востребованы именно в правоохранительных органах, где есть единоначалие, где приказы не обсуждаются, а выполняются. Выделены внешние стороны проявления лидерской позиции (походка, осанка, взгляд, голосовой режим), внутренние (стратегическое мышление, практичное и гибкое мышление, развитые коммуникативные качества, контроль за своим эмоциональным состоянием, обаяние, служение делу как мотив службы, демонстрация скромного образа жизни) и некоторые другие.

Обсуждение и заключения: в статье представлены практические рекомендации для сотрудников (руководителей) правоохранительных органов по формированию харизмы.

Ключевые слова: харизма, руководитель, формирование лидерских качеств, эффективность управления, формирование кадрового резерва, профессиональная подготовка сотрудника правоохранительного органа, единоначалие, субординация, стрессоустойчивость, копинг-поведение

Для цитирования: Ильюк Е.В. Харизматичность как особое качество руководителя правоохранительного органа // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2018. Т. 9, № 1. С. 18-22. DOI: 10.24420/KUI.2018.31.11104

Introduction: the issues of enhancing the image and effectiveness of law enforcement agencies are extremely relevant. The purpose of the research is to show the dependence of the image of the law enforcement agency and its effectiveness on the availability of leadership qualities and charisma.

Materials and Methods: the methodology of the study is psychological methods, including observation, analysis of the personality of the leader.

Results: studies of charisma began with the study of personality traits charismatic; then methods of «working hours» of charismatic qualities. For effective management of subordinate employees, the manager must possess a complex of qualities of the leader, charisma. Charismatic leaders are in demand in law enforcement bodies, where there is one-man management, where orders are not discussed, they are being implemented. You can distinguish external aspects (gait, posture, look, voice mode), and internal (strategic thinking, practical and flexible thinking, developed communicative qualities, control over your emotional state, charm, serving the cause as a motive of service, demonstrating a modest way of life) and others.

Discussion and Conclusions: "charisma" can be developed. For the first time, the method of developing charisma is applied to the formation of leadership qualities by law enforcement officers.

Key words: charisma, leader, formation of leadership qualities, management effectiveness, formation of the personnel reserve, professional training of the law enforcement officer, one-man management, subordination, stress resistance, coping behavior

For citation: Ilyuk E.V. Charisma as a special quality of the head of the law enforcement agency // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2018. V.9, №1. P. 18-22. DOI: 10.24420/KUI.2018.31.11104

Введение

Феномен харизмы исследуется в психологии, философии, социологии, политологии, педагогике. Значение слова «харизма» уходит корнями в древнегреческую мифологию – к богине Харита – символу красоты.

Обзор литературы

Согласно М. Веберу, харизма – это качество личности, признаваемое необычайным, благодаря которому личность оценивается как одаренная сверхъестественными, сверхчеловеческими свойствами, недоступными другим людям. Историки, описывавшие жизнь великих людей, отмечали, что только великим людям присуща харизма, у простых, обычных людей ее быть не может. Первоначально понятие «харизма» употреблялось исключительно в религиозной сфере, рассматривалось как «божья искра, дар свыше». В научный оборот данное понятие ввел М. Вебер во второй половине XX века, признаки и механизмы проявления харизмы отмечали Ж. Блондель, С. Московичи, П. Штомпка, Дж.Л. Ландарм, Г. Лебон, А. Уиллнер. В психоаналитической школе харизму изучали З. Фрейд, К.Г. Юнг, А. Адлер, Э. Фромм, в транзакционном анализе – Э. Берн. Дж. Конгер и Р. Канунго создали «Шкалы харизматического лидерства». А. Менегетти считал, что если личность развивается, она приобретает харизму. Характеристики харизматической личности изучались Н.Б. Энкельманом, Е.В. Сидоренко, С.Н. Зиневым, А. Сосландом.

Н.П. Романова, основываясь на социологическом подходе, выделяет различные типы харизматических лидеров: религиозные вожди, основатели религий; полководцы; вожди государств [1, с.131]. Изучают вопросы харизмы в экономике, менеджменте (О.В. Шкурко, М. Кете де Врис), педагогике (Т.А. Филь), политологи разрабатывают понятие «политической харизмы» (Н.В. Фреик, А.А. Беганян) и др.

Общепринятым является восприятие харизмы как чего-то недосягаемого, врожденного, данного от природы. В то же время в зарубежной психологии уже давно существует точка зрения, в соответствии с которой харизма не считается чем-то исключительным и может быть приобретена в результате тренингов и работы над собой. Ю.Ю. Чех указывала, что потенциал для развития харизматических качеств есть у каждого [2, с.159].

К анализу психологических концепций харизматической личности обращались Н.В. Дмитриева и Н.В. Буравцева. Они полагали, что харизматическую личность можно развить в ходе тренингов. Н.Б. Энкельманн начал разрабатывать тренинговые методы формирования качеств харизматика [3]. Техники наработки харизматических качеств подробно, в деталях разработаны Р.И. Гандапасом и К.В. Титовым. В то же время вопросы развития качеств харизматической личности не адаптированы к службе в правоохранительных органах, что и являлось задачей автора данной статьи.

Материалы и методы

В качестве основных методов исследования использованы психологические методы, включавшие наблюдение, анализ личности руководителя. Проведен систематический обзор научных публикаций и нормативных правовых актов, посвященных вопросам управления в правоохранительных органах.

Результаты исследования

Сотрудник полиции – это представитель власти. В его функции входит право «требовать от граждан и должностных лиц прекращения противоправных действий», «проверять у граждан и должностных лиц документы, удостоверяющие их личность»[1]. Для того чтобы граждане беспрекословно подчинялись законному требованию сотрудника полиции, он должен обладать целым набором психологических качеств. Комплекс этих психологических качеств, по нашему мнению, и охватывается понятием «харизма».

Лидеры формируются в иерархических структурах, созданных для преодоления критических ситуаций, в которых необходимо принимать решения в экстремальных ситуациях при дефиците времени, недостатке информации, берут на себя ответственность за все подразделение и действия подчиненных (возбуждение уголовного дела, избрание меры пресечения, применение оружия). В период действия военного или чрезвычайного положения, а также проведения контртеррористической операции, в условиях вооруженного конфликта, при ликвидации последствий аварий, катастроф природного и техногенного характера и других чрезвычайных ситуаций служба проходит в особых условиях[2].

[1] О полиции: Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ. Ст. 28 // Доступ из СПС «Гарант» (дата обращения: 19.10.2017).
[2] О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ. Ст. 35 // Доступ из СПС «Гарант» (дата обращения: 19.10.2017).

Подбор кадров на руководящие должности – ответственная и важная задача. К принципам формирования кадрового состава органов внутренних дел относится учет личных и деловых качеств, заслуг в служебной деятельности[1]. Каждому сотруднику правоохранительных органов нужны лидерские качества (иначе управлять будет не он, а им будут управлять).

Если у руководителя нет лидерских качеств, коллектив будет неуправляемым. Руководители на вакантные должности также подбирают сотрудников, которые смогут эффективно управлять своими подчиненными.

Харизма – это набор социально-психологических качеств, которые позволяют эффективно управлять. Харизматическому руководителю нет необходимости кричать на подчиненных, чрезмерно наказывать их – сотрудники выполняют указания руководителя, так как уважают его, «надо – значит сделаем». Он принимает решения и несет ответственность за действия всего коллектива, соблюдение сотрудниками этических норм.

Внешние черты харизматических лидеров – обязательно обаяние, развитые коммуникативные качества, умение найти подход к любому человеку, они заряжают окружающих своей энергичностью.

Руководитель-харизматик всегда владеет собой, умеет контролировать свои эмоции, внутреннее спокойствие, и абсолютная уверенность в себе – его фоновые состояния. Он театрален: может показать те эмоции, которые нужны в конкретный момент и не показать те, которых от него ждут (гнев, например). Проявлять эмоции – элемент тактики взаимодействия.

Когда на нас кричат, мы начинаем выстраивать оборонительную линию поведения, находим способы уклониться от удара [4, с.152]. Гнев руководителя снижает его авторитет. Именно об этом писал Конфуций две тысячи лет назад: «Когда человек не управляет собой, хоть он и приказывает, ему не повинуются» [5]. Стрессоустойчивость и умение управлять своим эмоциональным состоянием – необходимое профессиональное качество любого сотрудника правоохранительного органа, и прежде всего руководителя.

Контролируя свои эмоции, он не позволит вовлечь себя в конфликт, если это не входит в его планы. Безусловно, он видит, что его пытаются вовлечь в конфликт с определенной целью. Он действует «по правилам» [6, с.155], с теми, кто разжигает конфликт, ведет себя демонстративно доброжелательно и с чувством собственного достоинства.

В ситуациях когда нужно отвести агрессию в безопасное русло и снять напряженность в стрессовых ситуациях, помогает юмор. Смех обладает позитивной энергией, дающей прилив новых сил. На важных встречах бывает нужно расположить собеседника к себе. Лучший способ сделать это – заставить улыбнуться. Шутка часто оказывается лучшим выходом из острой, критической ситуации. Юмор – очень эффективное копинг-поведение. С помощью юмора можно предотвратить конфликт. Умело примененная шутка настраивает весь разговор на положительный и благоприятный тон. Нужно учиться применять юмор тогда, когда этого требует ситуация. Шутка должна быть короткой [6, с.26, 68, 69].

Лидеры не принадлежат к числу теоретиков – это люди действия. «Перейти Рубикон», «разрубить Гордиев узел» – это про решительных, способных принимать решения и нести ответственность лидеров.

Опасность для жизни, которую харизматический лидер преодолевает, придает ему ореол. При соприкосновении со смертью судьба сохранила ему жизнь, значит, он нужен. Тот, кто отслужил в горячих точках и завоевал награды, автоматически приобретает авторитет. «В конкретной жизненной обстановке у сотрудника бывает очень мало времени для принятия решения. А в большинстве случаев у преступника больше возможностей первого выстрела»[2], поэтому от рук преступников гибнут сотрудники органов внутренних дел.

Руководитель благодаря своему харизматическому влиянию может отдавать распоряжения и добиваться их выполнения, не объясняя важность и необходимость задачи. Единоначалие и субординация являются принципами службы в органах внутренних дел[3].

Если обычный человек испытывает стресс при необходимости принимать важные решения, то для лидеров стрессовой оказывается ситуация, когда им не удается взять решение задачи в свои руки. Людям нужен лидер, который бы ставил цели и указывал направление движения.

В любой группе выделяют роли «альфа» (лидер) и «омега» (подчиненный). «Альфа»-лидер является самым жизнеспособным, доминирующим членом

[1] О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ. Ст. 75 // Доступ из СПС «Гарант» (дата обращения: 19.10.2017).
[2] Колокольцев В. Бывает время и закручивания, и откручивания гаек. Эксклюзив НТВ. URL: http://www.ntv.ru/novosti/1577741/ (дата обращения: 19.10.2017).
[3] О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ. Ст. 4 // Доступ из СПС «Гарант» (дата обращения: 19.10.2017).

группы. Огромное значение имеет психологическая установка на победу. Противоположность роли «альфы» – роль «омеги». «Альфа» – это первая буква, «омега» – последняя буква латинского алфавита. Лица типа «омега» ничего не делают, пока не получат указание. «Омеги» имеют низкую самооценку, это зависимые люди. Получая негативные результаты, они обвиняют обстоятельства или руководителя. «Омег» в детстве научили, что нельзя давать сдачи, нужно быть вежливыми, послушными. «Омега» старается быть правильным, прилежно учиться, считая, что это ему позволит стать успешным. Исполнители-«омеги» склонны отвлекаться, им постоянно нужны перекуры, не могут работать без кофе. Они быстрее чувствуют усталость, не находят в себе сил для принятия решений и их отстаивания, оживляются при подключении внешнего источника – энергичного руководителя – или при чрезвычайных стрессовых внешних обстоятельствах.

Энергичность харизматического лидера производит на окружающих сильный эффект, поэтому говорят об особом ореоле лидера. Для него важно, чтобы его цель не сводилась к приобретению материальных ценностей, целью должно быть служение людям. Это отражено в Присяге сотрудника органов внутренних дел РФ: «Служу России, служу Закону!». В кадровой работе при отборе сотрудников всегда отслеживается мотивация – либо «за зарплату», либо ради служения людям, с получением максимального удовлетворения от приносимой пользы. Коллективизм и эффективная работа подразделения возможны только во втором случае. Если сотрудники служат «деньгам», то коллективизма, слаженной и эффективной работы не будет, начнут развиваться негативные проявления вроде сплетен, доносительства и предательства.

Харизматический лидер знает, как нужно поступить. Даже будучи моложе подчиненных, харизматик создает впечатление, будто он обладает более обширным жизненным опытом. Он уверен в себе настолько, что у окружающих даже и мысли не возникает, что он может сомневаться в своей правоте. На самом деле харизматический лидер не всегда знает, что нужно делать. Но в таком случае другие обязательно должны думать, что у него есть четкий план, а значит, все нормально [4, с.158]. Когда он говорит, все остальные молчат, при этом не важно, что и как он будет говорить, важно, что все будут его слушать [4, с.158]. Наличие харизмы ослабляет критику в адрес лидера и его поступков, смягчает критические оценки.

Руководителю необходимо демонстрировать скромный образ жизни, ограничение личных потребностей: «мне нужно немного, я человек простой». Проявления скупости сразу же снижают харизму, проявления «купеческого разгула» подрывают имидж государственного органа.

С харизматического лидера берут пример подчиненные, его поведение копируют, на него хотят быть похожи, его слова значимы, его удачные выражения становятся поговорками, он создает нормы внутригрупповой культуры и формирует морально-психологический климат в коллективе.

Каждый сотрудник успех подразделения воспринимает как свой собственный. Чувство успеха – мощный генератор положительной мотивации. Крупные успехи бывают редко, поэтому руководитель должен вознаграждать и малые победы.

Залог успеха – это умение просчитывать проблемную ситуацию на много ходов вперед по сравнению с обычными людьми. Мышление лидера должно быть гибким и практичным, направленным на то, чтобы находить средства и способы решения задач [7, с.25], а также стратегическим, нацеленным на перспективу.

К сверхспособностям лидера относят уникальную память и необычайную интуицию, сверхинтеллект: умение делать несколько дел одновременно: писать, читать, слушать, декламировать. Подобные способности приписывали Юлию Цезарю и Александру Македонскому [4, с.135].

Отношения харизматического лидера по вертикали власти могут быть охарактеризованы фразой «слуга царю, отец солдатам». Функции «отца» – направлять, учить, осуществлять наставничество, поощрять и наказывать.

Обобщая вышеизложенное, можно сформулировать некоторые психологические рекомендации, направленные на формирование лидерских качеств (харизмы).

• Спокойствие и уверенность. Чем кризиснее ситуация – тем спокойнее и сдержаннее быть. Харизматический лидер не суетится по мелочам. Его отличает достойная и уверенная манера держаться, поэтому он выглядит собранным и владеющим ситуацией.

• Открытость и доброжелательность. Харизматический лидер никогда никому не жалуется [4, с. 158], не рассказывает о своих проблемах [7, с.77].

• Речевая культура. Харизматический лидер старается говорить немного и по делу, учитывая, что за каждое слово необходимо нести ответственность.

Обсуждение и заключения

Руководитель должен уметь эффективно управлять. Харизма является инструментом, многократно усиливающим влияние лидера [4, с.213]. Харизма – это не чудо и не дар божий, а результат постоянного труда над собой [7, с.3, 29]. Это определенный набор внутренних психологических качеств, позволяющих оказывать эффективное воздействие на окружающих.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Романова Н.П. Концепция харизматичного лидерства // Вестник ЧитГУ. 2011. № 9 (76). С. 131.
2. Чех Ю.Ю., Филипченкова С.И. Феномен харизмы в современной психологии управления: подходы и теоретические основания // Вестник ТвГТУ. Серия «Науки об обществе и гуманитарные науки». 2017. Вып. 1. С. 159.
3. Энкельманн, Б. Харизма. Личностные качества как средство достижения успеха в профессиональной и личной жизни. М.: ЗАО «Интерэксперт», 2005. 272 с.
4. Гандапас Р.И. Харизма лидера. Манн, Иванов и Фербер. 2017. 224 с.
5. Аристотель. Политика // Соч. Т. 4. М., 1983. 830 с.
6. Титов К.В. Биологическая основа успешности. Управление главным социальным инстинктом для достижения богатства и статуса. М.: Э, 2017. 272 с.
7. Титов К.В., Кондаков Г. Формирование личной харизмы. Интегрированный навык. Афина. 2007. 166 с.

REFERENCES

1. Romanova N.P. Koncepciya harizmatichnogo liderstva // Vestnik CHitGU. 2011. № 9 (76). S. 131.
2. CHekh YU.YU., Filipchenkova S.I. Fenomen harizmy v sovremennoj psihologii upravleniya: podhody i teoreticheskie osnovaniya // Vestnik TvGTU. Seriya «Nauki ob obshchestve i gumanitarnye nauki». 2017. Vyp. 1. S. 159.
3. EHnkel'mann, B. Harizma. Lichnostnye kachestva kak sredstvo dostizheniya uspekha v professional'noj i lichnoj zhizni. M.: ZAO «Interehkspert», 2005. 272 s.
4. Gandapas R.I. Harizma lidera. Mann, Ivanov i Ferber. 2017. 224 s.
5. Aristotel'. Politika // Soch. T. 4. M., 1983. 830 s.
6. Titov K.V. Biologicheskaya osnova uspeshnosti. Upravlenie glavnym social'nym instinktom dlya dostizheniya bogatstva i statusa. M.: EH, 2017. 272 s.
7. Titov K.V., Kondakov G. Formirovanie lichnoj harizmy. Integrirovannyj navyk. Afina. 2007. 166 s.

Об авторе: Ильюк Елена Вадимовна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права 2-го факультета Института повышения квалификации Московской академии Следственного комитета Российской Федерации
e-mail: elena.ilyuk@mail.ru
© Ильюк Е.В., 2018
Статья получена: 20.10.2017 Статья принята к публикации: 15.03.2018.
Статья опубликована онлайн: 20.03.2018

About the author: Ilyuk Elena V., Candidate of Law Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Criminal Law Department of the Second Faculty of the Institute for Advanced Studies Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation
e-mail: elena.ilyuk@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The author has read and approved the final manuscript.

УДК 343.9.018 DOI: 10.24420/KUI.2018.31.11105

Ю.Ю. Комлев

ДЕВИАНТНОСТЬ И ПРЕСТУПНОСТЬ В ЭПОХУ HIGH-TECH, КОНСЬЮМЕРИЗМА И ГЛЭМ-КАПИТАЛИЗМА

DEVIATION AND CRIMES IN TIME OF HIGH-TECH, CONSUMERISM AND GLAMOUR CAPITALISM

Во введении подробно рассматриваются предпосылки, отличительные черты технологических изменений и рисков в современном мире, а также социальные проблемы, продиктованные их появлением, в девиантологическом контексте. Отмечается актуальность и малоизученность избранной темы исследования.

В обзоре литературы сообщается о круге источников, отобранных для сбора, анализа и обобщения данных из зарубежных и отечественных работ по выделенной проблематике.

В работе использованы, наряду с общенаучными, методы компаративистики, типологизации и качественного контент-анализа.

В результирующей части описаны новые проявления и метаморфозы кибердевиантности и киберпреступности, выполнена типологизация носителей high-tech-девиантности в условиях очередной технологической революции.

В заключительной части работы сформулированы общие выводы исследования и направления дальнейшего обсуждения темы.

Ключевые слова: девиантность, киберпреступность, интернет-зависимость, смартфон-аддикция, компьютерный эскапизм, шопинг-аддикция, кибербуллинг, кибербезопасность, консьюмеризм, глэм-капитализм, high-tech-эпоха, high-tech-девианты

Для цитирования: Комлев Ю.Ю. Девиантность и преступность в эпоху high-tech, консьюмеризма и глэм-капитализма // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2018. Т. 9, № 1. С. 23-34. DOI: 10.24420/KUI.2018.31.11105

The introduction discusses in detail the background, distinctive features of technological changes and risks in the modern world and also social issues, determined by their appearance in the deviantological context. Topicality and the poor knowledge of the chosen research topic.

The review of literature gives the information on the range of sources selected for gathering, review and collation of the facts of home and foreign papers on the given issue. The methods of comparativistic, classification and fine analysis of content were used along with general scientific methods.

The resulting part describes new aspects and metamorphosis of cyberdeviation and cybercrime, classification of high-tech deviated people under conditions of yet another technological revolution. At the end of the article the general study findings and ways of the further topics for discussion.

Key words: deviance, cybercrime, Internet addiction, smartphone addiction, computer escapism, shopping addiction, cyberbullying, cybersecurity, consumerism, glam-capitalism, glamour capitalism, high-tech-era, high-tech deviants

For citation: YU.YU. Komlev. Deviation and crimes in time of high-tech, consumerism and glamour capitalism // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2018. V.9, №1. P. 23-34. DOI: 10.24420/KUI.2018.31.11105

Введение

Технологии меняют жизнь человечества не впервые. В XX веке потребовалось 50 лет, чтобы электричество стало доступным для 25% населения. Персональному компьютеру, чтобы войти в жизнь современного человека, понадобилось 16 лет, интернету – 7 лет, для социальных сетей этот срок укладывается в 5 лет – не более. Еще быстрее смартфоны потеснили мобильные телефоны, сочетая в себе достоинства повсеместно доступной сотовой связи с функционалом персонального компьютера на основе высокопроизводительной операционной системы и памяти, исчисляемой десятками и сотнями гигабайт. Голосовая и видеосвязь, почта, новости, данные о погоде, фото- и видеокамера, обработка данных, интернет, сетевое общение в режиме онлайн в одном устройстве за несколько лет коренным образом изменили социум. Никогда еще процессы инновационных технологических изменений не развивались такими высокими темпами, как в начале третьего тысячелетия – периода в обществе постмодерна, который характеризуют как high-tech-эпоха.

По терминологии И.Масуды, в «информационном обществе» компьютерные способы обработки данных и их сетевого распространения приобрели качество ключевого ресурса эпохи, сравнимого с такими природными ресурсами, как нефть, газ, уголь, золото. Под воздействием высокотехнологических нововведений в обществе, культуре и социальной практике произошли и происходят стремительные, фундаментальные социальные изменения. В настоящее время за экспансией смартфонов и планшетов последовали разработки новых квантовых компьютеров, ДНК-компьютеров, нейронных сетей, искусственного интеллекта и чудес робототехники. Новым мировым трендом стало быстрое распространение технологии распределенного реестра, или блокчейна (blockchain), для хранения и обработки данных. Эта технологическая инновация впервые была применена при реализации криптовалюты биткоин.

По прогнозам экспертов на Всемирном экономическом форуме 2018 года в Давосе, в ближайшие годы технология блокчейн станет «сердцем» будущей мировой финансовой системы. 80% банков активно ведут разработки своих онлайн-продуктов на базе распределенного реестра. Пилотные проекты с использованием блокчейна разработаны ВЭБом и Сбербанком, запущены Минэкономразвития РФ в сфере госзакупок. Технологические решения на основе блокчейна разрабатываются и внедряются не только в кредитно-финансовой сфере, но и в госуправлении, страховании, транспортной логистике и в других областях, что сулит ряд новых и неизбежных социальных изменений. Нетрудно предположить, что и кибермошенники не дремлют и ищут пути проникновения в мир распределенных данных.

Человек в обществе постмодерна окружил себя высокотехнологичными «девайсами» и новыми технологиями обработки и хранения данных, изменил нормы и способы общения, производства и потребления. При этом существенно усилились новизна, динамизм, риски и неопределенность социальных изменений.

Как известно, американский социолог и футуролог Элвин Тоффлер еще полвека назад в книге «Шок будущего» описал нарастающую скорость перемен в мире под все более усиливающимся давлением новых знаний, науки, техники, различного рода информации [1]. Он предсказал рост психологических нагрузок – футурошок как – утрату чувства реальности, умения адаптироваться и ориентироваться в жизни, вызванный страхом перед неопределенным грядущим.

Гипотезу Э.Тоффлера во многом подтвердило время, поскольку люди, чем дальше, тем больше испытывают фобии в «новом мире». Так, по данным Всемирной организации здравоохранения, в странах Северной Америки и Европы каждый десятый житель сталкивался в 2014 году с диагностируемыми психическими отклонениями и заболеваниями такого рода («болезнями перемен»). В городах с населением более миллиона человек эта цифра достигла 30% против 10% в 80-е гг. прошлого века. В Соединенных Штатах, по данным американской психиатрической ассоциации, депрессией страдают 9% населения, а согласно оценкам ведущих центров изучения общественного мнения – от 20% до 25%. В России, согласно социологическим опросам, проведенным в 2015 году среди выпускников высших учебных заведений в Москве и Санкт-Петербурге, более 40% респондентов испытывают страх перед будущим [2, с.19].

Редактор журнала Nature Клиффорд Линч в 2008 году ввел в научный оборот термин «big data» – «большие данные», характеризуя взрывной рост мировых объемов информации. Отсюда другой отличительной чертой футурошока являются нарастающие информационные перегрузки как состояние, при котором объем потенциально полезной и актуальной информации превышает возможность ее обработки средним человеком. Определение «информационная перегрузка» было впервые дано Дэвидом Боуденом в исследовании 2008 года на тему «Темная сторона информации: перегрузка, тревожность и другие парадоксы и патологии». Наглядным примером информационной перегрузки являются данные главы Alphabeth Эри-

ка Шмидта, в соответствии с которыми от начала цивилизации и до 2003 года было создано около 5 экзабайт (5 000 000 000 Гб) информации. Сегодня же человечество продуцирует такой объем данных всего за 2 дня [2, с.20]. При этом лавинообразное нарастание количества информации характеризует не только прогресс информационных технологий, но и рост психологических, когнитивных проблем человека как участника высокотехнологичных коммуникаций.

Есть и еще одно пока малозаметное измерение футурошока, которое вызвано настоящей и особенно грядущей массовой роботизацией рабочих мест. Автоматизацией охвачены любые производства и процессы, требующие выполнения одних и тех же рутинных операций. Еще вчера это были только конвейерные линии на автомобильных и иных сборочных производствах. Однако в настоящем почти половина всей торговли на мировой бирже – это сделки, которые совершаются между роботами. Такие крупные инвестиционные банки, как Голдман Сакс и Морган Стэнли, во многом уже заменили свои трейдинговые подразделения на роботов.

В высокотехнологичном мире происходит развитие sharing economy (модели, основанной на общем использовании товаров и услуг, аренде и бартере вместо владения) с помощью онлайн-платформ на основе Uber или Uber for X. Они получили широкое применение там, где людям нужна быстрая помощь с выполнением определенных задач, за которые они не могут взяться сами и где классические сервисные компании оказываются слишком неповоротливыми, чтобы быстро удовлетворить потребности клиентов. «Юберификация» оказалась весьма эффективной в приложениях Uber-такси, в логистике при доставке больших и мелких грузов и посылок. «Яндекс-такси» в России намерен выстроить на идее юберизации «персональный общественный транспорт» как альтернативу личному автомобилю, автобусам или метро.

Роботизация и развитие систем искусственного интеллекта активно проникают в транспортные перевозки. Например, Google ищет партнеров в автомобильной индустрии для совместной работы над беспилотным автомобилем, Toyota планирует, что ее собственная беспилотная модель будет ездить по дорогам уже к 2020 году. Не только мировые автогиганты, но и отечественные Яндекс, КаМАЗ и НАМИ уже тестируют автомобили-беспилотники. Вероятно, очень скоро отпадет надобность в профессии водителя.

Совсем недавно, по открытым данным интернет-источников, на одной из китайских фабрик в Дунгуане несколькими десятками роботов заменили 90% сотрудников. Мак-Кинзи – одна из самых крупных консалтинговых компаний в мире – подсчитала, что 45% своих работников в ближайшие 15-20 лет она сможет заменить системами искусственного интеллекта. По прогнозным оценкам специалистов, около 45% рабочих мест в США могут стать полностью автоматизированными. В Британии порядка четверти миллиона госслужащих в ближайшее время могут быть заменены интеллектуальными системами. Значительная доля людей трудоспособного возраста может выйти из состава рабочей силы в мировом масштабе благодаря росту массовой кибернетизации и роботизации.

В структуре российского рынка труда весомую часть занимают люди, занятые производственной или служебной рутиной. Это охранники, вахтеры, контролеры, сотрудники ОТК, водители и многие другие. Армия отечественных «синих воротничков» в 2-3 миллиона человек может в одночасье под давлением технологического прогресса остаться без работы. Риск безработицы очевиден и для представителей интеллектуальных профессий при неизбежном пришествии роботов. В Сбербанке бот уже пишет стандартные исковые заявления в суд о взыскании с должников задолженности по потребительским кредитам. Яндекс создал нейронную сеть, которая пишет музыку. Поисковые системы, электронные платежи – это тоже обучаемые определенным алгоритмам интеллектуальные системы. Интернет-банкинг широко используется в мире и внедряется крупными кредитными организациями России, что быстро вытеснит с насиженных рабочих мест тех служащих, которых нелицеприятно характеризуют неологизмом «офисный планктон».

Эксперты подчеркивают, что граница между тем, что могут делать машины, и тем, что подвластно только людям, постепенно смещается. И если рутинные операции на рабочем месте подвергаются алгоритмизации и программированию, то очень скоро оно неизбежно будет замещено роботом. Вне всякого сомнения, рутинная работа у роботов будет получаться значительно быстрее, лучше, дешевле, с полным исключением ошибок, вызванных «человеческим фактором».

Таким образом, технологическая революция, информатизация, кибернетизация, интернетизация и роботизация социума эпохи постмодерна спровоцировали процесс его дальнейшей девиантизации. Инновации, увы, создают не только прогрессивные социальные изменения, порождая новый тип общества, культуры и уровень благосостояния, но и продуцируют технологически детерминированные формы фобий, девиантности и преступности. Эта актуальная научно-практическая проблема исследуется девиантологами, социологами, правоведами и, тем не менее, все еще остается малоизученной.

Обзор литературы

Работа подготовлена на основе изучения широкого круга зарубежных англоязычных источников и исследований отечественных авторов, в том числе представленных в свободном доступе в интернет-пространстве. К числу совершенно новых исследований нужно отнести работу полицейского аналитика Марка Гудмана (Future Crimes: Everything is Connected, Everyone is Vulnerable, and What We Can Do About It,2015) и труд отечественных исследователей Лариной Е.С. и Овчинского В.С. (Криминал будущего уже здесь, 2017.), а также публикации российских девиантологов Я.И. Гилинского, Ю.Ю. Комлева и других авторов на заданную тему [2;3;4;5;6].

Материалы и методы

В данной статье предпринята попытка систематизировать эмпирический материал, собранный и обработанный автором с помощью метода контент-анализа в иностранных и отечественных источниках по вопросам детерминации, распространения и описания различных проявлений кибердевиантности и киберпреступности, вызванных ускоренным развитием и внедрением инновационных технологий, ростом консьюмеризма в условиях глэм-капитализма. На основе типологизации выделены и структурированы известные и новые виды кибердевиантности, и носители девиантного поведения в киберпространстве.

Результаты исследования

В ускользающем настоящем быстро распространяются и начинают доминировать такие новые формы девиантного поведения, как киберпреступность, интернет-зависимость, смартфон-аддикция, шопинг-аддикция, компьютерный эскапизм, кибербуллинг и другие отклонения.

Компьютерный век породил виртуальную реальность как симуляцию, как замещение реального мира в киберпространстве компьютерных сетей. Киберпространство постоянно заполняется всевозможными фантазийными мирами, которые затягивают не только детей и подростков, «подсевших» на компьютерные игры, но и вполне взрослых людей.

С распространением Интернета во всем мире глобальным явлением стал рост социальных сетей. Социальные сети стали формироваться как интерактивные многопользовательские веб-сайты, контент которых наполняется самими участниками виртуального общения [7,с.278]. О признаках сети свидетельствует наличие блогов – интернет-дневников, где люди представляют себя, объединяются в сообщества по интересам. Более 30 процентов пользователей российского интернета сегодня имеют свои блоги. Рост числа сетевых пользователей происходит по экспоненте. Так, в марте 2007 года их было 500 млн, в октябре 2011 пользователей Facebook – уже около 1,5 млрд. Другим сетевым гигантом является сетевой ресурс Youtube. Количество страниц с видеозаписями только на этом ресурсе уже перевалило за 1 трлн. Ежемесячно этот сайт посещает около 450 млн пользователей. Согласно результатам мониторинга в открытых интернет-источниках, в мире насчитывается более 2,5 млрд аккаунтов в различных социальных сетях.

По данным компании World Wide Web Size, более чем на 644 млн сайтов размещается более 8 млрд интернет-страниц, в том числе и создаваемых самими пользователями. В конце 2017 года общий объем информации в мировой сети составлял около 1,8 зеттабайта [8]. В настоящее время социальными сетями пользуются 82% от всех интернет-пользователей.

Посещение социальных сетей – самая популярная в мире интернет-активность. Тревожным сигналом, по оценкам девиантологов, является рост интернет-зависимости среди юных пользователей. Так, 70% российских детей ежедневно заходят в интернет (около трети имеют свои профили), а 10% детей страдают выраженной интернет-зависимостью.

Многие аналитики считают, что именно в сетевом направлении интернет и будет развиваться в ближайшем будущем. Социальные сети – это новый глобальный технологический и культурный феномен high-tech эпохи. Высокий уровень сетевой экспансии отражает один из главных трендов глобальной сети – как только люди подключаются к интернету, они незамедлительно начинают сетевое общение.

За последние несколько лет количество часов, которое интернет-пользователи провели в социальных сетях, увеличилось втрое. Использование сетевого общения стало самым массовым занятием интернет-аудитории. Увеличение времени на обращение к социальным сетям произошло за счет уменьшения частоты обращений к электронной почте и мессенджерам.

Самой популярной в мире социальной сетью является Facebook. Ее посещают 55% интернет-пользователей. На конец 2011 года доля сетевой интернет-аудитории колебалась от 53% в Китае до 98% в США (в КНР выход в Facebook заблокирован властями). В 41 стране из 43 этот уровень превышает 85%. В России сетевой сегмент составляет 88%. Не менее популярным в последние годы становится использование микроблоговых платформ. Так, каждый десятый пользователь интернета имеет аккаунт в Twitter. Среди других быстро набирающих популярность микроблоговых платформ следует назвать китайскую SinaWeibo [9]. Экспансия сетевого общения продолжает расти, вызывая массо-

вую сетевую зависимость и интернет-аддикцию в целом.

Девиантологи обращают внимание на развитие новых девиантных практик, опосредованных технологиями. Это не только сетевая аддикция, но и компьютерный эскапизм. Если природа сетевой зависимости в интернет-пространстве связана с дефицитом человеческого общения в современном урбанизированном мире, с его симуляцией технологическими средствами, то природа компьютерного эскапизма состоит в «бегстве от повседневной действительности». Компьютерные симуляции и Интернет предложили человеку новый способ ухода от действительности, не сопряженного ни с тяготами путешествий, ни с внутренней напряженностью религиозного опыта или медитации, ни даже с интенсивным эстетическим переживанием произведения искусства. Погружение эскейперов в виртуальный мир – это нередко бегство от неудач, скуки и «гнета повседневности», это и протест против запрограммированности и рутины повседневной жизни.

Виртуальный мир, создавая яркие и привлекательные образы и сильные ощущения, зачаровывает своих посетителей. К сожалению, некоторые эскейперы, погружаясь в виртуальное пространство, могут дойти до «точки невозврата» – такого момента, когда путь назад в обыденность, становится затруднительным или нежеланным, а человек утрачивает способность различать «первичную» и «виртуальную» реальности. Виртуальная реальность Интернета на некоторых субъектов действует как наркотик, вызывая зависимость, которая получила название «синдром альтернативного мира». Как и любая другая аддикция, компьютерный эскапизм нередко приобретает патологические формы. В своем экстремальном выражении он может привести к изменению сознания, к заболеванию, к полному и окончательному уходу в форме суицида.

Исследования Бэйлорского университета показали, что у некоторых студентов формируются смартфон-аддикции. Они используют свой гламурный «чудо-телефон» от 8 до 10 часов в течение суток. В среднем около 94,6 минут уходят на набор текстовых сообщений, 48,5 минут на отправку и просмотр электронной почты, 38,6 минут на общение в социальных сетях, 34,4 минуты на посещение сайтов Интернета, 26,9 минут на прослушивание музыки. При этом 60% опрошенных студентов не скрывают, что зависимы от своих мобильных телефонов. Некоторые из них утверждают, что начинают переживать и волноваться, если не находят свой телефон в поле зрения. Некоторые приложения, например, Instagram и Pinterest, могут показать, насколько студент зависим от смартфона. «При увеличении возможностей и функций мобильного телефона зависимость к этому, казалось бы, незаменимому устройству становится все более реальной проблемой», – уверяет исследователь Джеймс Робертс [10]. Смартфон-аддикция – это новый тип современной высокотехнологичной девиантности.

В киберпространстве Интернета, а затем и во всех остальных сферах деятельности (политике, экономике, сфере культуры, социализации и социального контроля), следуя логике виртуализации, происходит замещение социальных практик образами-симуляциями [11;12;13,с.9-20]. Действительно, на современном рынке перед потребителем конкурируют бренды, а не реальные свойства товара; в политике потребитель политических услуг выбирает образ политика, а не его реальные качества и практики; в киберпространстве сети Интернет хакеры воруют не реальные банкноты, а их виртуальные аналоги. Девиантность и преступность перешагнули из социальной реальности в реальность виртуальную.

Как известно, радикальные изменения в технологиях, духовной и материальной культуре, образе жизни людей второй половины XX столетия в промышленно развитых странах позволили Дж. Гэлбрейту выделить в «новом индустриальном обществе» рост потребления как его базовую черту. Ж. Бодрийяр в работе «Общество потребления»(1970) постулировал новую роль потребления, которое охватывает все сферы жизни современного человека. Ж. Шор описала новый феномен сверхпотребления на этапе постмодерна в книге «Сверхрасходующие американцы» (1998). Массовое потребление товаров и услуг в постиндустриальном мире породило повседневную философию консьюмеризма как систему доминирующих идей и ценностей потребительского поведения. Однако эти перемены сформировали не только новые ценности и нормы потребления, но релятивизировали и транспонировали некоторые ценности индустриальной эпохи. В «обществе потребления» стало приветствоваться то, что осуждалось в пору индустриального капитализма.

В результате появилась еще одна новая форма негативной девиантности, связанная с гиперпотреблением, – шопинг-аддикция. Шопингманы в определенные дни недели берут приступом гипермаркеты, ради товаров, продающихся по скидкам. С развитием информационных технологий гипертрофированное киберпотребление распространилось не только на информационно-телекоммуникационные услуги, но и сетевые товары. Многие люди проводят все свое свободное время в Интернет-магазинах ради поиска дешевых, как правило, модных (брендовых или гламурных), но не совсем нужных товаров. Кибершопинг-аддикция стала технологически возможной благодаря тому, что практически любой индивид имеет компьютер (и не один), смартфон и постоянный доступ в Интернет. По оценке экономиста Д.

Койл, доля высокотехнологичных сетевых товаров в общем объеме экономики постоянно растет, особенно в таких отраслях, как массовые коммуникации, сфера развлечения и финансов [14,с.156]. У. Бек (1986), описывая характеристики современного мира, вводит понятие «общество риска». У. Бек, Э. Гидденс, Н. Луман, С. Лаш, Б. Тернер обращают внимание на то, что рост благосостояния сопровождается напряжением и рисками на рынке труда (сокращаются рабочие места, необходимо постоянно менять профессии), в сфере экологии (загрязняется окружающая среда). Модернизация рассматривается не только как источник различных благ (богатства, плюрализма, либерализма и др.), но и как источник экологических, экономических, политических и иных рисков. В сфере девиантности размываются нормы, дифференцируются отклонения, растет преступность и армия девиантов. Причем в «обществе потребления» страховаться от количественного и качественного возрастания рисков становится все сложнее. М. Фуко, анализируя роли дисциплинарных институтов (бюрократии, формального социального контроля) в постиндустриальном обществе, определяет его современное состояние как «дисциплинарное», где власть имущие поддерживают порядок с помощью институтов формального социального контроля и принуждения, «административного ресурса», в том числе над потоками информации.

Все эти перемены основательно отчуждают индивида от общества и государства, способствуя дальнейшей девиантизации и криминализации социума. Теоретики девиантности и социального контроля (Т. Матисен, Н. Кристи, Я. Гилинский и др.) поставили роковой диагноз дисциплинарному обществу массового потребления, обозначив его метафорой кризис «наказания» или полицейского контроля [15, с. 522-523].

Современная Россия, как и другие страны, вошла в эру массовой информатизации. Российское общество, несмотря на кризисы, переживает потребительский бум, что еще 15-20 лет назад было трудно представить. По мысли Д.В. Иванова, вследствие развития феномена виртуализации в информационном обществе и сверхпотребления определенной его части на этапе постмодерна стал формироваться современный глэм-капитализм [16]. Глэм-капиталисты не живут по заповедям индустриального общества. Они в каждом новом проекте капитализируют броские образы гламура, превращая их в новый технологичный источник баснословных доходов. Сверхновые буржуа, или «бобосы», как только источник дохода теряет максимальную отдачу, тотчас переходят к другому перспективному глэм-проекту. Эти новые капиталисты как правообладатели изобретений, бизнес-идей, текстов, музыки, контролируя самые притягательные бренды, быстро сколачивают состояния. Их бизнес – создание продукта, привлекательного для лидеров консьюмеризма – шопингманов. Они ориентируются на «потогонное» потребление, а не на трудовую этику традиционных буржуа, описанную М. Вебером. Отсюда, глэм-капиталисты – лучше других занимаются «созидательным разрушением», ниспровергая социальные нормы индустриального общества. В современном постиндустриальном, потребительском, дисциплинарном, информационном обществе, переходящем, следуя логике сверхпотребления, информационно-технологического детерминизма и виртуализации, в глэм-капитализм, негативная девиантность в форме сетевой аддикции, компьютерного эскапизма, шопинг-аддикции и, особенно, киберпреступности стала не только трудно отличимой от нормативности, но и малоизученной и трудно контролируемой формой социального бытия.

Эпоха high-tech, консьюмеризма и глэм-капитализма постоянно синтезирует и воспроизводит новые технологически и культурно обусловленные практики социальных отклонений и деликтов. Неслучайно ряд зарубежных и отечественных девиантологов (С. Спитсер, Д. Доунс, П. Рок, Ф. Шмаллегер, Г. Барак, Я. Гилинский, Я. Костюковский, Ю. Комлев и др.), исследуя эти метаморфозы, обращают внимание на масштабы и проблематику различных проявлений девиантности и преступности. Криминализация ряда деяний в России, связанных с правонарушениями в компьютерной сфере, произошла только с принятием УК РФ 1996 года (гл.28). В 1997 году было зарегистрировано 33 преступления, а в 2005 – 10214, то есть их количество выросло в 310 раз [17, с. 376].

Понятие «киберпреступность» как разновидность девиантности включает различные формы преступной активности не только в связи с использованием компьютеров или в «компьютерной сфере», но и деликты, совершаемые в киберпространстве благодаря повсеместному использованию интернета, умных мобильных устройств и новых технологий в повседневной жизни людей. Киберпреступность принимает много разных форм. Она включает: хищение идентификационных данных, интернет-мошенничество, нарушение законов об авторском праве, «взламывание» компьютерных систем, создание и распространение полиморфных вирусов и DDoS-атаки, распространение спама, фишинг, создание порнографических сайтов с сексуальным насилием против несовершеннолетних, кибersталкерство и кибербуллинг и другие.

Современные исследователи киберпреступности в рамках интегративного междисциплинарного подхода все больше концентрируются на изучении ряда новых проблем:

• использование инновационных технологий хранения данных в киберпространстве (например, при хищении криптовалюты);

• влияние распространения социальных сетей на киберпреступность;

• использование сетевого фактора в кибертерроризме;

• изучение поведения жертв и преступников в киберпространстве;

• разработка политики и инструментов по обеспечению кибербезопасности;

• защита инфраструктуры от киберпреступности [18].

Незаконный доход среднего киберпреступника в современном Нью-Йорке, по данным полиции, в семь раз превышает добычу обычного преступника. Раскрываемость традиционных преступлений в этом мегаполисе составляет в разные годы от 40 до 60%, а киберпреступлений – 4%. Иными словами, киберпреступность – это высокодоходная и малорискованная криминальная деятельность [19]. Не случайно в последние годы при существенном сокращении уличной, насильственной преступности, как в мире, так и России, криминальная активность никуда не исчезла, а постепенно сместилась в виртуальную сферу интернет-пространства, где «чувствует себя хорошо», поскольку там практически не работает принцип неотвратимости наказания.

Велик и постоянно растет ущерб от киберпреступлений. Так, федеральное управление уголовной полиции Германии зарегистрировало около 60 000 киберинцидентов в 2010 году. Совокупный ущерб от сетевых киберпреступников в этой стране – одной из самых развитых экономик мира – составил в указанный период, по оценкам полиции, 61,5 млн евро [7].

В 2018 году на Всемирном экономическом форуме было признано, что киберпреступность является одним из наиболее критических глобальных рисков. По оценкам экспертов, ежегодные потери мировой экономики в результате действий киберпреступников в настоящее время могут достигать 500 миллиардов долларов. Для сравнения, годовой ВВП Швейцарии в 2017 году оценивался в 659 миллиардов долларов. Для защиты глобального киберпространства в Давосе было заявлено о создании Глобального центра кибербезопасности, целью которого является учреждение первой международной платформы для правительств, компаний, специалистов и правоохранительных органов, предназначенной для сотрудничества по преодолению проблем кибербезопасности [20].

Таким образом, понадобилось всего тридцать высокотехнологичных лет, чтобы пройти путь от внедрения персонального компьютера до уровня массовых киберпреступлений, который выступает сегодня как новая глобальная криминальная угроза.

Анализ зарубежных и отечественных источников позволяет сделать ряд констатаций и обобщений, характеризующих современную кибердевиантность и киберпреступность:

1. Девиации и преступления широко распространились в информационной сфере. Незаконный доступ к информации – легкий путь к обогащению и недобросовестной конкуренции при использовании патентов на новые продукты, на химический состав инновационных и эффективных лекарств, на корпоративные маркетинговые стратегии и бренды, на финансовые ресурсы корпораций. Преступность в информационной сфере приобретает все более изощренные и слабо контролируемые формы. Достаточно сказать, что в Европе каждый десятый покупатель в целях экономии на лекарственных препаратах пользуется интернет-магазинами, где каждые 9 из 10 разрекламированных лекарств являются подделками. Этот результат – явное следствие незаконного доступа преступников к конфиденциальной информации фармацевтических компаний.

2. Похищение программных продуктов. Использование несанкционированного доступа к базам данных и серверам компаний-разработчиков программных продуктов и аппаратных гаджетов – еще один путь к девиантности и нелегальному обогащению. Широко известно, что в одной из компаний Силиконовой долины, специализирующейся на разработке операционных систем, программист взломал защиту, используя номера телефонов, введенные в компьютер. Программа, скопированная злоумышленником, обошлась компании в несколько миллионов долларов. Реализация ее «пиратских» копий нанесла огромный урон разработчикам и законным владельцам программного продукта.

3. Похищение конфиденциальной информации. Девиации с использованием девайсов (сканеров и декодеров), разработанных по военным заказам для сканирования электромагнитного излучения, могут практически на любом расстоянии от компьютера снимать информацию при обработке и чтении цифровых данных. Этим не преминули воспользоваться девианты от хайтека.

4. Уничтожение или изменение приватных или конфиденциальных корпоративных данных с целью компьютерного хулиганства. Некоторые девианты-хакеры преднамеренно уничтожают или изменяют данные в персональных компьютерах, в информационных сетях своей компании или в компаниях-конкурентах. Как известно, первый преце-

дент по заражению компьютера бывшего работодателя вредоносной программой (вирусом) был создан в 1988 году американцем Дональдом Барлесоном с целью «насолить» своему бывшему боссу. Создание и распространение разрушительных компьютерных программ-вирусов («червей», макро- или полиморфных вирусов) получило массовое распространение.

5. Технологические инновации и развитие сети Интернет послужили толчком для бурного развития компьютерной преступности и незаконной деятельности хакеров. По оценкам аудиторской фирмы Ernst & Young, стоимость компьютерных преступлений в такой высокотехнологичной стране, как США, еще в 1996 году составляла от 3 млрд до 5 млрд долларов в год. Впрочем, реальные финансовые потери бизнеса от преступников в мире компьютеров существенно далеки от экспертных данных [21]. Хакеры сегодня могут атаковать не только информационные системы банков или военных ведомств, но и активировать управляемую компьютером «радионяню», чтобы шпионить за семьями. Киберворы анализируют посты социальных медиа, чтобы подготовить домашние вторжения. Кибersталкеры эксплуатируют GPS по смартфонам, чтобы отследить каждое движение их жертв. Современные киберпреступники могут обнулить банковские счета, стереть содержание компьютерных серверов. До настоящего времени нет компьютерной системы, которую невозможно взломать.

6. Кибersталкеры. В отечественной литературе, кроме работ Я.И. Гилинского, практически нет упоминаний о девиантах-сталкерах и кибersталкерах (stalkers – упорные преследователи, «охотники»), в отличие от публикаций зарубежных психиатров и криминологов [22]. Речь идет о девиантах, преследующих кого-либо с использованием различных, в том числе современных, технологических средств, прежде всего, сети интернет и сотовой связи. Потенциальными и реальными жертвами сталкеров могут быть некогда близкие люди (бывшая жена, бывший муж, дети, родители, бывшие друзья), а также сослуживцы, коллеги по профессии. Нередко это явление рассматривают как результат психических расстройств. Суть сталкерства определяется как постоянное преследование жертвы, вызванное местью, ревностью, завистью, с помощью современных технологий, коммуникативных средств и иных приемов с целью вызвать у нее чувство страха. В прежние времена сталкеры пользовались слежкой, почтовыми отправлениями, прессой. Арсенал современного сталкера включает интернет-ресурсы, телефонные звонки, SMS-сообщения, звонки и сообщения с помощью Skype, обычные и электронные письма, граффити, сообщения в печатных и электронных СМИ. Сталкер может постоянно напоминать о себе в сетевом общении, с помощью электронной почты. Он может приблизиться к жертве, или обозначить свое присутствие, или следовать за ней, или держать ее дом под видеонаблюдением, с размещением информации в e-mail отправлениях. Преследование может проявляться и как заказ товаров от имени жертвы в интернет-магазине, отправка незапрашиваемых материалов, инициирование поддельных судебных исков (Маллен, 1999). Преследование нарушает частную жизнь жертвы и вызывает у нее непреодолимый страх перед насилием. Такие страхи оправданны, поскольку угрозы, материальный ущерб и нападения происходят слишком часто в процессе преследования. По данным зарубежных исследователей, жертвами сталкеров являются от 1 до 2 % женщин. Физическое насилие происходит приблизительно в каждом третьем случае.

7. Новой разновидностью кибersталкерства стал кибербуллинг, обращенный, как правило, к детям и незащищенным социальным группам. Он осуществляется в форме травли, оскорблений или угроз, распространяемых путем рассылки сообщений в социальных сетях, по e-mail или СМС. Любое унизительное, оскорбительное или угрожающее сообщение, отправленное в электронной форме, является кибербуллингом. Кибербуллинг – один из самых губительных типов онлайн-атак. С широким вовлечением детей и подростков в виртуальный мир социальных сетей и смартфонов быстро распространился этот новый вид высокотехнологичного социального насилия. В детской среде кибербуллинг проявляется в отправке жертве сообщений с угрозами публикации унижающих достоинство жертвы фотографий и видео в социальных сетях или даже в создании поддельных веб-сайтов, нацеленных на унижение и оскорбление жертвы. Информационные технологии позволяют сохранить анонимность кибербуллеру и вытекающую из этого безнаказанность. Дети – получатели месседжей, не могут определить, кто является источником их мучений, боятся мести за привлечение к проблеме родителей и учителей. Отсюда абсолютно каждый юный владелец смартфона или планшета, использующий Twitter, WhatsApp, Snapchat, Facebook, YouTube или любую другую программу, создающую социальную сеть, может стать мишенью для кибербуллинга. Последствия же кибербуллинга нередко имеют печальный психологический или даже фатальный исход в форме суицида.

8. Преступниками стали вредоносные вирусные программы, созданные для автоматизации киберпреступлений. Они могут действовать как программы-вымогатели, которые зашифровывают персональные данные и заставляет пользователей сети платить. Они могут способствовать краже или поломке автомобиля, поскольку современная машина на колесах во многом работает под управлением бортового компьютера. Современный автомобиль,

сошедший с конвейера в последние несколько лет, имеет более 200 микрочипов. Бортовой компьютер посредством программного обеспечения контролирует радиоприемник, GPS, подушки безопасности, систему круиз-контроля, спидометр. По заданию хакера он может быть взломан с преступной целью. Бот-сети из тысяч зараженных компьютеров могут быть использованы хакерами против банков, компаний и правительств. Времена, когда преступления в Интернете совершались опытными одиночками, первыми программистами-хакерами, уже прошли. Сегодня любой нездоровый преследователь или кибersталкер, недовольный работник или начинающий террорист может купить вредоносную программу, чтобы взломать компьютер, смартфон или счет в банке. Эта угроза распространяется в мире постмодерна с геометрической прогрессией. Это значит, что, даже находясь в тюрьме, «оснащенный» преступник может совершать безнаказанно киберпреступления.

9. Несанкционированное копирование и тиражирование программных продуктов. Как свидетельствует отчет компании Software Publishing Association (SPA), глобальные потери от компьютерного пиратства в 1996 году составили 11,2 млрд долларов, поскольку на мировом рынке программных продуктов почти каждая вторая разработка является пиратской копией. Некоторые развивающиеся страны имеют особенно высокий уровень незаконного использования. Так, например, из всех компьютерных программ, используемых во Вьетнаме, 99% скопированы незаконно [21].

10. Телефонный фрикинг как форма незаконного доступа к сотовому телефону практикуется уже несколько десятков лет. С развитием сотовой связи этот вид девиации получил массовое распространение, включая кражу или нелегальное использование сим-карт сотовых телефонов вызываемых абонентов и кодов доступа с целью обогащения за чужой счет. В настоящее время широко используются взломы голосовой почты. Частные голосовые почтовые ящики, используемые для хранения вербальных сообщений, стали объектами преступной деятельности телефонных фрикеров.

Фрикер-воровство и мошенничество стало острой проблемой в современной России в связи с массовым распространением смартфонов на платформе Андроид. Фрикеры заражают смартфоны специальными программами и списывают деньги с банковских счетов своих жертв, поскольку в памяти смартфонов хранится множество важных личных данных: от баланса банковской карты до паролей и логинов.

11. Кибермошенничество в банковской сфере. Преступники пользуются тремя основными приемами хищений при использовании интернет-банкинга.

Первый способ осуществляется с помощью СМС-банкинга. Вирусная программа в этом случае перехватывает все СМС, приходящие на мобильный телефон. Затем преступник переводит денежные средства себе на счет с помощью программы «Мобильный банк». При этом хозяин смартфона не получает уведомлений о том, что с его счета в банке списана сумма. Обычно это мелкие и средние хищения.

Второй способ – использование кибермошенниками фишинговых сайтов. При использовании фишинга клиент банка может быть введен в заблуждение с помощью муляжа web-сайта банка. Псевдосайт практически не отличается от оригинала. Он разработан так, чтобы выманить личные регистрационные данные, с помощью которых осуществляется доступ к счетам и финансовым средствам. Например, одна из наиболее опасных кибератак этого типа может выглядеть следующим образом.

Фишер, воспользовавшись широко доступными базами web-адресов, рассылает сообщение, в котором под благовидным предлогом предлагается подтвердить клиенту банка ту или иную персональную информацию. Подтверждение данных делается по гиперссылке, через которую якобы инициируется соответствующий диалоговый интерфейс. На экран компьютера клиента при этом выводится изображение, идентичное тому, которое воспроизводится при работе с кредитной организацией через интернет-браузер. Однако адресная строка, которую видит клиент, представляет собой фальшивый элемент изображения. Он формируется Java-Script'ом и накладывается на изображение настоящей адресной строки, в которой теперь стоит (но не виден) адрес сайта фишера, с которым реально имеет дело клиент. Для убедительности в адресной строке преступником имитируется наличие защищенного соединения (https://), на изображении присутствует программная кнопка «Переход» («Со»), а в фальшивой адресной строке при желании можно впечатать настоящий адрес банка. Клиент, ничего не подозревая, вводит свой логин и пароль, а преступник, получая эти данные, переводит деньги на свой счет.

Это лишь один из немногих недавно изобретенных вариантов кибермошенничества. По статистике, на эту уловку попадаются примерно 5% клиентов интернет-банкинга.

В третьем случае фрикеры используют Google Play. Поддельное окно появляется каждый раз, когда держатель мобильного телефона заходит в это популярное приложение и там же он указывает данные своей карты в случае интернет-покупки приглянувшейся программы. Практически во всех

указанных случаях киберворы и мошенники остаются безнаказанными.

12. Девиантная киберпанк-субкультура криминальных хакеров и фрикеров. Компьютерные преступления и хулиганства совершаются в виртуальной реальности киберпространства, которое конструируют информационные high-tech-технологии и психология человека, взаимодействуя в электронной сети. Киберпространство – это место, где компьютеры и человеческие существа сосуществуют и взаимодействуют друг с другом, удовлетворяя потребность в симуляциях реального мира, которые активно стимулируют своими сверхпотребительскими проектами глэм-капиталисты. Виртуальная среда дает возможность бесконечных анонимных межличностных контактов, ролевых игр, общения, наслаждений и сделок. Рост числа эскейперов, киберпреступников и других пользователей сети Интернет, разделяющих ценности девиантной киберпанксубкультуры, формирует в условиях релятивизации базовых норм индустриального капитализма тенденцию увеличения количества компьютерных девиаций и преступлений. Среди них: воровство и пиратское тиражирование компьютерных программ, бесплатные междугородные телефонные переговоры, несанкционированный доступ к компьютерам, мошенничество с кредитными картами (денежные авансы и несанкционированные закупки товаров), создание и тиражирование компьютерных вирусов.

13. В киберпространстве получают все более широкое распространение крупные электронные платежи виртуальными деньгами, существующими в виде битов на компьютерах сервис-провайдеров банков. Взлом защиты компьютера снабжает хакеров информацией, которая помогает быстро и легко отправлять большие суммы денег в любую точку мира. Несмотря на многомиллиардные «электронные» сделки, происходящие каждый день в мире бизнеса, не существует точных данных в отношении убытков, понесенных в таких операциях компаниями и частными лицами. Они отсутствуют из-за того, что высокотехнологичный уровень преступников настолько эффективен, что не позволяет установить даже момент утечки крупных денежных сумм.

14. Девиантологи считают совокупность компьютерных преступлений хакеров, фрикеров, сталкеров новой формой преступности «белых воротничков». Действительно, их объединяет то, что:

• киберпреступления совершаются без использования насилия с помощью высокотехнологичного оборудования;

• последствия этих преступлений в глазах общественного мнения выглядят как менее опасные, чем деликты с применением физического насилия;

• преступники имеют доступ к компьютерам, информационным технологиям и технические навыки;

• их действия обычно связаны с манипуляцией информацией, которая прямо или косвенно создает прибыль или убытки;

• киберпреступления могут быть совершены одним человеком или несколькими людьми в сговоре, в том числе организацией;

• киберпреступления крайне латентны, их трудно обнаружить;

• для предотвращения таких высокотехнологичных преступлений требуется сочетание правовых, технических, социально-психологических знаний, а также знаний из области безопасности, аудита, менеджмента.

15. Типология high-tech-девиантов. Одна из самых простых классификаций может быть построена на основе психологических характеристик хакеров и фрикеров, стремящихся к девиантному самовыражению или к получению компенсации за чувство личной неполноценности. Среди них можно выделить:

• пионеров – лиц, которые используют новейшие компьютеры, технологии сотовой связи и интернета;

• хулиганов, обуреваемых чувством обиды;

• гедонистов – тех, кто получает удовлетворение от вскрытия защиты новых компьютерных систем. Чем дальше такая система удалена географически от хакера, тем больше уровень удовольствия от взлома;

• вандалов – злоумышленников, которые намеренно стремятся причинить вред без видимой выгоды для себя;

• наркоманов или компьютерных «ботаников», у которых сформировалась аддикция, поэтому жить без взломов компьютерных программ они не могут.

Обсуждение и заключения

Таким образом, в эпоху постмодерна, в мире high-tech-технологий, консьюмеризма и глэм-капитализма носители девиантного и криминального поведения изощренно используют в своих целях все новые технологические возможности. Современные девианты и преступники широко применяют не только огнестрельное оружие, телефон, лекарственные препараты, транспорт, но и компьютеры, сотовую связь, интернет. Сами кибердевианты и их незаконная деятельность на основе современных технологий столь же разнообразны, как и сами технологии. Представляется необходимым продолжить девиантологическую дискуссию в заявленном предметном поле и развить исследовательские подходы к изучению новых проявлений киберстокерства и, прежде всего, кибербуллинга, чреватого серьезными последствиями для здоровья и жизни детей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Тоффлер Э. Шок будущего: пер. с англ. М.: ООО «Издательство АСТ», 2002.
2. Ларина Е.С., Овчинский В.С. Криминал будущего уже здесь («Коллекция Изборского клуба»). М.: Книжный мир, 2017.
3. Комлев Ю.Ю. Интегративная криминология: девиантологический очерк. Казань: КЮИ МВД России, 2016.
4. Комлев Ю.Ю. Преступность в эпоху high-tech, консьюмеризма и глэм-капитализма // Вестник ВЭГУ. 2013. №1.
5. Ларина Е.С., Овчинский В.С. Криминал будущего уже здесь («Коллекция Изборского клуба»). М.: Книжный мир, 2017.
6. Панфилова Е.И., Попов А.Н. Компьютерные преступления. СПб.,1998.
7. Девиантность в обществе потребления: коллективная монография/ под ред. Я.И. Гилинского и Т.В. Шипуновой. СПб.: Издательский дом «Алеф-Пресс», 2012.
8. Что такое WEB 2.0 [Электронный ресурс].URL: http://www.bistro-site.ru/articles/web2
9. Социальные сети в 2011 году: исследование comScore [Электронный ресурс]. URL: http: //www.cossa.ru/articles/149/11382/
10. Студенты страдают зависимостью от смартфонов [Электронный ресурс]. URL: http: //www. 4pda.ru› Архив за 2014 год›8/31/173735
11. Иванов Д.В. Виртуализация общества. СПб.: Петербургское востоковедение, 2000.
12. Иванов Д.В. Императив виртуализации: современные теории общественных изменений. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2002.
13. Комлев Ю.Ю. Органы внутренних дел и средства массовой информации: от общественной осведомленности к оптимальному взаимодействию. Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2001.С.9-20
14. Койл Д. Секс,наркотики и экономика. Нетрадиционное введение в экономику / пер. с англ. 2-е изд., испр. М.: Альпина Бизнес Букс,2005.
15. Гилинский Я. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». 3-е изд., испр. и доп. СПб.: Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2013.
16. Иванов Д.В. Глэм-капитализм. СПб.: Петербургское востоковедение, 2008.
17. Гилинский Я.И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. 2-е изд. перераб. и доп. СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2009.
18. Cybercrime: interdisciplinary approaches to cutting crime and victimisation in cyber space [Электронный ресурс] // URL: http://www.newworldencyclopedia.org/entry/Cybercrime
19. Goodman M. Future Crimes: Everything is Connected, Everyone is Vulnerable, and What We Can Do About It. Doubleday, 2015.
20. ВЭФ анонсировал создание Глобального центра кибербезопасности [Электронный ресурс]. URL: https://www.securitylab.ru/news/491033.php
21. Schmalleger F. Criminology Today: An Integrative Introduction. New Jersey, 1999.
22. Meloy J.R. The psychology of stalking. In: The Psychology of Stalking: Clinical and Forensic Perspectives, Meloy J.R., ed. San Diego: Academic Press, 1998.

REFERENCES

1. Toffler EH. SHok budushchego: per. s angl. M.: OOO «Izdatel'stvo ACT», 2002.
2. Larina E.S., Ovchinskij V.S. Kriminal budushchego uzhe zdes' («Kollekciya Izborskogo kluba»). M.: Knizhnyj mir, 2017.
3. Komlev YU.YU. Integrativnaya kriminologiya: deviantologicheskij ocherk. Kazan': KYUI MVD Rossii, 2016.
4. Komlev YU.YU. Prestupnost' v ehpohu high-tech, kons'yumerizma i glehm-kapitalizma // Vestnik VEHGU. 2013. №1.
5. Larina E.S., Ovchinskij V.S. Kriminal budushchego uzhe zdes' («Kollekciya Izborskogo kluba»). M.: Knizhnyj mir, 2017.
6. Panfilova E.I., Popov A.N. Komp'yuternye prestupleniya. SPb.,1998.
7. Deviantnost' v obshchestve potrebleniya: kollektivnaya monografiya/ pod red. YA.I. Gilinskogo i T.V. SHipunovoj. SPb.: Izdatel'skij dom «Alef-Press», 2012.

8. CHto takoe WEB 2.0 [EHlektronnyj resurs] // URL: http://www.bistro-site.ru/articles/web2
9. Social'nye seti v 2011 godu: issledovanie comScore [EHlektronnyj resurs]. URL: http: //www.cossa.ru/articles/149/11382/
10. Studenty stradayut zavisimost'yu ot smartfonov [EHlektronnyj resurs]. URL: http: //www. 4pda.ru› Arhiv za 2014 god›8/31/173735
11. Ivanov D.V. Virtualizaciya obshchestva. SPb.: Peterburgskoe vostokovedenie, 2000.
12. Ivanov D.V. Imperativ virtualizacii: sovremennye teorii obshchestvennyh izmenenij. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2002.
13. Komlev YU.YU. Organy vnutrennih del i sredstva massovoj informacii: ot obshchestvennoj osvedomlennosti k optimal'nomu vzaimodejstviyu. Kazan': Izd-vo Kazansk. un-ta, 2001.S.9-20
14. Kojl D. Seks,narkotiki i ehkonomika. Netradicionnoe vvedenie v ehkonomiku / per. s angl. 2-e izd., ispr. M.: Al'pina Biznes Buks,2005.
15. Gilinskij YA. Deviantologiya: sociologiya prestupnosti, narkotizma, prostitucii, samoubijstv i drugih «otklonenij». 3-e izd., ispr. i dop. SPb.: Izdatel'skij Dom «Alef-Press», 2013.
16. Ivanov D.V. Glehm-kapitalizm. SPb.: Peterburgskoe vostokovedenie, 2008.
17. Gilinskij YA.I. Kriminologiya: teoriya, istoriya, ehmpiricheskaya baza, social'nyj kontrol'. 2-e izd. pererab. i dop. SPb.: Izdatel'stvo R. Aslanova «YUridicheskij centr Press», 2009.
18. Cybercrime: interdisciplinary approaches to cutting crime and victimisation in cyber space [EHlektronnyj resurs] // URL: http://www.newworldencyclopedia.org/entry/Cybercrime
19. Goodman M. Future Crimes: Everything is Connected, Everyone is Vulnerable, and What We Can Do About It. Doubleday, 2015.
20. VEHF anonsiroval sozdanie Global'nogo centra kiberbezopasnosti [EHlektronnyj resurs]. URL: https://www.securitylab.ru/news/491033.php
21. Schmalleger F. Criminology Today: An Integrative Introduction. New Jersey, 1999.
22. Meloy J.R. The psychology of stalking. In: The Psychology of Stalking: Clinical and Forensic Perspectives, Meloy J.R., ed. San Diego: Academic Press, 1998.

Об авторе: Комлев Юрий Юрьевич, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры философии, политологии, социологии и психологии Казанского юридического института МВД России
e-mail: levkom@list.ru
© Комлев Ю.Ю., 2018
Статья получена: 06.02.2018 Статья принята к публикации: 15.03.2018
Статья опубликована онлайн: 20.03.2018

About the author: Komlev YUrij YU., Dr. habil.of Sociology, professor of Kazan Law Institute of Russia of MIA of Russia
e-mail: levkom@list.ru

Автор прочитали и одобрил окончательный вариант рукописи.
The author has read and approved the final version of the manuscript.

УДК 346.12 DOI: : 10.24420/KUI.2018.31.11106

А.М. Сиднева

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА ТЕРРИТОРИЯХ ОПЕРЕЖАЮЩЕГО РАЗВИТИЯ

LEGAL REGULATION OF ECONOMIC ACTIVITY IN THE TERRITORIES OF ADVANCED DEVELOPMENT

Введение: в статье раскрывается понятие стремительно развивающихся территорий опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР/ТОР). Актуальность выбранной темы обусловлена увеличением числа ТОСЭР и необходимостью совершенствования нормативных правовых норм, регулирующих деятельность резидентов, осуществляемую на данных территориях. Целью исследования является изучение различных аспектов регулирования экономического развития ТОСЭР, в том числе вопросов правового регулирования предпринимательской деятельности, а также зарубежного опыта функционирования подобных территорий.

Материалы и методы: при написании статьи автором были использованы следующие методы: научно-аналитический, описательный, историко-правовой, теоретико-юридический методы, изучение, обобщение, а также анализ и синтез в рамках исторического анализа.

Результаты исследования: автором изучено правовое регулирование деятельности, осуществляемой на территориях опережающего социально-экономического развития, заключающееся в предоставлении резидентам определенных льгот и преференций.

Обсуждение и заключения: на основе проведенного анализа автор приходит к выводу, что для правового регулирования деятельности, осуществляемой резидентами на территориях опережающего развития, предусмотрен специальный правовой режим, который отличается от общего правового режима исключительно наличием особых преимуществ, льгот, дополнительных прав и ограничений. Данный режим характеризуется в том числе и ограничением по территориальному признаку и субъектному составу.

Ключевые слова: территории опережающего социально-экономического развития, ТОСЭР, правовой режим, особые экономические зоны, налоговые льготы, управляющая компания, предпринимательская деятельность, соглашение, фактор развития и привлекательности, особый правовой режим, резиденты

Для цитирования: Сиднева А.М. Правовое регулирование экономической деятельности на территориях опережающего развития // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2018. Т. 9, № 1. С. 35-41. DOI: : 10.24420/KUI.2018.31.11106

Introduction: the article reveals the concept of appeared relatively recently and rapidly developing areas of advancing socio-economic development (AASED). The relevance of the selected topic is due to the increase in the number of AASED and the need to improve the regulatory legal norms governing the activities of residents carried out in these territories. The author of the work sets the following goal and objectives: to study various aspects of the regulation of economic development of AASED, including issues of legal regulation of entrepreneurial activity (subject composition, various preferences and possible restrictions on the creation of the AASED), as well as to apply to foreign experience of the operation of such territories.

Materials and Methods: when writing the article, the author used the following methods: scientific-analytical, descriptive, historical-legal, theoretical-legal methods, study, generalization, as well as analysis and synthesis in the framework of historical analysis.

Results: the author studies the legal regulation of the activities carried out in the territories of advanced social and economic development by determining various benefits and preferences for them. Thanks to a borrowed foreign experience we have managed to create areas that are significantly different and superior to particular areas and zones that existed previously, including the Russian Federation.

Discussion and Conclusions: on the basis of the analysis, the author comes to the conclusion that for the

legal regulation of the activities carried out by residents in the territories of advanced development there is a special legal regime, which differs from the General Legal Regime only in the presence of special advantages, benefits, additional rights and restrictions. As a rule, it is characterized by restriction on the territorial basis and subject composition. During the research the author comes to the conclusion that the current legislation requires improvement in view of the identified shortcomings in terms of legislative regulation.

Key words: territories of advanced social and economic development, legal regime, special economic zones, tax privileges, management company, entrepreneurial activity, agreement, factor of development and attractiveness, special legal regime, residents

For citation: Sidneva A.M. Legal regulation of economic activity in the territories of advanced development // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2018. V.9, №1. P. 35-41. DOI : : 10.24420/KUI.2018.31.11106

Введение

В условиях развивающейся экономики страны существенное значение имеет государственное регулирование предпринимательской деятельности, основной целью которого является создание благоприятных условий для ее осуществления. Развитие предпринимательства обеспечивает рост доходов населения, его постоянную занятость и, как следствие, повышение доходов бюджета[1]. Государственное регулирование предпринимательской деятельности должно осуществляться преимущественно не прямыми, а косвенными методами, в том числе путем предоставления налоговых льгот и создания благоприятного правового режима. Государственное регулирование предпринимательской деятельности осуществляется и путем формирования особого правового режима[2].

Обзор литературы

Основные этапы истории возникновения и развития ТОСЭР изучались А.А. Городиловым, А.Ч. Гоминым, С.Г. Каргаполовым [1] и др. Сравнительно-правовой анализ ТОСЭР с другими особыми территориями и зонами был проведен такими учеными, как М.И. Емец, А.С. Пургин [2] и др. До настоящего момента ни одним из ученых не проводилось исследование данной проблемы с учетом выявленных частно-правовых и публично-правовых средств межотраслевого взаимодействия между субъектами. Изучением проблемам социального предпринимательства занимались Н.Ф. Кадол, Ю.Н. Арай, Д.Б. Старовойтов, М.Л. Баталина. Из зарубежных авторов стоит упомянуть К. Альтера (S. K. Alter); К. Борзагу (C. Borzaga); Дж. Галера (G. Galera); Г. Дизу (G. Dees). Проблемам регионального развития посвящены труды отечественных ученых Л.И. Абалкина, А.Г. Аганбегяна, Е.Г. Анимицея, С.С. Артоболевского, М.К. Бандмана, В.Ю. Будавея, С.Д. Валентея, С.В. Вобленко. Проблемы развития территорий с особым экономическим статусов, в т.ч. и территорий опережающего социально-экономического развития, раскрываются Е.Ф. Авдокушиным, В.П. Андриановым, В.В. Асаул, Т.П. Данько, Р.И. Зименковым, Е.А. Каргулян, Ю.И. Кузнецовым, Е.В. Логиновой, П.В. Павловым и др.

Материалы и методы

В процессе исследования были использованы описательный и теоретический методы, включающие наблюдение, отбор фактов, научно-аналитический подход, с помощью которого удалось объективно подойти к анализу проблемы, отразить авторскую точку зрения. Благодаря указанным методам автору удалось детально отразить историческую модернизацию возникновения и развития территорий опережающего социально-экономического развития, передать опыт российских цивилистов, которые ранее изучали данную проблему, а анализ, проведенный автором, позволил выявить ряд недостатков и подвести итоги законодательного регулирования. Материалами исследования послужили статьи федеральных законов, послания Президента РФ Федеральному Собранию, постановления Правительства РФ.

Результаты исследования

В ходе установления правовых режимов осуществления предпринимательской деятельности особенно актуальным остается изучение «территориальных» режимов. В целях развития экономики как отдельных регионов, так и всей экономики государства в целом, многие страны создают территории с правовым режимом осуществления предпринимательской деятельности, отличным от того правового режима, который применяется на остальной части страны. Так, например, М.И. Емец, А.С. Пургин пишут, что инструментами региональной политики Российской Федерации, помимо налогового и бюджетного регулирования, стратегического планирования, являются также особые экономические зоны, зоны территориального развития,

[1] Федеральный закон от 29.12.2014 г. № 473-ФЗ «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации» [Электронный ресурс]: в редакции от 03.07.2016 г., с изменениями и дополнениями от 01.01.2017 г. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения: 07.02.2018 г.);

[2] О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации: Федеральный закон от 24.07.2007 № 209-ФЗ (в ред. от 27.11.2017 № 356-ФЗ). Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 07.02.2018.)

территории опережающего социально-экономического развития [2]. Начало создания территорий с особым статусом было положено 12 декабря 2013 г. в Послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию, когда «подъем Сибири и Дальнего Востока» был обозначен как «национальный приоритет на весь XXI век»[1].

Россия при создании территорий опережающего социально-экономического развития использовала 10-летний опыт, накопленный за период функционирования особых экономических зон (далее – ОЭЗ/СЭЗ). Привлечение крупных инвесторов путем создания и выделения внутри страны особых территорий и определения для них высоких льгот и преференций является весьма распространенной практикой во многих странах. По состоянию на 1 августа 2017 г. в Российской Федерации созданы 35 ТОСЭР, из которых 11 определены как территории монопрофильного муниципального образования – моногорода (ТОСЭРы «Набережные Челны», «Гуково», «Усолье-Сибирское», «Юрга», «Анжеро-Судженск», «Краснотурьинск», «Тольятти», «Белебей», «Кумертау») [3, с. 43].

Удачным является внедрение положительного опыта Китая. Пример первой СЭЗ в Китае – зоны Шэньчжэнь – наглядно показал, что низкие налоги и дешевая рабочая сила могут оказать существенное влияние на экономическую ситуацию в стране. На данный момент город Шэньчжэнь производит около 90% всей бытовой электроники в мире, на его территории работает 17,5 тысяч предприятий, специализирующихся на машиностроении, ядерной энергетике, электронике и высоких технологиях[2].

Территории опережающего развития представляют собой часть территории субъекта РФ, включая закрытое административно-территориальное образование, на которой в соответствии с решением Правительства РФ установлен особый правовой режим осуществления предпринимательской и иной деятельности в целях формирования благоприятных условий для привлечения инвестиций, обеспечения ускоренного социально-экономического развития и создания комфортных условий для обеспечения жизнедеятельности населения[3]. В мировой практике создание территорий со специальным режимом осуществления предпринимательской деятельности под разными названиями и с разными целями имеет богатейшую историю, начиная с 166 г., когда греческий о. Делос был объявлен зоной свободной торговли, в которой купцы освобождались от налогов, пошлин и некоторых административных обязанностей. Следующим видом таких территорий стала зона порто-франко, которая предполагала ведение торговли с зарубежными государствами без уплаты таможенных пошлин (например, Генуя, Венеция, Марсель). Режим порто-франко модифицировался в XX в. в режим свободных гаваней (Любек, Владивосток, Генуя, Марсель, Гамбург, Батуми и др.), куда можно было ввозить иностранные товары без пошлин и без соблюдения таможенных формальностей, где можно было хранить их без ограничения срока, производить обработку товаров и осуществлять торговлю. Позднее в XX в. появился новый тип территорий – технико-внедренческие зоны, которые предлагали специальные стимулы и привилегии иностранным инвесторам. Первой такой зоной в 1959 г. стал аэропорт Шэннон (Ирландия). В России же территории со специальным режимом появились в 1990-е гг., когда путем принятия подзаконных нормативных правовых актов применительно к каждой территории были созданы первые СЭЗ («Выборг», «Даурия», «Кузбасс»), свободные таможенные зоны или зоны свободной торговли («Шереметьево», «Московский Франко-Порт»). Основной целью формирования описанных выше режимов являлось формирование благоприятной среды жизнедеятельности и комплексное развитие территории. При этом создание различных территориальных режимов преследует и иные цели. Например, ОЭЗ создаются в целях развития обрабатывающих и высокотехнологичных отраслей экономики, портовой и транспортной инфраструктур, производства новых видов продукции и т.д.[4]

Среди всех разновидностей территориальных режимов именно ТОР имеют задачу, которая не сведена лишь к созданию специальных условий хозяйствования, а предполагает достижение социальных результатов в виде комфортных условий для жизнедеятельности населения данной территории. В улучшении социальной обстановки должны быть задействованы все субъекты, действующие на территории опережающего развития. Без комплексного развития соответствующей территории это недостижимо [4]. Согласно действующему законодательству можно выделить следующие виды ТОСЭР:

- промышленно-производственные;
- технико-внедренческие;
- портовые;

[1] Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 12.12.2013 // Российская газета. .2013. № 282.
[2] Гиктаймс. URL: https://geektimes.ru/post/260628/ (дата обращения: 07.02.2018).
[3] О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.2014 г. № 473-ФЗ (в ред. от 03.07.2016, с изменениями и дополнениями от 01.01.2017). Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 07.02.2018)
[4] Об особых экономических зонах в Российской Федерации»: Федеральный закон от 22.07.2005 г. № 116-ФЗ (в ред. от 18.07.2017). Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 07.02.2018).

- туристско-рекреационные;
- логистические[1].

По уровню развития выделяют: действующие (готова инфраструктура и есть функционирующие компании-резиденты); находящиеся на стадии создания (строится инфраструктура и есть функционирующие компании-резиденты); планируемые (ведутся предпроектные и проектные работы) [3]. Еще одной отличительной особенностью ТОР является то, что здесь не допускается ведение разработки полезных ископаемых и запрещено производить акцизные товары.

Сведения, необходимые при создании ТОСЭР, приведены в Табл. 1.

Таблица 1.

Данные, учитываемые при создании ТОСЭР

№ п/п	Наименование
1	Перечень видов хозяйственной деятельности
2	Оценка местности: хозяйственная и географическая
3	Положение о неприменении/применении таможенной процедуры свободной зоны в пределах территории
4	Оценка рынка труда
5	Объем капиталовложений
6	Местоположение и описание границ ТОСЭР
7	Информация о наличии инвесторов
8	Прогнозный анализ последствий создания ТОСЭР

Далее следует уделить внимание субъектному составу ТОР. Основным в данном списке выступает уполномоченный орган в области создания и функционирования ТОР, например, на территории Дальневосточного федерального округа им является Министерство по развитию Дальнего Востока, в отношении иных ТОР – Министерство экономического развития Российской Федерации [1].

Функциями уполномоченного органа являются:

• выдача в установленном порядке разрешения на строительство и ввод объектов в эксплуатацию при осуществлении строительства и реконструкции объектов инфраструктуры ТОР;

• согласование схемы территориального планирования субъекта РФ, в котором создается или функционирует ТОР, документации по планировке ТОР для размещения объектов капитального строительства регионального значения в границах муниципальных образований, в которых расположена ТОР;

• осуществление государственного строительного надзора;

• утверждение проекта планировки территории ТОР;

• контроль выполнения резидентом ТОР соглашения об осуществлении деятельности и прочее.

Анализируя перечисленные полномочия, можно сделать вывод, что именно уполномоченный федеральный орган имеет ключевые управленческие полномочия в отношении территориального планирования и застройки данных территорий. На ТОР могут быть специально созданы подразделения МВД, МЧС, ФНС, Минюста, ФТС, Роспотребнадзора, Роструда, Ростехнадзора.

С целью координации деятельности и контроля за выполнением соглашения о создании ТОР создается следующий субъект – наблюдательный совет.

Непосредственно для управления ТОР Правительством РФ определяется управляющая компания, которая является акционерным обществом, 100% акций принадлежит Российской Федерации. Управляющая компания, по сути, выступает в качестве застройщика объектов инфраструктуры ТОР и обеспечивает их функционирование.

Для того чтобы установленный правовой режим не был малоэффективным, необходимо периодически проводить мониторинг результативности, который заключается в проверке его количественных и качественных критериев.

Анализ действующего законодательства позволяет установить, что особый правовой режим, установленный на ТОСЭР, направлен не только на осуществление предпринимательской деятельности, но и на установление различных преференций для таких направлений, как медицина, образование, трудоустройство и прочее. Например, для резидентов ТОР, выступающих работодателями и привлекающих иностранных граждан для осуществления трудовой деятельности на такой территории, существуют следующие льготы:

[1] О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.2014 г. № 473-ФЗ (в ред. от 03.07.2016, с изменениями и дополнениями от 01.01.2017). Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 07.02.2018).

- не требуется получения разрешений на привлечение иностранных работников;

- при выдаче разрешения на работу иностранному гражданину не учитываются квоты на выдачу им приглашений на въезд в Российскую Федерацию.

Что касается образовательной деятельности, то Правительство РФ предусмотрело специфику лицензирования образовательной деятельности организаций, осуществляющих образовательную деятельность по программам профессионального обучения и дополнительным профессиональным программам на территории опережающего социально-экономического развития [5, с.48-49].

Создание благоприятных условий в рамках ТОР предполагает следующие направления:

• применение упрощенной таможенной процедуры (беспошлинный и безналоговый ввоз, хранение и использование иностранных товаров внутри ТОР);

• осуществление градостроительной деятельности (упрощенный порядок подготовки и утверждения документации по планировке территории ТОР);

• установление максимально короткого срока (45 дней) при проведении государственной экологической экспертизы;

• изъятие и предоставление земельных участков и (или) иного имущества, сокращенные сроки и порядок обжалования и порядок выкупа;

• страховые взносы первые 10 лет – 7,6 %, вместо стандартных 30%;

• установление сервитутов в отношении земельных участков, сокращенные процессуальные сроки установления;

• использование лесов для размещения объектов (допускается осуществление рубок лесных насаждений без ограничений, предусмотренных лесным законодательством).

Что касается налогообложения, то в этой части ст. 284 Налогового кодекса РФ (далее – НК РФ) позволяет резидентам ТОСЭР применять пониженные ставки по налогу на прибыль. Это возможно в течение «налоговых каникул», равных 5 (пяти) налоговым периодам, начиная с того периода, когда в налоговом учете резидента была получена первая прибыль от деятельности, осуществляемой на территории опережающего социально-экономического развития. Так, например, в отношении налога на прибыль, уплачиваемого:

• в федеральный бюджет – налоговая ставка составляет 0 процентов (п. 1.8 ст. 284 НК РФ, п. 3 ст. 284.4 НК РФ);

• в бюджет субъекта РФ – размер налоговой ставки не может превышать 5 процентов. При этом в течение следующих 5 (пяти) налоговых периодов ставка налога не может быть менее 10 процентов (п. 4 ст. 284.4 НК РФ).

Обсуждение и заключения

Согласно действующему законодательству ТОР создается по решению Правительства РФ на основании предложения уполномоченного федерального органа сроком на 70 лет (см., например, постановление Правительства РФ от 27 августа 2016 г. № 847 «О создании территории опережающего социально-экономического развития «Амуро-Хинганская», постановление Правительства РФ от 17 марта 2016 г. № 201 «О создании территории опережающего социально-экономического развития «Южная» и др.). При этом срок существования ТОСЭР может быть продлен по решению Правительства РФ.

Что касается территориального вопроса создания ТОСЭР, то они могут быть созданы либо на территории муниципального образования, либо на территориях нескольких муниципальных образований в границах одного субъекта РФ. Следует принять во внимание, что при создании ТОР необходимо соблюдать определенные запреты. Во-первых, ТОР не может создаваться в границах ОЭЗ или Зоны территориального развития (далее – ЗТР). Во-вторых, в состав ТОР не может входить ОЭЗ или ЗТР. Подобные запреты введены не случайно. Таким образом, резиденты указанных территорий не смогут претендовать на идентичные льготы и привилегии, находясь под действием разных правовых режимов [6, с.34-38]. Специальный правовой режим осуществления предпринимательской деятельности – модификация общего правового режима, характеризующаяся либо особыми льготами и преимуществами, дополнительными правами, либо особыми ограничениями, выражающимися в дополнительных запретах или позитивных обязываниях. Он применяется к хозяйствующим субъектам, занимающимся определенным видом предпринимательской деятельности, в конкретной отрасли или на определенной территории [7, с.37-41].

По мнению Российского политика П.Н. Грудинина, развитие регионов России, в том числе Дальнего Востока, должно идти совершенно по другому пути. «Там нужно дать преференции отечественному производству. И одновременно нужно сделать так, чтобы все иностранные инвестиции шли только через российские субъекты»[1].

Анализ действующего законодательства позволяет выявить следующие недостатки в части законодательного регулирования:

• с точки зрения решения основных задач по экономическому развитию территории и созданию комфортных условий для жизнедеятельности населения

[1] YKTIMES.RU. Авторский взгляд. Павел Грудинин: «Закон о ТОРах должен быть отменен». URL: http://www.yktimes.ru/ekonomika/pavel-grudinin-zakon-o-torah-dolzhen-byit-otmenen/ (дата обращения: 07.02.2018)/

«размыто» установлены критерии, которые позволяют судить об успешности деятельности ТОСЭР;

• ввиду планируемого уменьшения полномочий у субъектов ТОР и муниципальных образований со стороны управляющей компании не созданы нормативные основы взаимодействия ТОСЭР и субъектов РФ;

• не предусмотрены показатели эффективности работы ТОСЭР, процедуры оценки достижения таких показателей и последствия их невыполнения, что может привести к превращению территорий опережающего развития в «территории опережающих трат»;

• отсутствие контроля за миграционными процессами и возможности каким-либо образом влиять на них. В настоящий момент не зафиксирован срок пребывания иностранного работника на территории Российской Федерации, а также запрет на осуществление таким работником любой другой деятельности на ТОР, за исключением той, которая предусмотрена трудовым договором с резидентом;

• отсутствует указание на то, что налоговые льготы и пониженные страховые взносы в государственные внебюджетные фонды для резидентов ТОР устанавливаются исключительно в отношении новых или модернизируемых рабочих мест и новых или модернизируемых мощностей [8, с. 51-52]. Помимо перечисленных недостатков, есть ряд проблем, в том числе по реализации производственных проектов. В связи с низкой плотностью населения промышленные проекты в значительной степени ориентированы на экспорт, в том числе в страны Азиатско-Тихоокеанского региона.

К устранению указанных недостатков следует подходить комплексно, то есть использовать оценку эффективности деятельности ТОСЭР по всем возможным показателям, среди которых ожидаемая продолжительность жизни при рождении; оборот продукции (услуг); численность населения; объем инвестиций в основной капитал (за исключение бюджетных средств); объем налоговых и неналоговых доходов консолидированного бюджета субъекта Российской Федерации; уровень безработицы в среднем за год и прочее. В связи с этим к рассмотрению предлагаются следующие решения: проводить более активную отраслевую государственную политику в целях формирования на ТОР не разрозненных производств, а производственных цепочек (или их частей), преследующих цель создания интегрирующих резидентов друг с другом и (или) с внешними производствами в РФ; разрабатывать либо корректировать региональную программу развития для взаимодействия с проектами ТОСЭР для наращивания государственных инвестиций; обновлять федеральные и региональные задачи, стоящих перед ТОР; упорядочивать работы с резидентами, включая организацию экспертизы расчетов инвестиций для создания инфраструктуры ТОСЭР и реализации проектов резидентов; дополнительно проводить организационную и нормативно-правовую поддержку регионов, инициирующих проекты ТОСЭР.

Кроме того, востребованной будет дополнительная методическая, организационная и нормативно-правовая поддержка со стороны федерального центра регионов, инициирующих проекты ТОСЭР. Речь идет именно о нефинансовых мерах. В частности, целесообразно рассмотреть возможность перехода с контроля за применяемыми механизмами бюджетной политики на контроль за достижением конечного результата, а именно расширить полномочия органов публичной власти в области установления налоговых ставок, а также учета объектов налогообложения. Следует установить более жесткие нормы бюджетного законодательства не в отношении формально более дотационных регионов, а в отношении регионов, бюджетная политика которых привела к опережающему росту государственного долга и существенному ухудшению параметров сбалансированности соответствующего бюджета.

В целом ТОР как особый правовой режим представляют собой более продуманную попытку обеспечить ускоренное социально-экономическое развитие отдельных территорий, нежели, например, ОЭЗ. В связи с изложенным логично предположить, что взаимодействие резидента ТОР и государства может осуществляться по модели государственно-частного партнерства, где резидент ТОР инвестирует в ускоренное экономическое развитие региона, создает рабочие места, а публичный партнер в лице государства предоставляет ему льготный режим осуществления предпринимательской деятельности на территории [9, с.15]. Финансовое обеспечение размещения объектов инфраструктуры осуществляется как за счет бюджетных средств, так и за счет внебюджетных источников финансирования. Именно партнерство государства и частного бизнеса снижает риски неэффективных решений в сфере инновационной деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Городилов А.А., Гомин А.Ч., Каргаполов С.Г. XXI в.: Свободная зона и особый статус / под ред. Е. Чирковой. Калининград, 2001. 176 с.

2. Емец М. И., Бургин А. С. Сравнительный анализ инструментов региональной политики Российской Федерации: особые экономические зоны, зоны территориального развития и территории опережающего социально-экономического развития // Экономика. Государство. Общество. 2015. № 4. С. 28.

3. Территории опережающего социально-экономического развития: вопросы теории и практики: материалы Всероссийской научно-практической конференции. 2 марта 2017 г. Казань: Изд-во «Познание» Казанского инновационного университета имени В.Г. Тимирясова (ИЭУП), 2017. С. 253.
4. Глушко Е.К. Административные режимы территорий. М.: ТЕИС, 2017. 128 с.
5. Лисица В.Н. Особые экономические зоны в Российской Федерации, 2010 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 07.02.2018).
6. Мякишева Е.А., Пыткина С.А. Особенности организации и функционирования территорий опережающего социально- экономического развития на современном этапе // Научное обозрение. 2015. № 22.
7. Белицкая А.В. Правовое регулирование реализации инвестиционных проектов на территориях со специальным режимом осуществления предпринимательской деятельности // Бизнес, менеджмент и право. 2012. № 2. 158 с.
8. Мохов А.А. Социальные эффекты экономической деятельности и их значение для правотворчества // Юрист. 2016. № 18. 128 с.
9. Некрасов В.Н., Морозов А.И. Государственно-частное партнерство как инструмент публичного управления государственной закупочной политикой - государственное и муниципальное управление // Ученые записки СКАГС. 2013. № 4. 244 с.

REFERENCES:

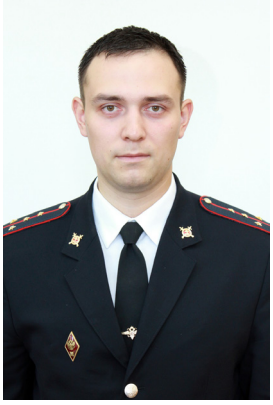
1. Gorodilov A.A., Gomin A.CH., Kargapolov S.G. XXI v.: Svobodnaya zona i osobyj status / pod red. E. CHirkovoj. Kaliningrad, 2001. 176 s.
2. Emec M. I., Burgin A. S. Sravnitel'nyj analiz instrumentov regional'noj politiki Rossijskoj Federacii: osobye ehkonomicheskie zony, zony territorial'nogo razvitiya i territorii operezhayushchego social'no-ehkonomicheskogo razvitiya // EHkonomika. Gosudarstvo. Obshchestvo. 2015. № 4. S. 28.
3. Territorii operezhayushchego social'no-ehkonomicheskogo razvitiya: voprosy teorii i praktiki: materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii. 2 marta 2017 g. Kazan': Izd-vo «Poznanie» Kazanskogo innovacionnogo universiteta imeni V.G. Timiryasova (IEHUP), 2017. S. 253.
4. Glushko E.K. Administrativnye rezhimy territorij. M.: TEIS, 2017. 128 s.
5. Lisica V.N. Osobye ehkonomicheskie zony v Rossijskoj Federacii, 2010 // Dostup iz SPS «Konsul'tant Plyus» (data obrashcheniya: 07.02.2018).
6. Myakisheva E.A., Pytkina S.A. Osobennosti organizacii i funkcionirovaniya territorij operezhayushchego social'no-ehkonomicheskogo razvitiya na sovremennom ehtape // Nauchnoe obozrenie. 2015. № 22.
7. Belickaya A.V. Pravovoe regulirovanie realizacii investicionnyh proektov na territoriyah so special'nym rezhimom osushchestvleniya predprinimatel'skoj deyatel'nosti // Biznes, menedzhment i pravo. 2012. № 2. 158 s.
8. Mohov A.A. Social'nye ehffekty ehkonomicheskoj deyatel'nosti i ih znachenie dlya pravotvorchestva // YUrist. 2016. № 18. 128 s.
9. Nekrasov V.N., Morozov A.I. Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo kak instrument publichnogo upravleniya gosudarstvennoj zakupochnoj politikoj - gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie // Uchenye zapiski SKAGS. 2013. № 4. 244 s.

Об авторе: Сиднева Анастасия Михайловна, аспирант Финансового университета при Правительстве РФ, г. Москва
e-mail: NastajSid2007@mail.ru
© Сиднева А.М., 2018

Статья получена: 07.02.2018 Статья принята к публикации: 15.03.2018
Статья опубликована онлайн: 20.03.2018
About the author: Sidneva Anastasia M., Postgraduate of Financial University under the government of the Russian Federation, Moscow
e-mail: NastajSid2007@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The author has read and approved the final manuscript.

УДК: 343.9 DOI: I: 10.24420/KUI.2018.31.11107



Р.Р. Абдулганеев, С.Н. Миронов

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ЛИЧНОСТИ СОВРЕМЕННОГО ЭКСТРЕМИСТА

CRIMINOLOGICAL PROFILE OF THE PRESENT-DAY EXTREMIST

Введение: статья посвящена характеристике личности экстремиста на основе социально-демографических свойств и социально-ролевых (функциональных) статусов.

Материалы и методы: основу исследования составляет диалектический метод, в качестве частных научных методов применялись сравнительно-правовой, формально-логический и статистический. Методическим инструментарием исследования выступили статистические данные Главного информационно-аналитического центра МВД России (далее – ГИАЦ МВД России) с 2012 по 2017 гг., а также 40 материалов опубликованной судебной практики по делам о преступлениях экстремистской направленности с 2012 по 2017 гг.

Результаты исследования: в статье особое внимание уделено социально-правовым особенностям личности современного экстремиста. Рассматриваются правовые, трудовые, семейно-бытовые, межличностные особенности личности приверженца крайних воззрений, а также анализируется его допреступное поведение.

Обсуждение и заключения: в статье обосновывается мнение, согласно которому ключевыми предпосылками формирования личности современного экстремиста выступают внешние социальные факторы, определяющие мотивы совершения преступлений экстремистской направленности.

Ключевые слова: экстремизм, личность экстремиста, безопасность государства, негативное социальное явление

Для цитирования: Абдулганеев Р.Р., Миронов С.Н. Криминологический портрет личности современного экстремиста // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2018. Т. 9, № 1. С. 42-47. DOI: I: 10.24420/KUI.2018.31.11107

Introduction: the article describes the criminological profile of extremists on the basis of sociodemographic character and socio-role (functional) status.

Materials and Methods: the basis of the study is the dialectical method, as a private scientific, the author used the comparative legal, formal logical and statistical methods as a private scientific methods. The methodological tools of the research were statistical data of the Main Information and Analysis Center of the Ministry of Internal Affairs of Russia (MIAC of MIA of Russia) from 2012 to 2017, as well as 40 materials of published judicial practice on cases concerning extremist crimes from 2012 to 2017.

Results: the article pays special attention to the social and legal peculiarities of the modern extremist's profile. Within the framework of this article the legal, labor, family and interpersonal features of the person of the follower of extreme views are considered, and his / her pre-crime behavior is analyzed.

Discussion and Conclusions: the article substantiates the view, which considers the key prerequisites for the formation of the present-day extremist's personality are external social factors that determine the motives for committing extremist crimes.

Key words: extremism, extremist personality, security of the state, negative social phenomenon

For citation: Abdulganeev R.R., Mironov S.N. Criminological profile of the present-day extremist // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2018. V.9, №1. P. 42-47. DOI: I: 10.24420/KUI.2018.31.11107

Введение

Проявления экстремизма в условиях современного мира свидетельствуют о нарастающих темпах распространения крайних мировоззрений, когда объективно затрагивается широкий спектр ключевых элементов жизни общества и все меньше людей остаются безучастными к существующей проблеме.

Приведенные обстоятельства актуализируют вопрос личности экстремиста как непосредственного носителя крайних взглядов, человека, воплощающего в жизнь идеологические цели экстремистских организаций [1].

По нашему мнению, наиболее точное представление о личности современного экстремиста возможно сформировать с помощью социально-демографических свойств и социально-ролевых (функциональных) статусов, позволяющих приблизиться к пониманию сущности мотивов совершения преступлений экстремистской направленности.

Обзор литературы

Среди российских ученых к вопросу криминологического анализа личности экстремиста обращались В.Н. Арестов, Ю.М. Антонян [2], С.Н. Фридинский [3], А.В. Ростокинский [4], С.С. Борисов [5].

В зарубежной криминологии различным аспектам личности экстремиста посвящены работы К. Кинцлера (религиозный фундаментализм) [6], Б. Тамма (терроризм; преступник и жертва) [7], А. Кройцера (религия-преступление-наказание) [8], П. Концена (фанатизм; психоанализ феномена) [9] и др.

Результаты исследования

Социально-демографические признаки выступают существенным компонентом обобщенного представления о личности экстремиста и имеют важное значение для разработки и осуществления мер профилактики преступного поведения [10].

Проведенный анализ результатов оперативно-служебной деятельности специализированных подразделений системы МВД России по противодействию экстремизму позволил оценить масштабы экстремистской преступности в стране. Так, в 2012 г. было зарегистрировано 696 преступлений экстремистской направленности; в 2013 г. – 896; в 2014 г. – 1034; в 2015 г. – 1329; в 2016 г. – 1430; в 2017 г. – 1521[1].

Количество выявленных лиц, совершивших преступления экстремистской направленности с 2012 г. по 2017 г., составило 4873 человека (в 2012 г. – 527; в 2013 г. – 673; в 2014 г. – 836; в 2015 г. – 931; в 2016 г. – 934; в 2017 г. – 972). Из них в возрасте от 14 до 15 лет – 0,3%; от 16 до 17 лет –14,9%; от 18-24 – 40,3%; от 25-29 – 29,8%; от 30-49 – 12,8%; от 50 и старше –1,9%[2].

Приведенная статистика показывает, что наибольшее количество выявленных экстремистов составляют лица двух возрастных категорий: от 18 до 24 лет и от 25 до 29 лет.

Анализ изученных материалов судебной практики[3] позволяет выделить следующие особенности формирования внутриличностных целей экстремистов: в первой возрастной группе целями совершения преступлений являлись: а) обретение поддержки единомышленников; б) уважение среди единомышленников; в) повышение личного авторитета. В характеризующем материале второй группы: а) неустроенность личной жизни; б) наличие криминального опыта; в) отсутствие постоянного источника дохода.

Несовершеннолетние в общем количестве лиц, выявленных за совершение преступлений экстремистской направленности, составляют 15,2%. Данной категорией лиц с 2012 по 2017 гг. было совершено 286 преступлений экстремистской направленности[4]. При этом материалы судебной практики указывают, что наиболее часто совершаемыми преступлениями явились деяния, предусмотренные ст. 282 УК РФ «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства» – 60,4%; ст. 280 УК РФ «Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности» – 24,8%; ст. 282.1 УК РФ «Организация экстремистского сообщества» – 9,4%.

Удельный вес женщин в совершении преступлений экстремистской направленности составляет 2,8%[5]. Анализ судебной практики позволил выделить следующую особенность: роль женщин в большинстве случаев (95%) была связана с по-

[1] Характеристика выявленных лиц, совершивших преступления: сводный отчет ГИАЦ МВД России за период с 2012 по 2017 гг. М., 2018.
[2] Там же.
[3] Судебная практика по делам о преступлениях экстремистской направленности и террористического характера. URL: https://rospravosudie.com/vidpr-ugolovnoe/act-q/section-acts/ (дата обращения: 20.12.2017).
[4] Характеристика выявленных лиц, совершивших преступления: сводный отчет ГИАЦ МВД России за период с 2012 по 2017 гг. М., 2018.
[5] Там же

собничеством или подстрекательством, и только 5% выступали исполнителями преступлений экстремистской направленности. Заметим, что в исследованных материалах судебной практики женщин-организаторов преступлений экстремистской направленности отмечено не было.

Следующим элементом социально-демографической составляющей личности современного экстремиста выступает ее образовательный уровень [11].

В период с 2012 по 2017 гг. среди лиц, выявленных за совершение преступлений экстремистской направленности, имели: высшее профессиональное образование – 15,9%; среднее профессиональное образование – 35,9%; начальное и основное общее образование – 18,7%; среднее (полное) общее образование – 29,5%[1].

Статистические данные о социальном положении лиц, выявленных за совершение преступлений экстремистской направленности, указывают, что среди них наемных работников – 26%; служащих – 6,4%; работников сельского хозяйства – 0,5%; предпринимателей без образования юридического лица – 1,8%; работников органов государственной власти – 0,4%; учащихся и студентов – 15,4 %; лиц без постоянных источников доходов – 43,7 %; безработных – 5,3%[2].

Материалы судебной практики свидетельствуют, что лица, осужденные за совершение преступлений экстремистской направленности, занимали низкооплачиваемые и социально непрестижные должности (разнорабочий, охранник, вахтер, кладовщик и др.), а их ежемесячное материальное благосостояние распределялось следующим образом: от 5 до 10 тыс. рублей – 36%; от 10 до 20 тыс. рублей – 58%; от 20 до 30 тыс. рублей – 6%; свыше 30 тыс. рублей – 0%.

Учет мигрантов при отражении социально-демографических признаков личности современного экстремиста также имеет немаловажное значение. По данным ГИАЦ МВД России, с 2012 по 2017 гг. мигрантами были совершены 143 преступления экстремистской направленности. При этом в 2,2% случаев преступления были совершены в составе группы, а в 2,5% случаев – в составе организованной группы, преступного сообщества (преступной организации)[3].

Доля незаконных мигрантов в общем массиве иностранных граждан и лиц без гражданства, совершивших преступления экстремистской направленности, невелика и составляет 2,7%. Большинство лиц данной категории было выявлено за совершение таких преступлений, как организация деятельности экстремистской организации (ст. 282.2 УК РФ) и публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ).

По признаку гражданства с 2012 по 2017 гг. наибольшее число преступлений экстремистской направленности было совершено гражданами государств-участников СНГ – 136 преступлений (в 2012 г. – 9; в 2013 г. – 16; в 2014 г. – 30; в 2015 г. – 20; в 2016 г. – 30; в 2017 г. – 31). Среди них: гражданами Республики Таджикистан – 57 преступлений, Республики Узбекистан – 24; Украины – 22; Республики Кыргызстан – 12; Республики Азербайджан – 12; Республики Армения – 5; Республики Казахстан – 2; Республики Беларусь – 2[4].

При этом наибольшее количество преступлений экстремистской направленности среди мигрантов было совершено лицами, прибывшими в страну с целью работы по найму (83,4%) и с целью учебы (16,6%).

Заметим, что, хотя доля мигрантов не столь велика в общем массиве лиц, выявленных за совершение преступлений данной категории, и не превышает 3%, их качественный потенциал характеризуется высокой степенью латентности и широкими возможностями распространения идеологии экстремизма – в первую очередь среди соотечественников, а также представителей этнических диаспор, проживающих на территории России.

В социально-ролевой подсистеме личности экстремиста наибольшего внимания заслуживает характеристика общественной опасности совершенных им деяний и особенности его допреступного поведения [12].

По данным ГИАЦ МВД России, с 2012 по 2017 гг. из числа зарегистрированных лиц, совершивших преступления экстремистской направленности, 15,2% ранее привлекались к уголовной ответственности. В соответствии с имеющимися сведениями, по указанным статьям в 2012 г. были зарегистрированы 527 человек, из которых 16 уже были ранее судимы; в 2013 г. – 673 человека, из которых 17 были ранее судимы; в 2014 г. – 836 человек, из которых 38 были ранее судимы; в 2015 г. – 931 человек, из которых 25 были ранее судимы; в 2016 г. – 934 человека, из которых 105 были ранее судимы; в 2017 г. – 972 человека, из которых 128 были ранее судимы[5].

[1] Характеристика выявленных лиц, совершивших преступления: сводный отчет ГИАЦ МВД России за период с 2012 по 2017 гг. М., 2018.
[2] Там же.
[3] Количество преступлений, совершенных иностранными гражданами и лицами без гражданства: сводный отчет ГИАЦ МВД России за период 2012-2017 гг. М., 2018.
[4] Там же.
[5] Характеристика выявленных лиц, совершивших преступления: сводный отчет ГИАЦ МВД России за период с 2012 по 2017 гг. М., 2018.

При этом материалы судебной практики указывают, что в подавляющем большинстве случаев наличие криминального опыта у лиц, осужденных за совершение преступлений экстремистской направленности, сводилось к совершению преступлений против собственности (кража, грабеж, разбой, вымогательство, мошенничество в сфере кредитования) и преступлений против общественной безопасности (незаконные приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка или ношение оружия, его основных частей, боеприпасов). Среди лиц, выявленных за совершение преступлений экстремистской направленности, 85% не сотрудничали с органами предварительного следствия и в дальнейшем выражали свое недоверие суду; 92% осужденных не признали вины и не раскаялись.

Обсуждение и заключения

Проанализировав социально-демографические свойства личности экстремиста и его социально-ролевые (функциональные) статусы, считаем возможным в целях усиления антиэкстремистской деятельности органов внутренних дел сформировать типичный криминологический портрет личности современного экстремиста:

1. Особенности возрастного критерия у современных экстремистов сведены к промежутку от 18 до 29 лет, что указывает на осмысленное совершение преступлений указанной категории и характеризует личность современного экстремиста как лицо с уже очерченными жизненными принципами и ориентирами.

2. Влияние экстремистской идеологии на молодежь, стремление таких организаций к привлечению несовершеннолетних к участию в их деятельности и дальнейшему приобщению к преступному поведению остаются высокими [13]. Полагаем, причиной этого служит романтизация образа «борца за правое дело» в сознании несовершеннолетних, а также стремление повысить свой авторитет среди сверстников наличием криминального опыта.

3. Невысокий процент удельного веса женщин в совершении преступлений экстремистской направленности говорит о второстепенной роли, отводимой им в экстремистских организациях. Считаем, что женщины выступают, скорее, орудием достижения преступной цели, а их участие в деятельности экстремистской организации сведено к обеспечению функционирования ее деятельности [14].

4. Одним из значимых элементов социально-демографической составляющей личности современного экстремиста является ее образовательный уровень. Актуальные статистические данные и материалы судебной практики свидетельствуют о невысоком образовательном уровне экстремистов, что способствует формированию правонарушающего поведения в целях достижения преступных целей экстремистской организации.

5. Уровень социальной обеспеченности выступает одним из ключевых факторов, определяющих поведение современного экстремиста. Считаем, что тяжелое материальное положение лиц, разделяющих экстремистскую идеологию, открывает широкие перспективы для накопления человеческого потенциала и дальнейшего пополнения рядов экстремистских организаций.

6. Стремление экстремистских организаций к восполнению человеческого потенциала и приобретению лояльности местного населения выступает одним из определяющих элементов вовлечения в их ряды новых сторонников из числа граждан Российской Федерации, что существенно облегчает возможность совершения преступлений.

7. Подавляющее большинство лиц, совершивших преступления экстремистской направленности, совершили их впервые, что указывает на высокую степень воздействия крайних взглядов на личность человека и вероятность формирования у него преступной мотивации.

Таким образом, в собирательном плане личность современного экстремиста представляется следующей: мужчина в возрасте от 18 до 29 лет, гражданин России, ранее не привлекавшийся к уголовной ответственности, со средним профессиональным образованием, работник неквалифицированных должностей с ежемесячным доходом от 10 до 20 тыс. руб. или без постоянного источника дохода, разделяющий крайние взгляды экстремистских учений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдулганеев Р.Р. Религиозный экстремизм: криминологический и уголовно-правовые аспекты: монография. Казань: Казанский юридический институт МВД России, 2015. 185 с.
2. Антонян Ю.М., Кудрявцев В.Н., Эминов В.Е. Личность преступника. СПб., 2004. 366 с.
3. Фридинский С.Н. Борьба с экстремизмом (уголовно-правовой и криминологический аспекты) : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Ростов н/Д, 2003. 166 с.
4. Ростокинский А.В. Преступления экстремистской направленности как проявления субкультурных конфликтов молодежных объединений: уголовно-правовые и криминологические проблемы : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08. М., 2008. 44 с.

5. Борисов С. С. Преступления экстремистской направленности: проблемы законодательства и правоприменения : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08. М., 2012. 47 с.
6. Kienzler K. Der religiöse Fundamentalismus. München, 1999. 286 s.
7. Thamm B. Terrorismus. Ein Handbuch über Täter und Opfer. München, 2002. 509 s.
8. Kreuzer A. Religion –Verbrechen – Strafe. Frankfurt am Main, 2010. 45 s.
9. Conzen P. Fanatismus. Psychoanalyse eines unheimlichen Phänomens. Kohlhammer, 2005. 364 s.
10. Кузнецова Н.Ф., Лунеев В.В. Криминология : учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2004. 125 с.
11. Ломброзо Ч. Преступление. Новейшие успехи науки о преступнике. Анархисты. М., 2004. С. 73.
12. Кузнецова Н.Ф. Избранные труды. СПб., 2003. 832 с.
13. Васильева Н.Л., Пермякова И.И. Основные тенденции экстремизма в Российской Федерации // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2017. № 2 (39). С. 15 - 20.
14. Миронов С.Н. и др. Противодействие органов внутренних дел экстремизму и терроризму. Казань, 2017. 192 с.

REFERENCES

1. Abdulganeev R.R. Religioznyj ehkstremizm: kriminologicheskij i ugolovno-pravovye aspekty: monografiya. Kazan’: Kazanskij yuridicheskij institut MVD Rossii, 2015. 185 c.
2. Antonyan YU.M., Kudryavcev V.N., EHminov V.E. Lichnost’ prestupnika. SPb., 2004. 366 s.
3. Fridinskij S.N. Bor’ba s ehkstremizmom (ugolovno-pravovoj i kriminologicheskij aspekty) : dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.08. Rostov n/D, 2003. 166 s.
4. Rostokinskij A.V. Prestupleniya ehkstremistskoj napravlennosti kak proyavleniya subkul’turnyh konfliktov molodezhnyh ob»edinenij: ugolovno-pravovye i kriminologicheskie problemy : avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk: 12.00.08. M., 2008. 44 s.
5. Borisov S. S. Prestupleniya ehkstremistskoj napravlennosti: problemy zakonodatel’stva i pravoprimeneniya : avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk: 12.00.08. M., 2012. 47 s.
6. Kienzler K. Der religiöse Fundamentalismus. München, 1999. 286 s.
7. Thamm B. Terrorismus. Ein Handbuch über Täter und Opfer. München, 2002. 509 s.
8. Kreuzer A. Religion –Verbrechen – Strafe. Frankfurt am Main, 2010. 45 s.
9. Conzen P. Fanatismus. Psychoanalyse eines unheimlichen Phänomens. Kohlhammer, 2005. 364 s.
10. Kuznecova N.F., Luneev V.V. Kriminologiya : uchebnik. 2-e izd., pererab. i dop. M., 2004. 125 c.
11. Lombrozo CH. Prestuplenie. Novejshie uspekhi nauki o prestupnike. Anarhisty. M., 2004. S. 73.
12. Kuznecova N.F. Izbrannye trudy. SPb., 2003. 832 s.
13. Vasil’eva N.L., Permyakova I.I. Osnovnye tendencii ehkstremizma v Rossijskoj Federacii // Vestnik Dal’nevostochnogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2017. № 2 (39). S. 15 - 20.
14 Mironov S.N. i dr. Protivodejstvie organov vnutrennih del ehkstremizmu i terrorizmu. Kazan’, 2017. 192 s.

Об авторах: Абдулганеев Ренат Рафаилович, кандидат юридических наук, начальник научно-исследовательского отделения Казанского юридического института МВД России
e-mail: niirio@inbox.ru
Миронов Сергей Николаевич, кандидат исторических наук, доцент, заместитель начальника Казанского юридического института МВД России (по научной работе)
© Абдулганеев Р.Р., 2018
© Миронов С.Н., 2018
Статья получена: 15.02.2018. Статья принята к публикации: 15.03.2018.
Статья опубликована онлайн: 20.03.2018.

About the authors: Abdulganeev Renat R., Candidate of Juridical Sciences, Head of Research Department of the Kazan Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation
e-mail: niirio@inbox.ru
Mironov Sergey N., Candidate of Historical Sciences (research doctorate), Associate Professor, Deputy Head of the Kazan Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.
The authors have read and approved the final manuscript.

Заявленный вклад авторов

Абдулганеев Ренат Рафаилович – сбор и анализ эмпирических данных и их обобщение, разработка концептуальных подходов исследования; подготовка первоначального варианта текста.

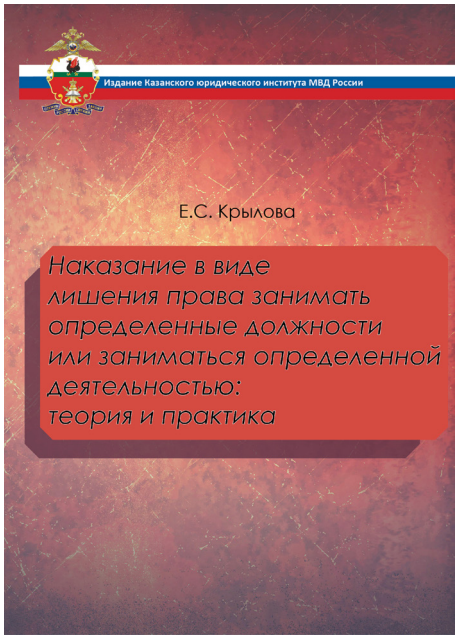
Миронов Сергей Николаевич – анализ научной литературы по проблеме исследования; формирование выводов и практических рекомендаций; доработка текста исследования.

Contributorship

Abdulganeev Renat Rafailovich – collection and analysis of empirical data and their generalization, development of conceptual research approaches; preparation of the original version of the text.

Mironov Sergey Nikolaevich – analysis of scientific literature on the research problem; drawing conclusions and practical recommendations; revision of the text of the study.

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ КАЗАНСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ



Крылова Е.С.

Наказание в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью: теория и практика: монография / Е.С. Крылова. – Изд. 2-е, перераб. и доп.- Казань: Казанский юридический институт МВД России, 2017. – 176 с.

ISBN 978-5-906977-18-2

В монографии анализируются актуальные проблемы применения наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, рассматриваются понятие, содержание этого вида наказания, порядок его назначения, высказываются рекомендации по его применению на практике, а также с учетом истории развития этого вида наказания и законодательства зарубежных стран обосновываются предложения по совершенствованию УК РФ.

Предназначена для преподавателей, курсантов и слушателей образовательных организаций системы МВД России, сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации.

УДК 343.352 DOI: I:10.24420/KUI.2018.31.11108

Е.С. Крылова

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ КОРРУПЦИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ: АНАЛИЗ ПОСЛЕДНИХ ИЗМЕНЕНИЙ В УК РФ

CRIMINAL LIABILITY FOR CRIMES OF CORRUPTION: A SURVEY OF RECENT CHANGES IN THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Введение: статья посвящена правовому анализу изменений и дополнений, внесенных в Уголовный кодекс РФ Федеральным законом РФ от 03.07.2016 № 324-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации», предусматривающих усиление уголовной ответственности за преступления коррупционной направленности.

Материалы и методы: методологической основой послужили общенаучные методы познания, а также частнонаучные: диалектический, формально-логический, сравнительно-правовой, системно-структурный и другие методы анализа изучаемых явлений.

Результаты исследования: в статье рассмотрены изменения и дополнения норм уголовного закона, предусматривающих уголовную ответственность за совершение преступлений коррупционной направленности, исследованы мнения ученых, касающиеся рассматриваемых новелл, представлена авторская позиция по проблемным вопросам.

Обсуждение и заключения: внесены и обоснованы предложения по дополнению санкций рассматриваемых статей основным, альтернативным и дополнительным наказанием в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью.

Ключевые слова: преступления коррупционной направленности, коммерческий подкуп, получение взятки, мелкий коммерческий подкуп, мелкое взяточничество, наказание в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью.

Для цитирования: Крылова Е.С. Уголовная ответственность за преступления коррупционной направленности: анализ последних изменений в УК РФ // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2018. Т.9, №1, С. 48-54. DOI: I:10.24420/KUI.2018.31.11108

Introduction: the article is focused on legal analysis of the amendments enshrined in the Criminal Code of the Russian Federation by the Federal Law dated 03.07.2016 № 324-FL "On amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedural Code of the Russian Federation" providing penalty enhancement for crimes of corruption.

Materials and Methods: the methodology of the study is general scientific methods of cognition, as well as specially scientific: dialectical, formal logical, comparative-legal, systemic-structural and other methods of analysis of the studied phenomena.

Results: the article describes the changes and additions to the norms of the Criminal Law providing for criminal liability for committing corruption-related crimes, investigated the opinions of scholars concerning these stories expressed position on existing issues.

Discussion and Conclusions: proposals for the addition of sanctions of the Articles under consideration with the main alternative and an additional penalty of deprivation of the right to occupy certain positions or engage in certain activities introduced and justified.

Key words: corruption, commercial bribery, receiving a bribe, commercial bribery, petty, petty corruption is punished with deprivation of the right to occupy certain positions or engage in certain activities.

For citation: Krylova E.S. Criminal liability for crimes of corruption: a survey of recent changes in the criminal code of the Russian Federation // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2018. V. 9, № 1. P. 48-54. DOI: I:10.24420/KUI.2018.31.11108

Введение

Практика применения предыдущих редакций[1] составов коррупционных преступлений выявила некоторые несовершенства в описании их объективных признаков; отсутствие единообразия в формулировании схожих составов преступлений; сложности в применении санкций, содержащих в качестве основных наказаний штраф, устанавливаемый в кратном размере к предмету взятки и коммерческого подкупа, и лишение свободы с обязательным дополнительным наказанием в виде кратного штрафа и др. В немалой мере этому способствовали распространенность фактов получения и дачи взятки на сумму до десяти тысяч рублей и закрепившаяся в уголовном законодательстве тенденция к выделению в Уголовном кодексе РФ (далее – УК РФ) специальных норм.

Криминализация данных деяний также была обусловлена необходимостью выполнения международно-правовых обязательств, взятых на себя Российской Федерацией: согласно статье 1 Конвенции Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) против коррупции каждое государство-участник принимает необходимые меры для признания уголовно наказуемыми деяниями умышленное предложение, обещание или предоставление любых неправомерных преимуществ иностранному должностному лицу в пользу такого должностного лица или третьего лица.

Как следствие, был принят Федеральный закон от 03.07.2016 № 324-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»[2], ориентированный на устранение указанных недочетов. Данным законом были внесены изменения в семь статей Уголовного кодекса РФ: 104.1(Конфискация имущества); 184 (Оказание противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования или зрелищного коммерческого конкурса); 204 (Коммерческий подкуп); 290 (Получение взятки); 291 (Дача взятки); 291.1 (Посредничество во взяточничестве);304 (Провокация взятки либо коммерческого подкупа) и введены три новые статьи: 204.1 (Посредничество в коммерческом подкупе); 204.2 (Мелкий коммерческий подкуп); 291.2 (Мелкое взяточничество).

Свои мнения по этому поводу уже выразили многие ученые. Автором статьи проведен анализ новелл и изменений с учетом замечаний, высказанных в публикациях, а также предложений о дополнении санкций статей ч.1-2 ст. 290, ч. 2 ст. 291.1, ч. 1-2 ст. 291.2 УК РФ основным альтернативным наказанием в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью.

Обзор литературы

Нововведения, предусматривающие ужесточение уголовной ответственности за преступления коррупционной направленности, активно обсуждаются в научной литературе и в целом нашли положительную оценку. Справедливости ради следует заметить и наличие критических замечаний [1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11]. Основная часть авторов солидарны с тем, что противодействие коррупции должно основываться на комплексе мер, препятствующих ее существованию, а к их составляющей относят выстроенную систему нормативных правовых актов, предусматривающих разнообразные виды юридической ответственности.

Так, Д.Ю. Кайгородов пишет, что провозглашение коррупции одной из основных угроз государственной и общественной безопасности предполагает принятие комплекса мер по противодействию данному негативному явлению, одним из элементов которого является совершенствование уголовного законодательства [7, с.21]. По мнению Авдеева В.А., новые тенденции в уголовно-правовой политике РФ по противодействию коррупции должны включать законодательную новеллизацию административных, уголовных, гражданских и иных отраслевых норм [5, с.4]. Залогом эффективности государственной антикоррупционной политики, отмечает Е.В. Черепанова, является комплексный подход к решению данной задачи, включающий и совершенствование законодательства [4, с.104]. Таким образом, совершенствование норм уголовного закона является составной частью государственной антикоррупционной политики.

Результаты исследования

Обратимся к изменениям, внесенным в УК РФ Федеральным законом № 324-ФЗ. Общественно опасные деяния, предусмотренные статьями 290, 204, 184 УК РФ, были дополнены новым способом получения взятки, коммерческого подкупа либо оказания противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования или

[1] О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия коррупции: Федеральный закон РФ от 04.05.2011 № 97-ФЗ // СЗ РФ. 2011. № 19. Ст. 2714; О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия коррупции: Федеральный закон РФ от 21.11.2011 № 329-ФЗ // СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6730; О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 08.03.2015 № 40-ФЗ // СЗ РФ. 2015. № 10. Ст. 1410.

[2] О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 03.07.2016 № 324-ФЗ // СЗ РФ. 2016. № 27 (часть II). Ст. 4257.

зрелищного коммерческого конкурса. Преступлениями признаются случаи, когда деньги, ценные бумаги, иное имущество передаются, или услуги имущественного характера оказывается, или иные имущественные права предоставляются не самому должностному лицу (лицу, выполняющему управленческие функции в коммерческой или иной организации, спортсмену, спортивному судье, тренеру и т.д.), а по его указанию другому физическому или юридическому лицу.

Следует согласиться с В.Н. Борковым, что новый способ получения взятки, включенный в диспозицию ч. 1 ст. 290 УК РФ и состоящий в указании должностного лица о передаче предмета взятки иному физическому или юридическому лицу, имеет особенности, связанные с моментом его окончания. Напоминая, что высшая судебная инстанция в своих разъяснениях не связывает момент окончания получения взятки с возникающей у должностного лица возможностью распорядиться ею по своему усмотрению, а сам рассматриваемый способ предполагает не просто получение взятки, но и одновременно распоряжение ею, он приходит к выводу, что получение взятки рассматриваемым способом будет окончено с момента адресованной взяткодателю или посреднику просьбы или требования передать другим лицам хотя бы часть взятки [8, с.83].

Анализируя данное предложение, важно определить, не переносит ли автор момент окончания преступления на стадию приготовления, ведь при озвучивании указания речь идет о создании условий для получения взятки иным физическим или юридическим лицом. Получение же в традиционном понимании имеет место при принятии предмета взятки должностным лицом. Но так как в диспозиции статьи содержится прямое указание на то, что взятка по просьбе должностного лица передается иному физическому или юридическому лицу, то к моменту окончания преступления следует относить момент получения предмета взятки лицом, которому она была адресована. В рассматриваемой ситуации должностное лицо перекладывает свои действия по получению взятки на другое лицо, осознает это и желает, чтобы оно выступало получателем предмета взятки. То есть происходит замена взяткополучателя с должностного лица на иное физическое или юридическое лицо. Исходя из ситуации, можно предположить, что лицо, получающее передаваемые средства, может не осознавать, что они являются предметом взятки (использоваться вслепую), в то время как должностное лицо, действуя из корыстных побуждений, обогащается или решает свои вопросы за счет другого лица взяткодателя, например, при передаче предмета взятки супруге взяткополучателя (физическому лицу) или оплаты ремонтных работ (юридическим лицам). Как видим, указанный способ получения взятки и момент его окончания нуждаются в разъяснениях Пленума Верховного Суда.

В ч. 1 ст. 184 УК РФ понятие «подкуп» заменено на понятие «незаконная передача», добавлен перечень предметов преступления. Диспозиция статьи приведена к терминологическому единообразию с ч. 1 ст. 204 УК РФ.

Глава 23 дополнена ст. 204.1 УК РФ, сформулированной по аналогии со ст. 291.1 УК РФ и устанавливающей ответственность за посредничество в коммерческом подкупе, а также за обещание или предложение посредничества в коммерческом подкупе.

Ответственность за коммерческий подкуп и посредничество в нем (ст. 204, 204.1 УК РФ) дифференцированы в зависимости от размера предмета подкупа. В примечании 1 к ст. 204 УК РФ для целей данных статей определяются значительный, крупный и особо крупный размеры коммерческого подкупа, равные размерам взятки, установленным в примечании 1 к ст. 290 УК РФ.

В свете отмеченных изменений виды наказаний, предусмотренные в санкциях ст. 204 УК РФ, были приведены в соответствие с видами наказаний, закрепленными в санкциях ст. 290, 291 УК РФ. В свою очередь их размеры дифференцированы с учетом большей общественной опасности получения и дачи взятки.

Установлена уголовная ответственность за коммерческий подкуп, дачу или получение взятки, размер которых не превышает десяти тысяч рублей. За их совершение также установлено более мягкое наказание, чем предусмотрено санкциями частей 1 статей 204, 290, 291 УК РФ. Повышенная ответственность установлена за мелкий коммерческий подкуп и мелкое взяточничество, совершенные лицом, имеющим судимость за преступления, предусмотренные статьями 204 - 204.2 либо 290 - 291.2 УК РФ.

Указанные изменения способствовали реализации принципов справедливости и дифференциации уголовной ответственности по предмету преступления, с учетом небольшой общественной опасности преступлений, предусмотренных статьями 204.2 и 291.2 УК РФ.

Между тем нельзя обойти вниманием обобщенную законодательную формулировку этих статей. В теории уголовного права, наряду с положительной, звучит и критическая оценка указанных нововведений. Как отмечал Б.В. Волженкин, проигнорировано то, что опасность коррупции определяется не только размерами незаконного вознаграждения [11,

с.201]; подвергается сомнению необходимость введения ст. 291.2 УК РФ «с определенным размером предмета преступления» при наличии уже имеющихся базовых составов преступлений [9, с.114]; отмечается, что, несмотря на заявления о необходимости усиления борьбы с коррупцией во всех ее проявлениях, уголовная ответственность целых категорий коррупционеров существенно смягчена [10, с.54].

Рекомендации по квалификации рассматриваемых деяний были даны Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда РФ. В них говорится, что получение или дача взятки в размере до десяти тысяч рублей должны квалифицироваться по ст. 291.2 УК РФ независимо от наличия отягчающих обстоятельств, указанных в статьях 290 и 291 УК РФ, предусматривающих ответственность за квалифицированные виды соответствующих посягательств[1].

Таким образом, мелкая взятка, полученная как за законные, так и за незаконные действия, а также единолично либо группой лиц или с вымогательством, будет квалифицироваться по ч. 1 ст. 291.2 УК РФ при отсутствии признаков, предусмотренных ч. 2 этой статьи. Эти правила распространяются и на деяние, предусмотренное ст. 204.2 УК РФ.

Между тем нужно признать, что степень общественной опасности данных деяний различна, имеющаяся формулировка противоречит последовательности изложения статей 290 и 291 УК РФ, в которых эти действия вынесены в различные части статьи.

Открытым является вопрос о квалификации вымогательства при мелком взяточничестве либо коммерческом подкупе. Так как данные общественно опасные деяния относятся к категории преступлений небольшой тяжести, то при наличии вымогательства со стороны должностного лица (приготовления к получению взятки/коммерческого подкупа) с учетом положений ч. 2 ст. 30 УК РФ уголовная ответственность за данные преступления не наступает. И, как отмечает, В.Н. Борков, влечет за собой декриминализацию приготовления к таким посягательствам [8, с.83].

Произошла коррекция круга лиц, в отношении которых возможна провокация коммерческого подкупа или взятки (ст. 304 УК РФ), как это закреплено ст. 290 УК РФ.

В предыдущей редакции УК РФ единственной альтернативой уголовному наказанию в виде лишения свободы за совершение коррупционных преступлений, не относящихся к категории преступлений небольшой тяжести (ч. 2-6 ст. 204, ч. 2-6 ст. 290, ч. 3-5 ст. 291, ст. 291.1 УК РФ), являлся штраф, исчисляемый исходя из величины, кратной сумме коммерческого подкупа или взятки. Сложившаяся ситуация приводила к назначению судами несоизмеримо крупных размеров штрафа, кратных размеру предмета взятки или коммерческого подкупа лицам, не имеющим реальной возможности его уплаты, препятствовала реализации принципа неотвратимости наказания и приводила к замене штрафа лишением свободы.

Отсутствие возможности выбора видов наказания по данным составам преступлений влияло на снижение его эффективности при назначении с учетом конкретных обстоятельств совершения преступления, данных о личности осужденного, в том числе о его материальном положении и возможности исполнения кратного штрафа.

В целях избежания разрешения данных вопросов в санкции рассматриваемых статей включены основные альтернативные виды наказания в виде штрафа в абсолютных величинах. К основному наказанию в виде лишения свободы предусмотрено дополнительное в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, дифференцированное по срокам в зависимости от санкции статьи (на срок до 3, 5, 7, 10 и 15 лет). С учетом внесенных изменений в том же порядке этот вид наказания может назначаться со штрафом, принудительными и исправительными работами. В предыдущей редакции данный вид наказания мог назначаться только к основному наказанию в виде штрафа и на срок до 3 лет.

По нашему мнению, при формулировании санкций статей 290, 291.2 УК РФ необходимо было рассмотреть возможность включения в них основного наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. Анализ статей показывает, что они содержат основные наказания в виде штрафа, исправительных работ, принудительных работ, лишения свободы (ч. 1 ст. 290), штрафа и лишения свободы (ч. 2-6 ст. 290); штрафа, ограничения свободы, лишения свободы (ч. 1 ст. 291.2), штрафа, исправительных работ, лишения свободы (ч. 2 ст. 291.2). Данное положение оправдано в отношении статей 291, 291.1 УК РФ, где субъект преступления общий, а именно: лицо, физическое вменяемое, достигшее шестнадцатилетнего возраста. Однако

[1] Ответы на вопросы, поступившие из судов, по применению Федеральных законов от 3 июля 2016 года № 323-ФЗ - 326-ФЗ, направленных на совершенствование уголовной ответственности за коррупционные преступления и преступления экономической направленности, а также оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности: утв. Президиумом ВС РФ 28.09.2016 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 26.10.2017).

применительно к составам преступлений, предусматривающим в качестве субъекта преступления должностное лицо, игнорирование специального вида наказания, предназначенного для назначения в отношении лица, занимающего должность в органах государственной власти либо в органах местного самоуправления и совершившего преступление в связи с занятием этой должности, остается необъяснимым.

Следует также обратиться к порядку назначения наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью (ч. 3 ст. 47). В качестве дополнительного данное наказание может назначаться и в случаях, когда оно не предусмотрено соответствующей статьей Особенной части УК РФ в качестве наказания за соответствующее преступление. В качестве основного может назначаться только в случае закрепления его в санкции статьи Особенной части УК РФ. В связи с чем, этот вид наказания следовало указать в санкциях статей 290, ч. 2 ст. 291.1, ст. 291.2 УК РФ [12, с.67].

Следуя порядку расположения видов наказаний в ст. 44 УК РФ от более мягкого к более строгому, необходимо заметить, что штраф, расположенный на первом месте в системе наказаний, является более мягким наказанием, чем лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. Важно напомнить также, что традиционно к более строгому основному виду наказания присоединяется более мягкий – дополнительный вид наказания, поэтому целесообразным следует признать присоединение к основному наказанию в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью дополнительного наказания в виде штрафа, а не наоборот.

Подверглись изменениям сроки наказания в виде лишения свободы. Они были увеличены на один год в ч. 3 ст. 290 УК РФ, на два в ч. 2, 4 ст. 291 УК РФ, на один год увеличен нижний предел наказания (с 7 до 8) и на три года верхний (с 12 до 15) в ч. 5 ст. 290 УК РФ. Снижены на один год в ч. 1 ст. 291.1 УК РФ, на два года снижены нижний (с 7 до 5) и верхний пределы (с 12 до 10) в ч. 3 ст. 291.1 УК РФ.

В научной литературе все чаще выдвигаются предложения о включении норм по противодействию совершению коррупционных преступлений в Общую часть Уголовного кодекса РФ. Речь идет о распространении запрета о назначении более мягкого наказания, чем предусмотрено санкцией соответствующей нормы уголовного закона, также и на преступления коррупционной направленности, отнесенные к категориям тяжких и особо тяжких [7, с.21-25]; о пополнении перечня лиц, которым не назначается условное осуждение (ч. 1 ст. 73 УК РФ), лицами, осужденными за преступления, предусмотренные статьями 290 - 291.1 УК РФ, если эти лица ранее были осуждены за данные преступления [6, с.45]. В свете реализации тенденции на усиление уголовной ответственности за преступления коррупционной направленности указанные предложения представляются своевременными.

В продолжение данных изменений в Государственную Думу был внесен проект Федерального закона № 3633-7, которым предусматривается дополнение УК РФ статьями 204.3 «Обещание, предложение или просьба участия в коммерческом подкупе» и 291.3 «Обещание, предложение или просьба принять либо передать взятку»[1].

До принятия данного Проекта необходимо руководствоваться разъяснениями постановления Пленума Верховного Суда России от 9 июля 2013 г. № 24, в п. 14 которого говорится, что обещание или предложение передать либо принять незаконное вознаграждение за совершение действий (бездействие) по службе следует рассматривать как умышленное создание условий для совершения соответствующих коррупционных преступлений в случае, когда высказанное лицом намерение передать или получить взятку либо коммерческий подкуп были направлены на доведение его до сведения других лиц в целях дачи им либо получения от них ценностей, а также в случае достижения договоренности между указанными лицами[2]. Так как Российская уголовно-правовая доктрина исходит из того, что обещание/предложение взятки, по сути, являются созданием условий для совершения преступления и в уголовно-правовом плане могут рассматриваться как приготовление к даче и (или) получению взятки [3, с.92].

Обсуждение и заключения

Проведенный анализ рассмотренных изменений и дополнений, внесенных в УК РФ Федеральным законом от 03.07.2016 № 324-ФЗ, показал, что они явились отражением уголовной политики государства и были ориентированы на усиление и дифференциацию уголовной ответственности за преступления коррупционной направленности, приведение в соответствие понятийного аппарата

[1] О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в целях усиления ответственности за коррупцию: проект Федерального закона № 3633-7 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 26.10.2017).
[2] О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24. (ред. от 03.12.2013) // БВС РФ. 2013. № 9.

диспозиций ряда статей УК РФ, коррекцию видов наказаний, предусмотренных санкциями этих статей, и повышение их пределов.

Вместе с тем законодательные формулировки и практика применения указанных новелл позволили выявить ряд вопросов, касающихся законодательного закрепления и квалификации рассматриваемых составов преступлений. В частности, было отмечено отсутствие ряда квалифицирующих признаков в статьях 291.2 и 204.2 УК РФ, что позволяет дифференцировать назначаемое наказание только в рамках санкций указанных статей и ведет к ненаказуемости вымогательства при совершении мелкого коммерческого подкупа и взятки; неиспользовании потенциала наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, назначаемого в качестве основного, необходимости разъяснений нового способа получения взятки и коммерческого подкупа в материалах постановления Пленума Верховного Суда.

На наш взгляд, дополнение санкций ч.1-2 ст. 290, ч. 2 ст. 291.1, ч. 1-2 ст. 291.2 УК РФ основным альтернативным видом наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, назначаемого на срок до пяти лет, и санкций ч.1-2 ст. 291.2 УК РФ дополнительным факультативным видом наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет, назначаемым к основным наказаниям в виде ограничения и лишения свободы, будет способствовать реализации принципа справедливости, повысит его востребованность как вида наказания, не связанного с изоляцией от общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Семыкина О.И. Историческая обусловленность института предложения и обещания взятки // Журнал российского права. 2016. № 4. С. 93-100.
2. Сидоренко Э.Л., Семыкина О.И. Институт обещания и предложения взятки: зарубежный опыт и перспективы развития в России // Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института. 2016. № 3. С. 246-247.
3. Михайлов В.И. Коммерческий подкуп и взяточничество: направления развития законодательства // Lex russica. 2017. № 6. С. 92.
4. Черепанова Е.В. Противодействие коррупции в государственном управлении // Журнал российского права. 2017. № 4. С. 104.
5. Авдеев В.А., Авдеева О.А. Новые тенденции уголовно-правовой политики РФ в сфере противодействия преступлениям коррупционной направленности // Российская юстиция. 2017. № 5. С. 4.
6. Анощенкова С.В., Геворкян С.С. Взяточничество мелкое – вопросы крупные // Законность. 2017. № 3. С. 43-45.
7. Кайгородов Д.Ю. О запрете назначения более мягкого наказания, чем предусмотрено законом за преступления коррупционной направленности // Российский следователь. 2017. № 11. С. 21-25.
8. Борков В.Н. Новый способ получения взятки и реабилитации «мелких» взяточников // Современное право. 2017. № 1. С. 83.
9. Лепихин М.О. Посредничество во взяточничестве в свете дополнений, внесенных в Уголовный кодекс РФ // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 4. С. 110-116.
10. Егорова Н.А., Егоров А.Г., Гордейчик С.А. Антикоррупционные новеллы уголовного законодательства // Законность. 2017. № 1. С. 51 - 56.
11. Волженкин Б.В. Служебные преступления. М.: Юристъ, 2000. С. 201.
12. Крылова Е.С. Правовая характеристика наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью по УК РФ: учебное пособие. Казань: КЮИ МВД России, 2016. С. 67.

REFERENCES

1. Semykina O.I. Istoricheskaya obuslovlennost’ instituta predlozheniya i obeshchaniya vzyatki // ZHurnal rossijskogo prava. 2016. № 4. S. 93-100.
2. Sidorenko EH.L., Semykina O.I. Institut obeshchaniya i predlozheniya vzyatki: zarubezhnyj opyt i perspektivy razvitiya v Rossii // Vestnik Severo-Kavkazskogo gumanitarnogo instituta. 2016. № 3. S. 246-247.
3. Mihajlov V.I. Kommercheskij podkup i vzyatochnichestvo: napravleniya razvitiya zakonodatel’stva // Lex russica. 2017. № 6. S. 92.
4. CHerepanova E.V. Protivodejstvie korrupcii v gosudarstvennom upravlenii // ZHurnal rossijskogo prava. 2017. № 4. S. 104.

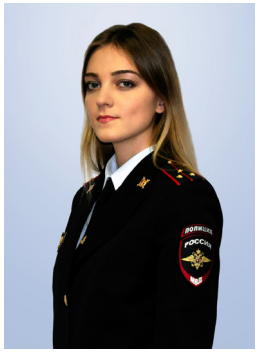
5. Avdeev V.A., Avdeeva O.A. Novye tendencii ugolovno-pravovoj politiki RF v sfere protivodejstviya prestupleniyam korrupcionnoj napravlennosti // Rossijskaya yusticiya. 2017. № 5. S. 4.
6. Anoshchenkova S.V., Gevorkyan S.S. Vzyatochnichestvo melkoe – voprosy krupnye // Zakonnost'. 2017. № 3. S. 43-45.
7. Kajgorodov D.YU. O zaprete naznacheniya bolee myagkogo nakazaniya, chem predusmotreno zakonom za prestupleniya korrupcionnoj napravlennosti // Rossijskij sledovatel'. 2017. № 11. S. 21-25.
8. Borkov V.N. Novyj sposob polucheniya vzyatki i reabilitacii «melkih» vzyatochnikov // Sovremennoe pravo. 2017. № 1. S. 83.
9. Lepihin M.O. Posrednichestvo vo vzyatochnichestve v svete dopolnenij, vnesennyh v Ugolovnyj kodeks RF // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2017. № 4. S. 110-116.
10.Egorova N.A., Egorov A.G., Gordejchik S.A. Antikorrupcionnye novelly ugolovnogo zakonodatel'stva // Zakonnost'. 2017. № 1. S. 51 - 56.
11.Volzhenkin B.V. Sluzhebnye prestupleniya. M.: YUrist», 2000. S. 201.
12. Krylova E.S. Pravovaya harakteristika nakazaniya v vide lisheniya prava zanimat' opredelennye dolzhnosti ili zanimat'sya opredelennoj deyatel'nost'yu po UK RF: uchebnoe posobie. Kazan': KYUI MVD Rossii, 2016. S. 67.

Об авторе: Крылова Елена Сергеевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права Казанского юридического института МВД России.
e-mail: Elena.S-doc@yandex.ru
© Крылова Е.С., 2018
Статья получена: 12.12.2018 Статья принята к публикации: 15.03.2018
Статья опубликована онлайн: 20.03.2018

About the author: Krylova Elena S., Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Criminal Law Department of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
e-mail: Elena.S-doc@yandex.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The author has read and approved the final manuscript.

УДК 343.7 DOI:10.24420/KUI.2018.31.11109



М.-В.Е. Толстая

СУБЪЕКТИВНАЯ СТОРОНА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 165 УК РФ

SUBJECTIVE SIDE OF A CRIME UNDER ART. 165 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Введение: в статье исследуются вопросы установления субъективной стороны преступления, предусмотренного ст.165 Уголовного Кодекса РФ.

Материалы и методы: в работе использовались логический, системно-структурный и статистический методы, а также анализ. Материалами исследования послужили статьи Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ), научная литература и примеры из судебной практики.

Результаты исследования: в статье проведен анализ субъективной стороны преступления, предусмотренного ст. 165 УК РФ, устанавливающей ответственность за причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием при отсутствии признаков хищения. Рассмотрены различные мнения ученых по вопросу определения вида умысла при совершении указанного преступления. Изучены мотивы и цели совершения данного преступления.

Обсуждение и заключения: автор приходит к выводу, что причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием возможно совершить только с прямым умыслом; кроме того, обосновывает включение корыстной цели в число обязательных признаков субъективной стороны преступления.

Ключевые слова: причинение имущественного ущерба, субъективная сторона преступления, вина, цель, мотив

Для цитирования: Толстая М.-В.Е. Субъективная сторона преступления, предусмотренного ст. 165 Уголовного Кодекса Российской Федерации // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2018. Т. 9, №1. С. 55-61. DOI: 10.24420/KUI.2018.31.11109

Introduction: this article examines the issues of establishing the subjective side of crime stipulated by Article 165 of the Criminal Code.

Materials and Methods: logic, system, structure methods and methods of statistics and analysis were applied. The study materials were the articles of the Criminal Code of the Russian Federation, now the literature and jurisprudence.

Results: the article analyzes the subjective side of the crime provided by Article 165 of the Criminal Code, which establishes responsibility for property damage fraudulently or abuse of trust in the absence of signs of theft. The various opinions of law scientists under the definition of intent in the Commission of the specified crime were explored. Motives and purpose for committing this crime.

Discussion and Conclusions: the author comes to the infliction of property damage by deception or the abuse of trust can only be done with direct intent, in addition, justifies the inclusion of a mercenary goal in the number of mandatory signs of the subjective side of the crime.

Key words: sermon property damage, subjective aspect of crime, guilt, purpose, motive

For citation: Tolstaya M.-V.E. Subjective side of a crime under Art. 165 of the Criminal Code of the Russian Federation // Bulletin of the Kazan law Institute of MIA of Russia. 2018. V. 9, №1. P. 55-61. DOI: 10.24420/KUI.2018.31.11109

Введение

В соответствии с действующим уголовным законодательством Российской Федерации (ст. 8 УК РФ) ответственность возможна лишь за деяния, содержащие все признаки состава преступления.

Субъективная сторона – непременный элемент состава любого преступления, что обусловлено принципом субъективного вменения, сформулированного в ст. 5 УК РФ. Субъективная сторона преступления – это психическая деятельность

лица, непосредственно связанная с совершением преступления. В отличие от наблюдаемой внешне объективной стороны преступления, субъективная сторона составляет внутреннее, психологическое содержание общественно опасного деяния [1;2]. В теории уголовного права принято считать, что содержание субъективной стороны преступления раскрывается с помощью таких юридических признаков, как вина, мотив и цель, которые характеризуют различные формы психической активности человека и органически связаны между собой [3].

Субъективная сторона преступления, предусмотренного в ст.165 УК РФ, включает в себя такие обязательные признаки, как вина и цель.

Обзор литературы

Изучению вопросов субъективной стороны преступления в различное время посвящали свои труды такие ученые, как А.Н. Трайнин, П.С. Дагель, Д.П. Котов, Н.Ф. Кузнецова, А.И. Рарог, проблемами субъективного вменения занимался В.Я. Якушин.

При исследовании вопросов квалификации причинения имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием при отсутствии признаков хищения вопросы установления субъективной стороны преступления изучались Л.Д. Гаухманом, С.М. Кочои, С.В. Максимовым, Н.А. Лопашенко, И.В. Ботвиным, В.Б. Ворониным, Н.В. Сычевой, Е.Е. Черных и другими.

Материалы и методы

Методологическую основу проведенного исследования составили совокупность философских, общенаучных и частнонаучных методов познания, среди которых необходимо выделить анализ, логический, системно-структурный, статистический методы. Материалами исследования послужили статьи УК РФ, научная литература и примеры судебной практики.

Результаты исследования

Вина является обязательным признаком любого преступления. В теории уголовного права содержание вины определяется психическими процессами, которые раскрывают, показывают внутренний мир человека, содержание его интеллектуальных, волевых и эмоциональных психических процессов, с помощью которых отличаются друг от друга внешне схожие, но социально различные действия и их последствия [4;5;6]. Содержание вины включает в себя сознание и волю. В связи с этим вина характеризуется интеллектуальным и волевым моментами, которые в различном сочетании образуют формы вины – умысел (прямой и косвенный) и неосторожность (легкомыслие и небрежность) (ст. 25, 26 УК РФ).

В науке уголовного права вопрос о виде умысла при причинении имущественного ущерба вызывает споры. Так, С.М. Кочои утверждает, что виновное лицо, причиняя имущественный ущерб, преследует цели извлечения материальной выгоды, незаконного обогащения или уклонения от материальных затрат, поэтому оно совершает преступление с прямым умыслом [7]. Этой же точки зрения придерживается И.В. Ботвин, который отмечает, что причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием возможно только с прямым умыслом, так как виновный преследует корыстную цель и стремится к обогащению [8]. В.Б. Воронин и Н.В. Сычева также указывают, что субъективная сторона преступления, предусмотренного ст.165 УК РФ, характеризуется виной в виде прямого умысла [9,10].

Противоположного мнения придерживается З.Л. Шхагапсоев: он приводит случаи, при которых деяние, предусмотренное ст.165 УК РФ, совершается с косвенным умыслом. Так, по его мнению, это возможно, когда при заключении договора о выполнении работ, оказании услуг или продаже имущества лицо обманывает контрагента-потерпевшего при совершении сделки, уверяя в серьезности своих намерений все сделать в соответствии с условиями договора, однако сам не всегда уверен в своих возможностях исполнить свои обязательства [11]. Е.Е. Черных указывает на наличие косвенного умысла при причинении имущественного ущерба, когда при злоупотреблении доверием, базирующемся на сложившихся между потерпевшим и виновным особых отношениях, субъект не желает причинения имущественного вреда лицу, расположением которого он пользуется, но вполне допускает его наступление. По ее мнению, воля виновного в данном случае направлена не на причинение ущерба, а на решение своих проблем, чаще всего финансового или личного характера [12].

Н.А. Лопашенко в ранних работах утверждает, что рассматриваемое преступление можно совершить как с прямым, так и косвенным умыслом [13]. Однако потом приходит к выводу, что причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием характеризуется только прямым умыслом [14].

По нашему мнению, совершение преступления, предусмотренного ст.165 УК РФ, возможно только с прямым умыслом. Так, интеллектуальный элемент прямого умысла состоит в том, что лицо осознает общественную опасность своего поведения и предвидит возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий. Так, при совершении преступления, предусмо-

тренного ст.165 УК РФ, виновный осознает, что, сообщая ложные сведения либо умалчивая об определенных обстоятельствах, а также злоупотребляя оказанным доверием со стороны собственника или иного владельца, которые предоставили ему свое имущество или оказали услугу имущественного характера, он неправомерно использует это имущество либо уклоняется от уплаты. Кроме того, виновный осознает, что своими действиями или бездействием нарушает определенные обязанности: по использованию имущества собственника или иного владельца по назначению, оплате обязательных платежей или налогов, оказанных услуг.

Волевой элемент прямого умысла при совершении преступления, предусмотренного ст.165 УК РФ, состоит в желании своими действиями причинить имущественный ущерб на сумму, превышающую двести пятьдесят тысяч рублей (ч.1 ст. 165) либо превышающую один миллион рублей (ч.2 ст.165). Поэтому, если у лица были основания полагать, что вреда собственнику или иному владельцу оно не причинит, такие действия нельзя квалифицировать по ст.165 УК РФ.

Вряд ли можно согласиться с вышеизложенным мнением Е.Е. Черных в понимании сущности волевого элемента при определении вида умысла. Думается, что если виновный не желает причинения имущественного ущерба потерпевшему в силу сложившихся доверительных отношений между ними, но хочет решить свои финансовые проблемы за счет пользования имуществом потерпевшего, значит, все равно предвидит причинение имущественного ущерба потерпевшему и желает наступления общественно опасных последствий. Соответственно, в данном случае не может идти речи о косвенном умысле.

По нашему мнению, приведенный З.Л. Шхагапсоевым пример косвенного умысла при причинении имущественного ущерба, когда виновное лицо не уверено в своих возможностях в полном объеме исполнить взятые на себя обязательства, следует отнести к прямому неконкретизированному умыслу, когда виновный в общих чертах предвидит наступление общественно опасных последствий в виде причинения имущественного ущерба, но не представляет, в какой конкретно сумме выразится ущерб.

Кроме того, согласно анализу судебной практики, во всех случаях суд указывал на наличие именно прямого умысла причинения имущественного ущерба.

Мотив и цель причинения имущественного ущерба находятся в тесной взаимосвязи и, тем не менее, являются самостоятельными признаками состава преступления, по-своему характеризующими волевой процесс преступного деяния. Как правило, мотив возникает раньше, чем цель. Цель как осознанное стремление к удовлетворению возникает из потребности, появляется на основе преступной мотивации.

Несмотря на то что причинение имущественного ущерба принято относить к корыстным преступлениям, в теории уголовного права нет единого мнения о том, является ли признак корыстного мотива или корыстной цели обязательным для данного состава преступления. Л.Д. Гаухман и С.В. Максимов полагают, что мнение о том, что причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием может быть совершено лишь с корыстной целью и прямым умыслом, не соответствует буквальному смыслу ст.165 УК РФ [15]. Е.Е. Черных утверждает, что корыстная цель не может быть признана обязательным признаком субъективной стороны состава преступления, предусмотренного ст.165 УК РФ, потому как мотивы его совершения связаны с реализацией не только корыстных намерений, но и иного личного интереса [12].

В то же в научной литературе существует мнение, что субъективная сторона преступления, предусмотренного ст.165 УК РФ, характеризуется не только прямым умыслом, но и корыстной целью [9,10, 16]. А.И. Бойцов обосновывает наличие корыстной цели осознанием виновного в том, что тот обманывает собственника или иного владельца имущества либо употребляет во зло оказанное ему доверие, а также предвидит возможность наступления потерпевшему имущественного ущерба и желает этого, преследуя цель незаконного извлечения имущественной выгоды [17]. И.В. Ботвин придерживается такой же точки зрения, указывая, что причинение имущественного ущерба совершается с корыстной целью, так как субъект преследует цель получения имущества или выгоды имущественного характера. Н.В. Перч полагает, что обязательным признаком данного преступления должна быть корыстная цель, потому как, причиняя имущественный ущерб путем обмана или злоупотребления доверием, субъект всегда стремится извлечь выгоду, что свидетельствует о совершении преступления из корыстных побуждений [18].

Думается, что причинение имущественного ущерба собственнику или иному владельцу имущества путем обмана или злоупотребления доверием совершается с корыстной целью, так как субъект стремится получить имущественную выгоду в свою пользу либо в пользу других лиц, связанную как с увеличением имущества, так его неуменьшением в случаях невыполнения возмездных обязательств.

Обман и злоупотребление доверием как обязательные способы совершения рассматриваемого

преступления предполагают определенные умышленные целенаправленные действия по извлечению выгоды в ущерб имущественным интересам собственника или иного владельца имущества. А имущественный ущерб выступает для виновного необходимым этапом извлечения выгод для себя либо других лиц. Из этого следует, что преступление носит корыстный характер, виновный всегда преследует корыстную цель извлечения имущественной выгоды.

Корыстный мотив не указан законодателем в диспозиции статьи. По мнению Н.А. Лопашенко, рассматриваемый признак не является обязательным признаком состава исследуемого преступления, несмотря на то, что чаще всего виновным руководит именно корыстный мотив [19]. Такого же мнения придерживается В. Щепельков, который считает, что не следует исключать и иных мотивов при совершении преступлений против собственности, и добавляет, что если есть корыстный мотив, то обязательно присутствует и корыстная цель, однако обратное неочевидно [20].

Безусловно, корыстный мотив не является обязательным признаком для преступления, предусмотренного ст.165 УК РФ. Нам импонирует мнение В. Щепелькова, который полагает, что если лицо преследует корыстную При причинении имущественного ущерба мотив может характеризоваться не только корыстным умыслом, но и стремлением извлечь выгоду неимущественного характера, обусловленном такими побуждениями, как карьеризм, желание приукрасить действительное положение и т.п.

Так, К., работая в должности заведующей поликлиникой муниципального учреждения здравоохранения «Центральная районная больница» и заместителя главного врача по амбулаторно-поликлинической работе, являясь должностным лицом, действуя из иной личной заинтересованности в целях улучшения показателей работы по выполнению плана по дополнительной диспансеризации работающего населения, отчета о выполнении в полном объеме своих должностных обязанностей и получения денежных средств из федерального бюджета для МУЗ «ЦРБ» за проведенную в полном объеме дополнительную диспансеризацию работающего населения, используя свое служебное положение, совершила служебный подлог путем внесения в официальные медицинские документы – амбулаторные карты пациентов и «Карту учета дополнительной диспансеризации работающего гражданина» – заведомо ложных сведений о проведенной в полном объеме дополнительной диспансеризации работающих граждан в рамках национального приоритетного проекта «Здоровье» , а также причинение имущественного ущерба бюджету РФ в лице территориального Фонда обязательного медицинского страхования Нижегородской области в сумме 38 960 рублей путем обмана при отсутствии признаков хищения[1].

Другой пример. С., являясь руководителем управляющей компании «А», умышленно не выполнял возложенных обязательств перед ООО «Б» по оплате услуг по холодному водоснабжению (ХВС), водоотведению ХВС, водоотведению горячего водоснабжения (ГВС) по договору на отпуск питьевой воды и прием сточных вод, злоупотребляя своим должностным положением и доверием ресурсоснабжающей организации, умышленно, из корыстных побуждений, в целях извлечения преимуществ для себя, то есть из личной заинтересованности, с целью скрыть свою некомпетентность, для осуществления деятельности в этой должности и, соответственно, получения заработной платы, а также в целях извлечения имущественной выгоды для других лиц – контрагентов, имея возможность дополнительно рассчитаться с ООО «Б» денежными средствами, поступившими от населения за услуги по холодному водоснабжению, водоотведению ХВС, водоотведению ГВС, которые не являлись прибылью управляющей компании и, следовательно, не могли расходоваться на иные цели, незаконно удержал их, не перечислив в ООО «Б» и использовал по своему усмотрению, что привело к возникновению задолженности за полученные услуги водоснабжения и водоотведения по договору на отпуск питьевой воды и прием сточных вод, тем самым причинив ООО «Б» имущественный ущерб в особо крупном размере[2].

Как следует из приведенных примеров судебной практики, виновные при совершении преступления, предусмотренного ст.165 УК РФ, руководствовались некорыстными побуждениями. В первом случае К. причинила имущественный ущерб в целях улучшения показателей своей работы, а С. с целью скрыть свою некомпетентность.

Как мы уже отметили ранее, при совершении преступления, предусмотренного ст. 165 УК РФ,

[1] Постановление Сосновского районного суда Нижегородской области от 08.10.2010 г. № 1-48/2010 // Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие». URL: https://bsr.sudrf.ru/bigs/showDocument.html#id=cd49e32f4e8254f8beb17 dce65fd9848&shard(дата обращения: 21.12.2017 г.).

[2] Постановление Нерехтского районного суда Костромской области от 07.06.2016 г. № 1-29/2016 // Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие». URL: https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html#https://bsr.sudrf.ru/bigs/id=7651d32fdddcdbcfbc415f59a6087ecc&shard(дата обращения: 21.12.2017 г.).

виновным чаще всего руководит корыстный мотив. В результате исследования уголовных дел можно выделить также такие мотивы, как улучшение показателей своей работы, сокрытие своей некомпетентности либо иная личная заинтересованность (см. табл. 1).

Таблица 1

Мотивы причинения имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием при отсутствии признаков хищения[1]

Число выявленных лиц (всего)	Из них руководствовались:			
	Корыстными побуждениями	Другими мотивами:		
		Улучшения показателей своей работы	Сокрытие своей некомпетентности	Иная личная заинтересованность
150	123	3	4	20

Согласно данным, отображенным в таблице, 82% лиц при совершении причинения имущественного ущерба руководствовались корыстными побуждениями, 13,33% испытывали иную личную заинтересованность, 2,66% хотели скрыть свою некомпетентность и 2% – улучшить показатели своей работы.

Структуру выявленных мотивов причинения имущественного ущерба можно изобразить следующим образом (см. рис. 1).

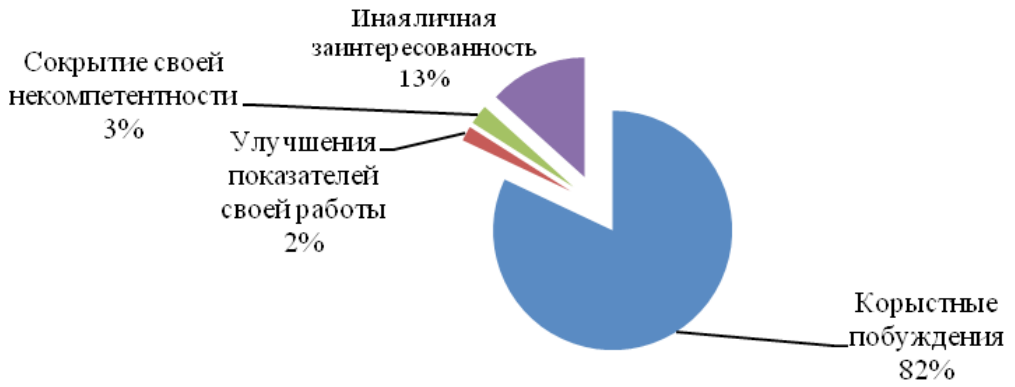


Рис. 1. Структура мотивов совершения причинения имущественного ущерба

Представляется, что в ст.165 УК РФ речь идет об имущественном преступлении, последствием которого является имущественный ущерб. Анализ судебной практики применения исследуемой статьи позволяет отметить, что, совершая обман или злоупотребление доверием, правонарушитель имеет целью извлечение имущественной выгоды. Корыстная цель, к достижению которой стремится виновный, достаточно точно характеризует субъективную сторону ст.165 УК РФ и является результатом, к которому виновный стремится. Последний чаще всего руководит корыстный мотив, при совершении преступления, предусмотренного ст.165УК РФ.

Обсуждение и заключения

Таким образом, обобщая вышеизложенное, можно сделать следующие выводы.

Субъективная сторона преступления, предусмотренного ст.165 УК РФ, включает в себя такие обязательные признаки, как вина в форме прямого умысла и корыстная цель.

Субъективная сторона данного преступления характеризуется виной в форме прямого умысла. Виновный сознает, что обманывает собственника или иного владельца имущества либо употребляет во зло им оказанное ему доверие, предвидит, что таким способом потерпевшему будет причинен имущественный ущерб, и желает этого.

[1] Изучено 150 приговоров уголовных дел, рассмотренных судами Ямало-Ненецкого автономного округа, Республик Башкортостан, Дагестан, Карелия, Коми, Марий Эл, Татарстан, Удмуртия, Чечня, Чувашия, Краснодарского, Красноярского, Пермского краев, Белгородской, Владимирской, Волгоградской, Вологодской, Кировской, Костромской, Ленинградской, Московской, Нижегородской, Новосибирской, Пензенской, Ростовской, Самарской, Ульяновской, Челябинской областей, города федерального значения – Москвы, которые получены по официальному запросу автора.

Интеллектуальный элемент прямого умысла при совершении преступления, предусмотренного ст.165 УК РФ, состоит в осознании виновным, что, сообщая ложные сведения либо умалчивая об определенных обстоятельствах, а также злоупотребляя оказанным доверием собственника или иного владельца, которые предоставили ему свое имущество или оказали услугу имущественного характера, он неправомерно использует это имущество либо уклоняется от уплаты, а также в осознании, что своими действиями или бездействием нарушает определенные обязанности по использованию имущества собственника или иного владельца по назначению, оплате обязательных платежей или налогов, оказанных услуг.

Волевой элемент прямого умысла при совершении преступления, предусмотренного ст.165 УК РФ, состоит в желании своими действиями причинить имущественный ущерб на сумму, превышающую двести пятьдесят тысяч рублей (ч.1 ст. 165) либо превышающую один миллион рублей (ч.2 ст.165). Поэтому, если у лица были основания полагать, что вреда собственнику или иному владельцу оно не причинит, такие действия нельзя квалифицировать по ст.165 УК РФ.

Корыстная цель является криминообразующим признаком состава преступления, предусмотренного ст. 165 УК РФ. Преступный результат, к которому стремится виновный, – получить имущественную выгоду в свою пользу либо в пользу других лиц, связанную как с увеличением имущества, так его неуменьшением в случаях невыполнения возмездных обязательств.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дагель П.С., Котов Д.П. Субъективная сторона преступления и ее установление. Воронеж, 1974. С. 23.
2. Трайнин А.Н. Избранные труды / составление, вступительная статья д.ю.н., профессора Н.Ф. Кузнецовой. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. С.37.
3. Рарог А.И. Настольная книга судьи по квалификации преступлений: практическое пособие. М., 2006. С. 44.
4. Якушин В.А. Субъективное вменение и его значение в уголовном праве. Тольятти, 1998. С. 170.
5. Якушин В.А. Проблемы субъективного вменения в уголовном праве: дис. … д-ра. юрид. наук. М.,1998. С.143.
6. Стрилец О.В. Принцип вины и проблемы его реализации в уголовном праве: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2007. 25 с.
7. Кочои С.М. Преступления против собственности: учебное пособие. М., 2015. С. 66.
8. Ботвин И.В. Уголовная ответственность за причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием: дис. ... канд. юрид. наук. Барнаул, 2016. С.110.
9. См.: Воронин В.Б. Уголовно-правовые меры борьбы с причинением имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. С.10.
10. Сычева Н.В. Причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием: уголовно-правовой и криминологический аспекты (по материалам Уральского федерального округа): дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2006. С. 45.
11. Шхагапсоев З.Л. Проблемы квалификации преступлений против собственности, совершаемых путем обмана или злоупотребления доверием // Общество и право. 2009. № 3(25). С. 100.
12. Черных Е.Е. Причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием: вопросы применения и совершенствования законодательства: дис. ... канд. юрид. наук. Н.Новгород, 2009. С. 112.
13. Лопашенко Н.А. Преступления в сфере экономики: авторский комментарий к уголовному закону (раздел VIII УК РФ). М., 2006. С. 85.
14. Лопашенко Н.А. Посягательства на собственность: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2012. С. 214.
15. Гаухман Л.Д., Максимов С.В. Ответственность за преступления против собственности. 3-е изд., испр. М., 2002. С.134.
16. Актуальные проблемы уголовного права: учебник для магистрантов / отв.ред. И.А. Подройкина. М., 2016. С.451.
17. Бойцов А.И. Преступления против собственности. СПб., 2002. С. 91-92.
18. Перч Н.В. Неполучение должного как вид имущественного ущерба (на примере ст.165 УК РФ): понятие, влияние на ответственность и квалификацию: дис. … канд. юрид. наук. М., 2003. С.138.
19. Лопашенко Н.А. Преступления против собственности: теоретико-прикладное исследование. М., 2005. С. 386.
20. Щепельков В. Соотношение мотива и цели преступления // Законность. 2001. № 4. С. 39.

REFERENCES

1. Dagel' P.S., Kotov D.P. Sub»ektivnaya storona prestupleniya i ee ustanovlenie. Voronezh, 1974. S. 23.
2. Trajnin A.N. Izbrannye trudy / sostavlenie, vstupitel'naya stat'ya d.yu.n., professora N.F. Kuznecovoj. SPb.: YUridicheskij centr Press, 2004. S.37.
3. Rarog A.I. Nastol'naya kniga sud'i po kvalifikacii prestuplenij: prakticheskoe posobie. M., 2006. S. 44.
4. YAkushin V.A. Sub»ektivnoe vmenenie i ego znachenie v ugolovnom prave. Tol'yatti, 1998. S. 170.
5. YAkushin V.A. Problemy sub»ektivnogo vmeneniya v ugolovnom prave: dis. … d-ra. yurid. nauk. M.,1998. S.143.
6. Strilec O.V. Princip viny i problemy ego realizacii v ugolovnom prave: avtoref. dis. … kand. yurid. nauk. Saratov, 2007. 25 s.
7. Kochoi S.M. Prestupleniya protiv sobstvennosti: uchebnoe posobie. M., 2015. S. 66.
8. Botvin I.V. Ugolovnaya otvetstvennost' za prichinenie imushchestvennogo ushcherba putem obmana ili zloupotrebleniya doveriem: dis. ... kand. yurid. nauk. Barnaul, 2016. S.110.
9. Sm.: Voronin V.B. Ugolovno-pravovye mery bor'by s prichineniem imushchestvennogo ushcherba putem obmana ili zloupotrebleniya doveriem: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2013. S.10.
10. Sycheva N.V. Prichinenie imushchestvennogo ushcherba putem obmana ili zloupotrebleniya doveriem: ugolovno-pravovoj i kriminologicheskij aspekty (po materialam Ural'skogo federal'nogo okruga): dis. ... kand. yurid. nauk. CHelyabinsk, 2006. S. 45.
11. SHkhagapsoev Z.L. Problemy kvalifikacii prestuplenij protiv sobstvennosti, sovershaemyh putem obmana ili zloupotrebleniya doveriem // Obshchestvo i pravo. 2009. № 3(25). S. 100.
12. CHernyh E.E. Prichinenie imushchestvennogo ushcherba putem obmana ili zloupotrebleniya doveriem: voprosy primeneniya i sovershenstvovaniya zakonodatel'stva: dis. ... kand. yurid. nauk. N.Novgorod, 2009. S. 112.
13. Lopashenko N.A. Prestupleniya v sfere ehkonomiki: avtorskij kommentarij k ugolovnomu zakonu (razdel VIII UK RF). M., 2006. S. 85.
14. Lopashenko N.A. Posyagatel'stva na sobstvennost': monografiya. M.: Norma: INFRA-M, 2012. S. 214.
15. Gauhman L.D., Maksimov S.V. Otvetstvennost' za prestupleniya protiv sobstvennosti. 3-e izd., ispr. M., 2002. S.134.
16. Aktual'nye problemy ugolovnogo prava: uchebnik dlya magistrantov / otv.red. I.A. Podrojkina. M., 2016. S.451.
17. Bojcov A.I. Prestupleniya protiv sobstvennosti. SPb., 2002. S. 91-92.
18. Perch N.V. Nepoluchenie dolzhnogo kak vid imushchestvennogo ushcherba (na primere st.165 UK RF): ponyatie, vliyanie na otvetstvennost' i kvalifikaciyu: dis. … kand. yurid. nauk. M., 2003. S.138.
19. Lopashenko N.A. Prestupleniya protiv sobstvennosti: teoretiko-prikladnoe issledovanie. M., 2005. S. 386.
20. SHCHepel'kov V. Sootnoshenie motiva i celi prestupleniya // Zakonnost'. 2001. № 4. S. 39.

Об авторе: Толстая Мария-Виктория Евгеньевна, адъюнкт кафедры уголовного права Казанского юридического института МВД России
e-mail: Tolstayakazan@ya.ru
© Толстая М.-В.Е., 2018
Статья получена: 26.01.2018 Статья принята к публикации: 15.03.2018
Статья опубликована онлайн: 20.03.2018

About the author: Tolstaya Maria-Victoria E., Postgraduate of Department of Criminal Law of the Kazan Law Institute of MIA of Russia
e-mail: Tolstayakazan@ya.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The author has read and approved the final manuscript.

УДК 343.915 DOI: 10.24420/KUI.2018.31.11110

Е.В. Шестакова

ОБЩАЯ КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ПРЕСТУПНИКА В УРАЛЬСКОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ

GENERAL PERSONALITY CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTICS OF JUVENILE OFFENDERS OF THE URAL FEDERAL DISTRICT

Введение: в статье представлены отдельные аспекты изучения личности несовершеннолетнего преступника в Уральском федеральном округе с учетом социально-экономических и иных показателей региона.

Материалы и методы: в исследовании использовались общенаучные и частнонаучные методы познания: наблюдение, анализ, синтез, аналогия, а также гипотетический, системно-структурный, сравнительно-правовой методы. Работа строится на анализе сведений о состоянии преступности несовершеннолетних в России в целом и Уральском федеральном округе в частности.

Результаты исследования: в статье приводятся результаты исследования личности несовершеннолетнего преступника в Уральском федеральном округе. Несмотря на снижение общих статистических показателей преступности несовершеннолетних, отмечается увеличение криминальной активности и общественной опасности лиц в возрасте от 14 до 17 лет, а также несовершеннолетних, не достигших возраста привлечения к уголовной ответственности.

Обсуждение и заключения: автор приходит к выводу о необходимости разработки более дифференцированного подхода к организации, планированию и реализации профилактической работы с несовершеннолетними правонарушителями.

Ключевые слова: личность, несовершеннолетний, преступность, тенденция, криминальная активность, омоложение преступности, региональные особенности

Для цитирования: Шестакова Е.В. Общая криминологическая характеристика личности несовершеннолетнего преступника в Уральском федеральном округе // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2018. Т. 9, №1. С. 62-68. DOI: 10.24420/KUI.2018.31.11110

Introduction: the article presents certain aspects of personality research of juvenile offenders in the Ural Federal District taking into account the socio-economic and other indicators of the region.

Materials and Methods: the research used general scientific and specific scientific methods of cognition: observation, analysis, synthesis, analogy, hypothetical, system-structural, comparative legal methods. The work based on the analysis of information on the status of juvenile crime in Russia and in the Ural Federal District.

Results: the work presents the results of a research of the personality of juvenile offenders in the Ural Federal District. Despite the decline of common statistical indicators of juvenile crime in the Ural Federal District and in Russia in general, there is an increase in criminal activity and the public danger of persons aged 14-17 and minors under the age of criminal responsibility.

Discussion and Conclusions: the author concludes about the need to develop a more differentiated approach to the organization of preventive work with juvenile offenders.

Key words: personality, juvenile, crime, trend, criminal activity, rejuvenation of the crime, regional specificity

For citation: Shestakova E.V. General personality criminological characteristics of juvenile offenders ofthe Ural Federal District // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2018. V. 9, №1. P. 62-68. DOI: 10.24420/KUI.2018.31.11110

Введение

Для эффективной организации борьбы с преступностью значим анализ как общих по России данных, так и криминологических особенностей регионов, разных социальных групп и сфер деятельности [1, с.226]. Преступность несовершеннолетних на определенной административно-территориальной единице, а также характеристика личности несовершеннолетнего преступника зависят от политического и демографического

статуса, социально-экономических показателей этой территории, особенностей географического устройства, культурно-нравственного развития регионов, исторических и иных аспектов, которые необходимо учитывать при изучении личности несовершеннолетнего преступника.

Уральский федеральный округ (далее – УРФО) относится к исключительно важным с экономической точки зрения регионам страны: развитый индустриальный и военно-промышленный комплексы, производственная инфраструктура и строительство, огромные залежи природных ресурсов. На общероссийском фоне УРФО выделяется высокими темпами социально-экономического развития. При этом в отдельных субъектах региона существуют проблемы, препятствующие их развитию и непосредственно отражающиеся на состоянии преступности несовершеннолетних: неблагоприятная экологическая обстановка, нестабильная демографическая ситуация, миграция населения, высокий уровень безработицы, увеличение доли населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, алкоголизация населения и прочие проблемы.

Обзор литературы

Региональный аспект изучения преступности несовершеннолетних получает все большее развитие. Среди современных исследователей к нему обращались Е.В. Демидова-Петрова (мониторинг показателей преступности несовершеннолетних по материалам республики Татарстан) [2], Д.Ю. Алипханова (проблемы экономической преступности несовершеннолетних в Республике Дагестан) [3], К.Ю. Логинова (предупреждение имущественной преступности несовершеннолетних в РФ и Сибирском федеральном округе) [4], Н.В. Голубых (предупреждение преступлений экстремистской направленности на примере УРФО) [5], А.Г. Анисимов (характеристика корыстно-насильственной преступности молодежи на примере Восточно-Сибирского региона) [6] и другие. В то же время объем работ, посвященных изучению преступности и личности несовершеннолетнего преступника в УРФО, представляется нам недостаточным.

Построение истинной картины преступности несовершеннолетних и характеристики личности несовершеннолетнего преступника осложняется неполнотой или, скорее, сжатостью статистических сведений о несовершеннолетних, совершивших преступления, невозможностью по кратким статистическим данным в полном объеме изучить структуру личности несовершеннолетнего преступника и измерить эффективность профилактики преступности несовершеннолетних.

Для наиболее правильной криминологической оценки личности несовершеннолетнего преступника в УРФО необходимо изучить совокупные сведения о несовершеннолетних, совершающих преступления, в том числе совершающих противоправные деяния до достижения возраста уголовной ответственности; несовершеннолетних, освобожденных от наказания или уголовной ответственности; несовершеннолетних, состоящих на учете в подразделениях по делам несовершеннолетних; сведения, полученные в ходе непосредственной работы с несовершеннолетним и т.п.

Материалы и методы

Выработка основных направлений предупредительной деятельности органов внутренних дел, ориентированных на профилактику преступности, продолжает оставаться одной из важнейших задач криминологии. Посредством накопления знаний в рамках проводимых криминологических и иных исследований о закономерностях и тенденциях преступности несовершеннолетних и личности несовершеннолетнего преступника происходит восполнение существующих теоретических и нормативных пробелов. Это обусловило выбор общенаучных и частнонаучных методов познания (наблюдение, анализ, синтез, аналогия, гипотетический, системно-структурный, сравнительно-правовой методы).

Характеристика личности несовершеннолетнего преступника строится на основании обобщенных данных официальной статистики. Трудности использования официальной статистики преступности для проведения исследований заключаются в том, что она гораздо лучше отражает практику применения права, нежели преступное поведение [7, с. 42].

Результаты исследования

Основная масса несовершеннолетних, совершивших преступления в УРФО, – лица мужского пола. Удельный вес лиц женского пола, как правило, стабилен, не демонстрирует резкого роста и за последние 10 лет варьируется в пределах от 10 до 14% от общего числа несовершеннолетних, совершивших преступления. Доля несовершеннолетних женского пола составляет 5,1% от общего числа женщин, совершивших преступления в УРФО, что на 1,3% выше средних показателей по России[1]. При этом доля женской преступности в УРФО в общей структуре преступности не выделяется из общероссийских показателей, как и

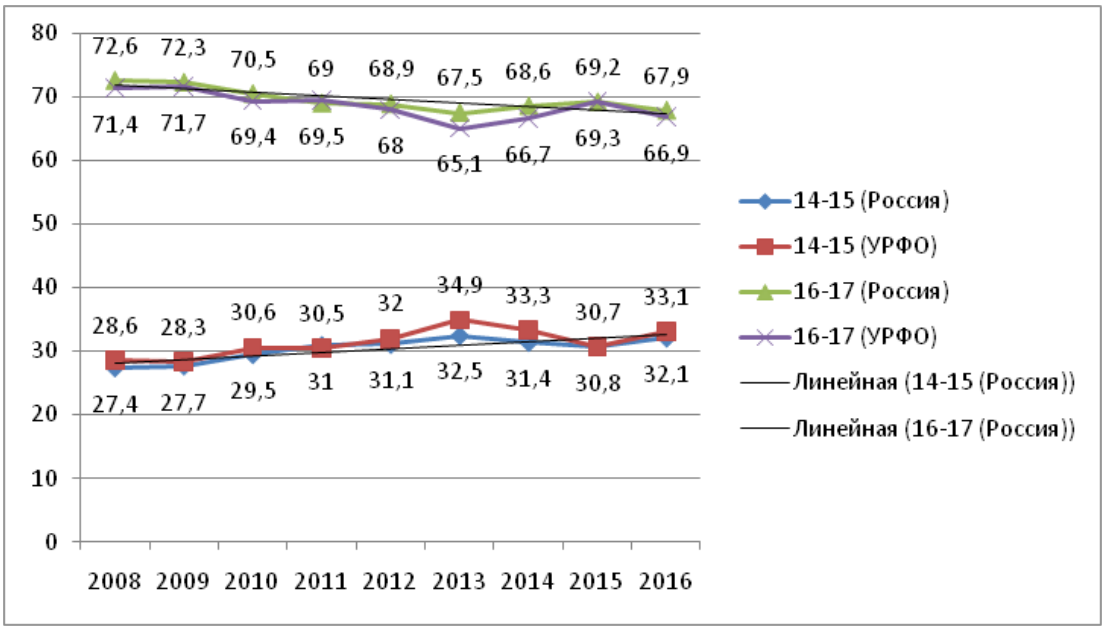
[1] Представленные в статье статистические сведения получены из статистических сборников «Сведения о несовершеннолетних, совершивших преступления» (2008-2016), подготовленных ГИАЦ МВД России, Формы федерального статистического наблюдения 4-ЕГС Генеральной прокуратуры РФ.

преступность несовершеннолетних мужского пола.

Наибольшую криминальную активность в УРФО проявляют несовершеннолетние женского пола Ханты-Мансийского автономного округа – Югры (далее – ХМАО – Югра) и Свердловской области (14% и 13,8% соответственно от числа выявленных несовершеннолетних). При этом тенденция к увеличению доли несовершеннолетних женского пола, совершающих преступления в ХМАО – Югре, наблюдается на протяжении последних пяти лет, что не характерно для экономически стабильного региона. В то же время, несмотря на огромные преимущества ХМАО – Югры, в регионе существует множество социальных проблем: трудности с трудоустройством молодежи в связи с притоком иногородней рабочей силы и миграционным притоком из других стран, межэтническая напряженность, высокие темпы роста наркотизации и маргинализации молодого населения, составляющего основную массу населения в ХМАО.

Около 70% от общего числа несовершеннолетних преступников в УРФО совершают преступления в возрасте от 16 до 18 лет. В последние годы наблюдается тенденция к увеличению доли несовершеннолетних, совершивших преступления в возрасте 14-15 лет. Если в 2008 году их удельный вес составлял 28,6%, то в 2016 году уже 33,1%. Увеличение доли лиц, совершающих преступление в возрасте 14-15 лет, повторяет общероссийские тенденции (см. График 1).

График 1.



Обращая внимание на несовершеннолетних, не достигших возраста уголовной ответственности на момент совершения противоправного деяния и поставленных на учет в подразделениях по делам несовершеннолетних, мы отмечаем, что доля указанной категории несовершеннолетних имеет аналогичную тенденцию к увеличению (см. График 2), при снижении абсолютных количественных показателей поставленных на учет несовершеннолетних (см. График 3). Если в 2008 году удельный вес поставленных на учет в текущем периоде составил 12,3% (по России 16,1%), то в 2016 году уже 21,9% (по России 19,6 %).

График 2.

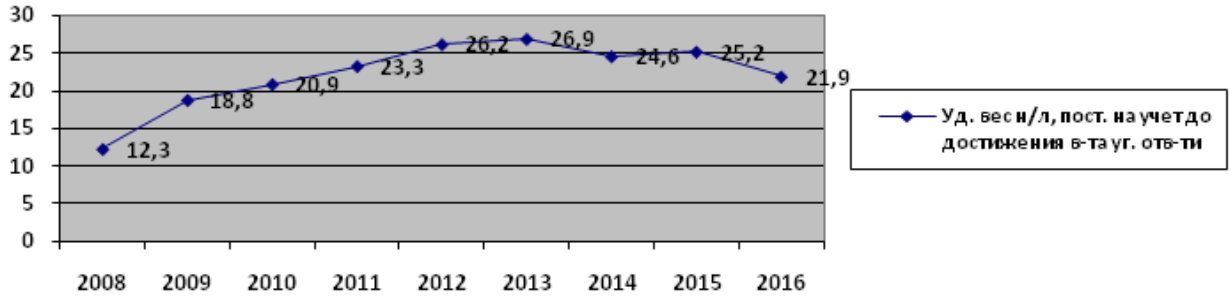
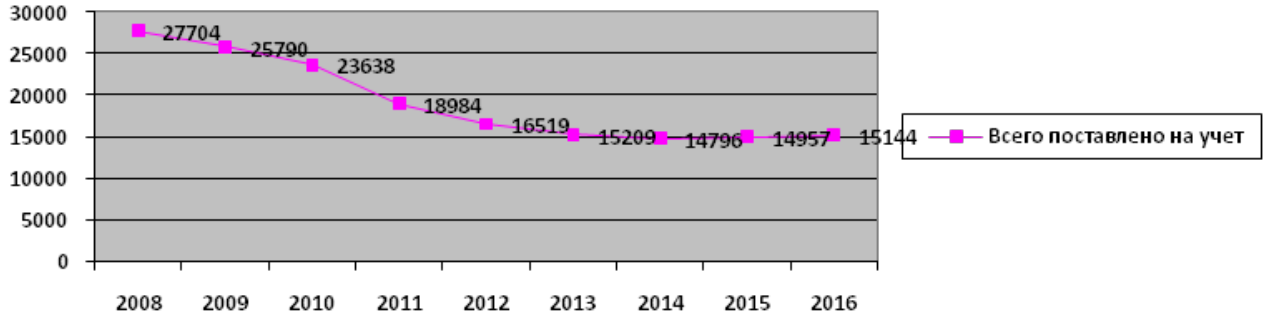


График 3.



По уровню образования несовершеннолетние, совершившие преступления в Уральском федеральном округе, характеризуются следующим образом: среднее профессиональное образование имеют 1,9% несовершеннолетних, начальное и основное общее – 79,5 %, среднее (полное) общее – 14,9%. По социальному положению: наемные работники – 1%, учащиеся и студенты – 75,1%, без постоянных источников доходов – 17,1%, безработные – 0,1%, мигранты – 0,3%, работники сельского хозяйства – 2%.

Общая государственная политика и политика регионов в современных условиях направлена на максимальную занятость несовершеннолетних, принимая во внимание, что образование обладает определенным антикриминогенным фактором. При имеющемся объеме образовательных ресурсов и возможностей около 22 % несовершеннолетних на момент совершения преступления нигде не учились и не работали.

Характерной чертой преступности несовершеннолетних, как правило, является отсутствие устойчивых связей категории преступления и уровня образования. Это связано с особенностями возраста и развития несовершеннолетних. Молодежь и подростки, не имея необходимого жизненного опыта и устойчивых положительных ориентаций, попадая в сложные ситуации, гораздо чаще, чем люди зрелого возраста, вступают в конфликт с уголовным законом. Это связано, с одной стороны, с недостаточным уровнем их социальной зрелости, а с другой – со сложностью ситуации, к правильному разрешению которой они, как правило, не готовы [8, с. 625].

Среди регионов УРФО выделяется Челябинская область по количеству лиц, совершивших преступления и имеющих среднее профессиональное и среднее (полное) общее образование (21,3% от общего числа несовершеннолетних, совершивших преступления в регионе, по УРФО – 16,8%), а также лиц без постоянных источников доходов (22,2%, по УРФО – 17,1%) или безработных (0,2%, по – УРФО 0,1 %).

В Челябинской области наблюдаются проблемы, связанные с трудоустройством после выпуска из образовательного учреждения. Сравнительные показатели по УРФО демонстрируют высокий уровень безработицы в Челябинской области (2-е место по уровню регистрируемой безработицы после Курганской области и 1-е место по напряженности на рынке труда из расчета 2 предложения на 1 вакансию). По состоянию на 1 января 2017 года при общей положительной динамике по трудоустройству нуждающихся в работе лиц количество трудоустроенных несовершеннолетних граждан в возрасте от 14 до 18 лет в свободное от учебы время снизилось на 13%, с 16 020 до 13 834 человек[1]. Занятое население Челябинской области в возрасте от 15 до 19 лет составляет всего 0,4% от общего числа занятого населения. Удельный вес безработных в Челябинской области, имеющих среднее профессиональное образование, составляет 49,4%, из них специалистов среднего звена – 28,5%[2]. Кроме этого, профиль подготовки выпускников не всегда соответствует потребностям рынка труда. В соответствии с рейтингом востребованности рабочих профессий, в Челябинской области самый высокий коэффициент востребованности кадров у профессии овощевода, на втором месте обработчик птицы, далее следуют регулировщик радиоэлектронной аппаратуры и приборов, оператор швейного оборудования, сборщик изделий из древесины[3]. В то же время заработная плата на указанных вакансиях составляет 9-15 тыс. рублей, поэтому желающих занять предложенные вакансии немного.

[1] Занятость и безработица в Челябинской области // Экспресс-информация. 2016. № 12.
[2] Регионы России. Социально-экономические показатели. 2016: Р32. Стат. сб. / Росстат. М., 2016. 1326 с.
[3] Рейтинг востребованности рабочих профессий по состоянию на 27.12.2017 / Официальный сайт Главного управления по труду и занятости населения Челябинской области. URL: http://szn74.ru/htmlpages/Show/Rynoktruda/Vostrebovannyeprofessii/2016god (дата обращения: 14.12.2017).

Среди несовершеннолетних, совершивших преступления в УРФО, весьма велика доля лиц, совершивших преступления в состоянии алкогольного опьянения (17%), наблюдается неблагоприятная тенденция увеличения числа лиц, совершивших преступления в состоянии наркотического опьянения: от 0,1% в 2008 году до 1,2% в 2016 году. Проблема наркотизации подростков актуальна для всех регионов УРФО, в то же время статистические сведения показывают, что чаще всего в состоянии наркотического опьянения совершаются преступления в Тюменской области (2,8%) и Ямало-Ненецком автономном округе (1,4%). Ямало-Ненецкий автономный округ (далее – ЯНАО) занимает лидирующие позиции по общероссийским показателям в совершении преступлений несовершеннолетними в состоянии алкогольного опьянения, наряду с Республикой Саха (Якутия) (25,3%) и Ненецким автономным округом (43%).

Из 54 исследованных нами несовершеннолетних, совершивших преступления в ЯНАО, 33% систематически употребляли малые или большие дозы алкоголя, 42% употребляют алкоголь периодически (ситуативно, в компании друзей, из-за плохого настроения и т.п.), 13% пробовали, но не употребляют, 4% алкоголь не употребляли. В 18% семей, где дети употребляли алкоголь, родители или один из родителей злоупотребляли алкогольными напитками, 28 % употребляли периодически, 38 % алкоголь не употребляют либо не были замечены в его употреблении.

Если отдаленным районам Крайнего Севера присуща проблема злоупотребления алкоголем, то городским точкам ЯНАО свойственна проблема наркотизации населения, в том числе несовершеннолетних. В силу географического и социально-экономического положения и Тюменская область, и ЯНАО, и ХМАО – регионы-потребители наркотиков. Расширение масштабов и географии распространения наркотиков на указанных территориях объясняется привлекательностью регионов (высокий уровень жизни и устойчивая покупательская способность населения) в качестве рынка сбыта наркотиков, а также значительным миграционным притоком населения. Среди несовершеннолетних потребителей наркотиков прослеживается тенденция к употреблению синтетических наркотиков, таких как «Спайс», «Соль» и т.п. По результатам анкетирования несовершеннолетних, употребляющих наркотические вещества, причинами употребления наркотиков являлись: доступность наркотических веществ (легко приобрести, нашел «закладку», решил употребить) – 34 %; скука, желание попробовать что-то новое – 40 %; «за компанию» – 18 %; другие причины – 8 %.

Одним из важных моментов в криминологической характеристике несовершеннолетнего преступника является отношение несовершеннолетнего к соблюдению уголовно-правовых запретов, а именно повторность совершения преступлений. Статистическая отчетность по УРФО свидетельствует об увеличении доли несовершеннолетних преступников, которые ранее совершали преступления. За 2016 год в УРФО был выявлен 5871 несовершеннолетний, совершивший преступления, из них 1695 (28,8 %) ранее совершали преступления, 669 (11,3 %) из них были ранее судимы за совершение преступлений (см. Таблицу 1).

Таблица 1.

Годы	Всего н/л, совершивших преступления	Кол-во н/л, ранее совершавших преступления	Уд. вес в %	Кол-во н/л, ранее судимых за преступления	Уд. вес в % от общего числа н\л, ранее совершавших преступления	Уд. вес в % от общего числа н\л, совершивших преступления
2011	8073	1556	19,3	1083	69,6	13,4
2012	7236	1734	23,9	1162	67,0	16,0
2013	7410	1861	25,1	1091	58,6	14,7
2014	6523	1855	28,4	811	56,3	12,4
2015	6929	2017	29,1	807	40,0	11,6
2016	5871	1695	28,8	669	39,5	11,3

Показательно, что удельный вес несовершеннолетних, ранее совершавших преступления и совершивших преступления вновь, постоянно увеличивается, при этом удельный вес несовершеннолетних, ранее судимых за преступления, незначительно снижается.

Снижение удельного веса ранее судимых несовершеннолетних, совершивших преступления, к сожалению, может объясняться отнюдь не эффективностью и превентивным воздействием наказания и наличия судимости на несовершеннолетних осужденных. Снижение удельного веса данной

категории несовершеннолетних может быть связано с увеличением доли лиц, освобожденных судом от уголовной ответственности и наказания, что, как известно, не влечет судимости. Так, если в 2008 году от наказания по амнистии или другим основаниям было освобождено 1395 осужденных несовершеннолетних (1,9 % от общего числа осужденных несовершеннолетних), то в 2015 году их доля достигла 10,4 %, в 2016 составила 6,3 %[1].

Обсуждение и заключения

Результаты исследования личности несовершеннолетнего преступника в УРФО подтверждают выводы, что на фоне общей тенденции снижения количества несовершеннолетних, совершающих преступления, происходит активизация их девиантного поведения, что обусловливает повышенную степень общественной опасности данной социальной группы. Об этом свидетельствуют приведенные данные о криминальной деятельности несовершеннолетних женского пола в возрасте от 14 до 17 лет, совершающих преступления в УРФО, а изменение возрастной структуры преступности несовершеннолетних говорит об увеличивающейся криминальной активности несовершеннолетних в возрасте 14-15 лет, что свидетельствует о перераспределении общественной опасности несовершеннолетних в сторону омоложения преступности.

Статистические данные о результатах работы ОВД по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в УРФО демонстрируют обратную корреляцию между абсолютными количественными показателями поставленных на учет в подразделениях по делам несовершеннолетних и удельному весу несовершеннолетних, совершивших противоправные деяния до достижения возраста привлечения к уголовной ответственности. Это говорит о недостаточном профилактическом воздействии на рассматриваемую категорию несовершеннолетних и обращает внимание на необходимость их учета в прогнозировании преступности несовершеннолетних.

Превалирующее число несовершеннолетних, имеющих среднее профессиональное образование и совершающих преступления, вполне может объясняться высоким уровнем безработицы в отдельных регионах, незанятостью молодого населения, невостребованностью отдельных специальностей среднего звена на рынке труда, а также нежеланием выполнять низкооплачиваемую, но трудоемкую работу. Сохранение подобной тенденции позволяет спрогнозировать рост преступлений данной категории несовершеннолетних в последующий период.

Усиление криминальной активности несовершеннолетних, как ранее совершивших преступления, так и ранее судимых за совершение преступлений, может объясняться малоэффективной уголовной политикой в отношении несовершеннолетних, провоцирующей формирование чувства безнаказанности за совершение противоправных деяний.

Наличие выявленных особенностей личности несовершеннолетнего преступника в УРФО позволяет сделать вывод о необходимости разработки более дифференцированного подхода к планированию, организации и реализации профилактической работы с несовершеннолетними правонарушителями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Региональные различия преступности и их причины / А.И. Долгова и др. М.: Криминологическая ассоциация, 2000. С. 226 - 248.
2. Демидова-Петрова Е.В. Мониторинг показателей преступности несовершеннолетних в Российской Федерации (по материалам Республики Татарстан) // Мониторинг правоприменения. 2015. № 2(15). С. 59 - 65.
3. Алипханова Д.Ю. Проблемы экономической преступности среди молодежи: региональное исследование: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Махачкала, 2011. 228 с.
4. Логинова К.Ю. Имущественная преступность несовершеннолетних и меры ее предупреждения: дис. ... канд.юрид. наук: 12.00.08. Томск, 2015. 228 с.
5. Предупреждение преступлений экстремистской направленности, совершаемых молодежными группировками (на примере Уральского федерального округа): учебно-практическое пособие / Н.В. Голубых и др. Екатеринбург: УрЮИ МВД России, 2015. 72 с.
6. Криминологическая характеристика молодежной корыстно-насильственной преступности и ее предупреждение: на примере Восточно-Сибирского региона: автореферат дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Саратов, 2016. 30 с.
7. Юзиханова Э.Г. Тенденции современной преступности // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2017. Т. 8, № 4. С. 41-45. DOI: 10.24420/KUI.2017.4(30).8612.

[1] Основные статистические показатели судимости в России за 2008-2016 годы / Судебный департамент при Верховном Суде РФ. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2074 (дата обращения: 12.01.2018).

8. Лунеев В.В. Курс мировой и российской криминологии: учебник. В 2 т. Т. 1. Общая часть. М.: Юрайт, 2011. 1003 с.

REFERENCES

1. Regional'nye razlichiya prestupnosti i ih prichiny / A.I. Dolgova i dr. M.: Kriminologicheskaya associaciya, 2000. S. 226 - 248.
2. Demidova-Petrova E.V. Monitoring pokazatelej prestupnosti nesovershennoletnih v Rossijskoj Federacii (po materialam Respubliki Tatarstan) // Monitoring pravoprimeneniya. 2015. № 2(15). S. 59 - 65.
3. Aliphanova D.YU. Problemy ehkonomicheskoj prestupnosti sredi molodyozhi: regional'noe issledovanie: dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.08. Mahachkala, 2011. 228 s.
4. Loginova K.YU. Imushchestvennaya prestupnost' nesovershennoletnih i mery eyo preduprezhdeniya: dis. ... kand.yurid. nauk: 12.00.08. Tomsk, 2015. 228 s.
5. Preduprezhdenie prestuplenij ehkstremistskoj napravlennosti, sovershaemyh molodezhnymi gruppirovkami (na primere Ural'skogo federal'nogo okruga). Uchebno-prakticheskoe posobie / N.V. Golubyh i dr. Ekaterinburg: UrYUI MVD Rossii, 2015. 72 s.
6. Kriminologicheskaya harakteristika molodezhnoj korystno-nasil'stvennoj prestupnosti i ee preduprezhdenie: na primere Vostochno-Sibirskogo regiona: avtoreferat dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.08. Saratov, 2016. 30 s.
7. YUzihanova EH.G. Tendencii sovremennoj prestupnosti // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2017. T. 8, № 4. S. 41-45. DOI: 10.24420/KUI.2017.4(30).8612.
8. Luneev V.V. Kurs mirovoj i rossijskoj kriminologii: uchebnik. V 2 t. T. 1. Obshchaya chast'. M.: YUrajt, 2011. 1003 s.

Об авторе: Шестакова Елена Владимировна, инспектор Центра временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей Управления Министерства внутренних дел России по Тюменской области
e-mail: legezina_elena@mail.ru
© Шестакова Е.В., 2018
Статья получена: 29.01.2018. Статья принята к публикации: 15.03.2018.
Статья опубликована онлайн: 20.03.2018.

About the author: Shestakova Elena V., Inspector of the Center of Temporary Isolation for Juvenile Delinquents of Administration of Ministry of Internal Affairs of Russian Federation in Tyumen District.
e-mail: legezina_elena@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The author has read and approved the final version of the manuscript.

УДК 343.3 DOI: 10.24420/KUI.2018.31.11111

М.А. Гаврилов

ПРОБЛЕМЫ НОРМЫ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА О МЕЛКОМ ВЗЯТОЧНИЧЕСТВЕ

THE PROBLEM OF THE CRIMINAL LAW RULE ON PETTY BRIBERY

Введение: внесение Федеральным законом от 3 июля 2016 года №324-ФЗ изменений в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы РФ(далее – УК РФ и УПК РФ соответственно) вызвало ряд дискуссионных вопросов в связи с установлением уголовной ответственности за мелкое взяточничество.

Материалы и методы: применялись эмпирический и теоретический методы исследования, включавшие наблюдение, отбор фактов, сравнение, абстрагирование, научно-аналитический подход.

Результаты исследования: исследование позволило выявить основные недостатки нормы уголовного закона о мелком взяточничестве. Проблемы указанной нормы носят теоретический и практический характер. К первым их них относится отсутствие дифференциации уголовной ответственности «мелких» взяткодателя и взяткополучателя, а также этих лиц при совершении преступления при наличии квалифицирующих обстоятельств. Практической проблемой нормы закона является отнесение ее к категории преступлений небольшой тяжести, расследуемых в форме дознания, что не позволяет в полной мере осуществлять оперативно-розыскные мероприятия по их выявлению.

Обсуждение и заключения: формулирование основных проблем нормы закона о мелком взяточничестве позволит выработать пути совершенствования уголовного законодательства.

Ключевые слова: мелкая взятка, дифференциация ответственности, взяткодатель, взяткополучатель, оперативно-розыскные мероприятия

Для цитирования: Гаврилов М.А. Проблемы нормы уголовного закона о мелком взяточничестве // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2018. Т. 9, №1. С. 69-74. DOI: 10.24420/KUI.2018.31.11111

Introduction: the introduction of amendments to the Criminal Code and the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation by Federal Law No. 324-FZ of 3 July 2016 caused a number of debatable issues in connection with the criminalization of petty bribery.

Materials and Methods: empirical and theoretical methods of research, including observation, selection of facts, comparison, abstraction, scientific and analytical approaches were used.

Results: the study made it possible to identify the main shortcomings of the criminal law on petty bribery. The problems of this rule are theoretical and practical. The first of them is the lack of differentiation of the criminal liability of the petty bribe-giver and bribe-taker, and also these persons in the commission of a crime upon qualifying circumstances. The practical problem of the norm of law is its classification as a crime of small gravity, investigated in the form of an inquiry, which does not allow to fully implement operational search measures to identify them.

Discussion and Conclusions: the formulation of the main problems of the law on petty bribery allows us to work out the ways to improve criminal legislation.

Key words: small bribe, differentiation of responsibility, bribe-giver, bribe-taker, operational-search measures

For citation: Gavrilov M.A. The problem of the criminal law rule on petty bribery // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2018. V. 9, №1. P. 69-74. DOI: 10.24420/KUI.2018.31.11111

Введение

Внесение Федеральным законом от 3 июля 2016 года №324-ФЗ изменений в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы РФ вызвало ряд дискуссионных вопросов, в том числе в связи с установлением уголовной ответственности за мелкое взяточничество.

В пояснительной записке к проекту вышеназванного федерального закона указано, что он направлен на усиление уголовной ответствен-

ности за коррупционные преступления. В этом же документе в обосновании установления привилегированного состава преступления – мелкого взяточничества – приведены данные о том, что в 2012-2015 годах подавляющее большинство уголовных дел по факту коммерческого подкупа, дачи или получении взятки возбуждалось при сумме менее 10 тысяч рублей[1].

По убеждению представителя Администрации Президента РФ, являвшейся инициатором принятия указанного закона, статистика показывает, что по подавляющему большинству приговоров о даче или получении взятки ее объем составляет менее 10 тысяч рублей. В результате происходит искажение статистических данных. Таким образом, создается лишь видимость борьбы с коррупцией по очень мелким случаям взяток [1].

Согласно мнению авторов законопроекта, его принятие будет способствовать повышению эффективности противодействия взяточничеству[2].

При этом вновь принятые нормы закона установили менее строгое наказание за дачу или получение взятки в размере, не превышающем 10 тысяч рублей.

Обзор литературы

Проблемам противодействия коррупции уголовно-правовыми мерами посвящены многочисленные научные работы ученых. Затронутые в настоящем исследовании вопросы дифференциации уголовной ответственности, квалифицирующих обстоятельств взяточничества, находили отражение в трудах таких авторов, как Б.В. Здравомыслов, Т.А. Лесниевски-Костарева [2,3].

Принятие нормы УК РФ о мелком взяточничестве вызвало обоснованную тревогу ученых-юристов и практиков. Ими отмечаются недостатки нового состава преступления, предусмотренного ст. 291.2 УК РФ, которые скорее отрицательно скажутся на эффективности деятельности государства по противодействию коррупции. Негативную тенденцию показывает и статистика: в первом полугодии 2017 года в России произошло снижение числа выявленных коррупционных преступлений, в том числе взяточничества, почти на 30%[3].

Материалы и методы

Использование эмпирического и теоретического методов исследования, включающих наблюдение, отбор фактов, сравнение, абстрагирование, научно-аналитический подход, позволило объективно подойти к анализу проблемы. Материалами исследования послужили статьи Уголовного кодекса РФ, обзоры судебной практики Верховного Суда РФ, а также примеры судебной практики.

Результаты исследования

Соглашаясь с мнением теоретиков и практиков, критически оценивающих ныне действующую норму Уголовного кодекса РФ о мелком взяточничестве [4, 5, 6], следует отметить ряд основных, по нашему мнению, проблем.

Одна из них, связанная с существованием указанной нормы, – это отсутствие дифференциации уголовной ответственности за мелкую взятку.

Т.А. Лесниевски-Костарева определяет дифференциацию уголовной ответственности как градацию, разделение, расслоение ответственности в уголовном законе, в результате которой законодателем устанавливаются различные уголовно-правовые последствия в зависимости от типовой степени общественной опасности преступления и типовой степени общественной опасности личности виновного [3, с.38].

В.Н. Кудрявцев писал, что «опасность действия заключается в том, что оно может вызвать определенные вредные последствия. Однако эти последствия наступают не во всех случаях. Естественно, что действия будут сравнительно тем опаснее, чем выше степень вероятности наступления вредных последствий» [7, с.102].

Таким образом, критерием оценки общественной опасности того или иного преступления принято считать вид и размер наказания, предусмотренного за совершение данного преступления.

Именно функция дифференциации ответственности служит основным системообразующим фактором института квалифицирующих признаков, формируя его структуру, определяя основные направления развития [8, с.23].

Диспозиция ч. 1 ст. 291.2 УК РФ сформулирована следующим образом: получение взятки, дача взятки лично или через посредника в размере, не превышающем десяти тысяч рублей. Ч. 2 указанной статьи устанавливает квалифицированный состав преступления: те же деяния, совершенные лицом, имеющим судимость за совершение преступлений, предусмотренных ст. 291, 291.1УК

[1] Пояснительная записка к проекту№1079243-6 федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»: URL: http://sozd.parlament.gov.ru/bill/1079243-6 (дата обращения 10.12.2017).
[2] Там же.
[3] В Генпрокуратуре России состоялось заседание коллегии, посвященное итогам работы в первом полугодии 2017 года и задачам на второе полугодии 2017 года. URL: http://www.genproc.gov.ru/smi/news/news-1222092/ (дата обращения: 25.11.2017).

РФ либо статьей 291.2 УК РФ. Необходимо сразу отметить, что этот квалифицирующий признак присущ только норме закона, устанавливающей ответственность за мелкое взяточничество, и отсутствует в иных нормах уголовного закона, предусматривающих ответственность за взяточничество, в связи с чем требует изучения в рамках отдельного исследования.

Для оценки эффективности норм о мелком взяточничестве важное значение имеет разъяснение Президиума Верховного Суда Российской Федерации. В ответе на вопрос нижестоящего суда о том, как надлежит квалифицировать получение, дачу взятки в размере, не превышающем 10 тысяч рублей, если они совершены при наличии квалифицирующих признаков, указанных в ст. 290 и 291 УК РФ, Президиум Верховного Суда РФ указал, что ст. 291.2 УК РФ (мелкое взяточничество) содержит специальную норму по отношению к нормам ст. 290, 291 УК РФ и не предусматривает такого условия их применения, как отсутствие квалифицирующих признаков преступлений, предусмотренных ч. 2-6 ст. 290 или ч. 2-5 ст. 291 УК РФ[1].

Ст. 290 УК РФ содержит следующие квалифицирующие признаки получения взятки, не связанные с ее размером:

- получение взятки за незаконные действия (бездействие);

- получение взятки лицом, занимающим государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, а равно главой органа местного самоуправления;

- получение взятки группой лиц по предварительному сговору или организованной группой;

- если получению взятки предшествовало ее вымогательство.

Ст. 291 УК РФ содержит следующие квалифицирующие признаки дачи взятки, не связанные с ее размером:

- за незаконные действия (бездействие);

- дача взятки группой лиц по предварительному сговору или организованной группой.

Квалифицирующий признак – «за незаконные действия (бездействие)» содержится в нормах, устанавливающих ответственность как за получение, так и за дачу взятки. При этом за получение взятки в размере более 10 тысяч рублей за незаконные действия (бездействие) предусмотрено наказание, максимальный вид и размер которого – лишение свободы на срок до восьми лет. Такой же максимальный срок лишения свободы предусмотрен за дачу взятки при наличии этого же квалифицирующего признака.

Соглашаясь с тем, что сумма взятки должна учитываться при определении наказания за совершение коррупционного преступления, предметом которой она является, представляется, что не только она определяет опасность взяточничества. Например, взятка может быть передана сотруднику МЧС за незаконное освобождение от административной ответственности предпринимателя в связи с нарушением им правил пожарной безопасности в торговом центре, в котором впоследствии произошел пожар с жертвами. В рассматриваемом случае, бесспорно, общественная опасность как получения, так и дачи взятки высока.

Появление нового состава преступления породило ситуацию, когда при квалификации мелкой взятки, переданной за совершение незаконных действий (бездействия), следует руководствоваться правилом конкуренции квалифицированного и привилегированного составов, которая разрешается в пользу последнего. То есть за передачу и получение такой взятки предусмотрена ответственность по ч. 1 ст. 291.2 УК РФ с максимально возможным видом и размером наказания – 1 год лишения свободы.

Между тем далеко не очевиден (и, скорее всего, ошибочен) вывод о невысокой степени общественной опасности получения мелкой взятки за совершение должностным лицом незаконных действий (бездействия) [9, с.51-56].

При этом, с учетом положений ч. 1 ст. 56 УК РФ, предусматривающей возможность назначения наказания в виде лишения свободы осужденному, впервые совершившему преступление небольшой тяжести, только при наличии отягчающих обстоятельств, даже назначение такого максимального наказания практически недостижимо.

Согласно статистике, подавляющее число преступлений в виде дачи взятки регистрируется как раз по ч. 3 ст. 291 УК РФ, т.е. дача взятки за совершение заведомо незаконных действий (бездействия) [10, с.946].

Таким образом, несложно сделать вывод, что подавляющее количество фактов дачи взятки в размере менее 10 тысяч рублей за совершение незаконных действий переходят в

[1] Ответы на вопросы, поступившие из судов, по применению федеральных законов от 3 июля 2016 года №323-ФЗ-326-ФЗ, направленных на совершенствование уголовной ответственности за коррупционные преступления и преступления экономической направленности, а также оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 28 сентября 2016 года // Доступ из СПС «Консультант-Плюс»(дата обращения 01.12.2017).

разряд преступлений небольшой тяжести со всеми вытекающими последствиями в виде существующих возможностей смягчения или освобождения от уголовной ответственности, что было затруднительно до внесения обсуждаемых изменений в уголовное законодательство.

Так, например, по ходатайству осужденного Н. в порядке ст. 10 УК РФ был пересмотрен приговор Иркутского районного суда Иркутской области от 14.04.2016, которым он был признан виновным в совершении 11 преступлений, предусмотренных ч.3 ст. 290 УК РФ, и 11 преступлений, предусмотренных ч.1 ст. 292 УК РФ. Н., являясь преподавателем вуза, за взятки в размере 2 тыс. рублей вносил ложные сведения в зачетные ведомости о сдаче студентами экзаменов. Судом действия Н. были переквалифицированы с ч.3 ст. 290 УК РФ на ч.1 ст. 291.2 УК РФ (в редакции № 324-ФЗ от 03.07.2016 года) с назначением наказания по каждому эпизоду в виде 1 года 4 месяцев ограничения свободы вместо назначенных по приговору 4 лет лишения свободы со штрафом 80 000 рублей за каждое преступление[1].

Аналогичная ситуация складывается и в случаях получения мелкой взятки лицом, занимающим государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, а равно главой органа местного самоуправления, а также в случаях получения и дачи взятки группой лиц по предварительному сговору или организованной группой.

Более тревожная ситуация сложилась в случае получения мелкой взятки с ее вымогательством.

Признание преступлением небольшой тяжести получение мелкой взятки с вымогательством повлекло декриминализацию приготовления к таким посягательствам. В настоящее время не является преступлением требование передачи взятки в сумме до 10 тысяч рублей под угрозой нарушения законных интересов потерпевшего, а также предварительный сговор на получение такой взятки.

Вышесказанное свидетельствует, что данная норма закона объединяет в себе два самостоятельных состава преступления – дачу взятки и получение взятки. При этом предусмотрена одинаковая ответственность за совершение данных деяний.

Составом преступления «мелкая взятка» не предусмотрена дифференциация ответственности взяткодателя и взяткополучателя, несмотря на повышенную общественную опасность действий последнего. Законодатель «поставил на один уровень взяточника (должностное лицо, облеченное властью либо обладающее теми или иными полномочиями) и лицо, дающее незаконное вознаграждение этому взяточнику» [5, с.47-50].

Между тем, как отмечает Б.В. Здравомыслов, получение и дача взятки представляют собой самостоятельные преступления с различной характеристикой действий, разным содержанием умысла и несовпадающими признаками субъекта [2, с.5]. Аналогичного мнения придерживается Э.Ю. Чуклина, которая считает, что уравнивание ответственности за получение и дачу взятки в мелком размере противоречит различию в степени общественной опасности указанных двух форм взяточничества, первое из которых – получение взятки – всегда является более общественно опасным деянием, что традиционно учитывалось в истории отечественного уголовного законодательства [11, с.95-100].

Другой проблемой новой нормы о мелкой взятке является отнесение рассматриваемого состава преступления к категории небольшой тяжести, а также к подследственности органов дознания, со следующими правовыми последствиями.

Известно, что коррупционные преступления характеризуются высоким уровнем латентности. Факты дачи и получения взятки трудно выявить сотрудникам правоохранительных органов в силу взаимной заинтересованности взяткодателя и взяткополучателя в сокрытии этих фактов. Одной из возможностей выявления определенной части таких преступлений является проведение оперативно-розыскных мероприятий, которые ограничивают конституционные права человека и гражданина на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям электрической и почтовой связи, а также право на неприкосновенность жилища.

В соответствии с положениями ст. 8 Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» проведение оперативного эксперимента допускается только в целях выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия преступления средней тяжести, тяжкого и особо тяжкого преступления, а также в целях выявления и установления лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших[2]. Учитывая, что мелкое взяточничество отнесено к разряду преступлений небольшой тяжести, проведение

[1] Апелляционное определение Иркутского областного суда от 07.02.2017. URL: https://oblsud--rk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=16108990&delo_id=4&new=4&text_number=1 (дата обращения 10.12.2017).
[2] Об оперативно-розыскной деятельности: Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (ред. от 06.07.2016) // СПС «КонсультантПлюс».(дата обращения: 27.11.2017).

указанного оперативно-розыскного мероприятия для выявления этого преступления невозможно.

Проведение же других вышеуказанных оперативно-розыскных мероприятий в соответствии с той же нормой Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» допускается при наличии информации:

1. О признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного противоправного деяния, по которому производство предварительного следствия обязательно.

2. О лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших противоправное деяние, по которому производство предварительного следствия обязательно.

3. О событиях или действиях (бездействии), создающих угрозу государственной, военной, экономической, информационной или экологической безопасности Российской Федерации[1].

Учитывая, что после внесенных Федеральным законом от 3 июля 2016 года №324-ФЗ изменений в Уголовно-процессуальное законодательство установлено, что производство предварительного расследования по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ст. 291.2 УК РФ, осуществляется в форме дознания и производство вышеуказанных оперативно-розыскных мероприятий в целях выявления мелкого взяточничества невозможно.

Так, по мнению С.В. Мурина, в настоящее время существует парадоксальная ситуация, связанная с возникшей межотраслевой коллизией между уголовным и оперативно-розыскным законодательством, вследствие чего формально в уголовном законодательстве содержится правовая норма «Мелкое взяточничество», однако в оперативно-розыскном законодательстве отсутствуют правовые инструменты борьбы с указанным коррупционным явлением, что, безусловно, является фактором, значительно снижающим эффективность уголовной политики, направленной на борьбу с таким опасным проявлением коррупции, как взяточничество [12, с.669-671].

Присоединяясь к вышеприведенному мнению, полагаем необходимым отметить, что одним из недостатков нормы УК РФ о мелком взяточничестве является неудачная конструкция состава преступления, позволившая отнести его в разряд преступлений небольшой тяжести. Также представляется неверным отнесение коррупционного преступления к разряду расследуемых в форме дознания. Совокупность указанных обстоятельств создала ситуацию, когда высоколатентное коррупционное преступление не может быть выявлено при помощи оперативно-розыскных мероприятий.

Обсуждение и заключения

Анализ нормы уголовного законодательства о мелком взяточничестве выявил следующие основные недостатки:

- отсутствие квалифицирующих признаков, свойственных другим составам преступлений, предусматривающих уголовную ответственность за взяточничество, и, как следствие, устранение дифференциации уголовной ответственности за мелкую взятку по степени ее общественной опасности;

- фактическое приравнивание взяткодателя к взяткополучателю, и, как следствие, устранение дифференциации уголовной ответственности в зависимости от субъекта преступления;

- отнесение состава преступления о мелком взяточничестве в категорию преступлений небольшой тяжести и, как следствие, отсутствие возможности проведения ОРМ по выявлению этих преступлений.

Указанное несовершенство норм уголовного законодательства о мелком взяточничестве свидетельствует о непоследовательности процесса реформирования антикоррупционного уголовного законодательства России и необходимости его совершенствования законодателем в самое ближайшее время.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Соловьева О. Мелкие взятки испортили статистику мздоимства. URL: http://www.ng.ru›Экономика›2016-01-27/1_vziatki.html (дата обращения: 29.11.2017).
2. Здравомыслов Б.В. Квалификация взяточничества: учебное пособие. М.: МЮИ, 1991. 92с.
3. Лесниевски-Костарева Т.А. Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика. М., 2000. С. 400.
4. Борков В.Н. Новый способ получения взятки и реабилитация «мелких» взяточников // Современное право. 2017. № 1.
5. Зарипов М.Н., Уразбаев Р.Ш. Несоблюдение принципа справедливости при принятии закона искажает степень общественной опасности деяния // Законность. 2017. №11.
6. Сипягина М.Н. Мелкое взяточничество: значение и последствия // Диалектика противодействия коррупции: материалы VI всерос. науч.-практ. конф. с международным участием, 16 декабря 2016 г. Казань, 2016.

[1] Об оперативно-розыскной деятельности: Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (ред. от 06.07.2016) // СПС «КонсультантПлюс».(дата обращения: 27.11.2017).

7. Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления. М.: Госюриздат, 1960. 244 с.
8. Костарева Т.А. Квалифицирующие обстоятельства в уголовном праве: понятие, законодательная регламентация, влияние на дифференциацию ответственности. Ярославль: Изд-во ЯГУ, 1993. 234 с.
9. Егоров Н.А., Егоров А.Г., Гордейчик С.А. Антикоррупционные новеллы уголовного законодательства //Законность. 2017. № 1.
10. Разогреева А.М. Правоприменительная практика по делам о преступлениях коррупционной направленности: влияние политического и организационного контекста на регистрацию и квалификацию // материалы XIII Международной научно-практической конференции «Уголовное право: стратегии развития в XXI веке». М.: РГ-Пресс, 2016. 946 с.
11. Чуклина Э.Ю. Выделение уголовной ответственности за мелкое взяточничество (ст. 291.2 УК РФ): критический взгляд // Экономика, социология, право.2016.№10.
12. Мурин С.В. Коллизии правового инструментария как проблема квалификации мелкого взяточничества // Юридическая техника. 2017. № 11.

REFERENCES

1. Solov'eva O. Melkie vzyatki isportili statistiku mzdoimstva. URL: http://www.ng.ru›Ekonomika› 2016-01-27/1_vziatki.html (data obrashcheniya: 29.11.2017).
2. Zdravomyslov B.V. Kvalifikaciya vzyatochnichestva: uchebnoe posobie. M.:MYUI,1991. 92 s.
3. Lesnievski-Kostareva T.A. Differenciaciya ugolovnoj otvetstvennosti. Teoriya i zakonodatel'naya praktika. M., 2000. S. 400.
4. Borkov V.N. Novyj sposob polucheniya vzyatki i reabilitaciya «melkih» vzyatochnikov // «Sovremennoe pravo». 2017. № 1.
5. Zaripov M.N., Urazbaev R.SH. Nesoblyudenie principa spravedlivosti pri prinyatii zakona iskazhaet stepen' obshchestvennoj opasnosti deyaniya // Zakonnost'. 2017. №11
6. Sipyagina M.N. Melkoe vzyatochnichestvo: znachenie i posledstviya // Dialektika protivodejstviya korrupcii: materialy VIvseros. nauch.-prakt. konf. s mezhdunarodnym uchastiem, 16 dekabrya 2016 g. Kazan', 2016.
7. Kudryavcev V.N. Ob»ektivnaya storona prestupleniya. – M.: Gosyurizdat, 1960. 244 s.
8. Kostareva T.A. Kvalificiruyushchie obstoyatel'stva v ugolovnom prave: ponyatie, zakonodatel'naya reglamentaciya, vliyanie na differenciaciyu otvetstvennosti/ T.A.Kostareva. – YAroslavl': Izd-vo YAGU, 1993. 234 s.
9. N.A. Egorov, A.G. Egorov, S.A. Gordejchik. Antikorrupcionnye novelly ugolovnogo zakonodatel'stva // Zakonnost'. 2017. №1.
10. Razogreeva A.M. Pravoprimenitel'naya praktika po delam o prestupleniyah korrupcionnoj napravlennosti: vliyanie politicheskogo i organizacionnogo konteksta na registraciyu i kvalifikaciyu // materialy XIII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii «Ugolovnoe pravo: strategii razvitiya v XXI veke. M.: RG-Press.2016 g. 946 s.
11. CHuklina EH.YU. Vydelenie ugolovnoj otvetstvennosti za melkoe vzyatochnichestvo (st. 291.2 UK RF): kriticheskij vzglyad // Ekonomika, sociologiya, pravo. 2016. № 10.
12. Murin S.V. Kollizii pravovogo instrumentariya kak problema kvalifikacii melkogo vzyatochnichestva // YUridicheskaya tekhnika. 2017. № 11.

Об авторе: Гаврилов Максим Александрович, старший преподаватель кафедры основ организации и управления в органах прокуратуры Казанского юридического института (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации
e-mail: gma2004@rambler.ru
© Гаврилов М.А., 2018
Статья получена: 19.01.2018. Статья принята к публикации: 15.03.2018.
Статья опубликована онлайн: 20.03.2018.

About the author: Gavrilov Maxim A., Kazan Law Institutution (branch) of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, Russia, Senior Lecturer of the Department of Organization and Management in the Prosecutor's Office
e-mail: gma2004@rambler.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The author has read and approved the final manuscript.

УДК 343.91 DOI: 10.24420/KUI.2018.31.11112

А.А. Лабутин

ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА, СОВЕРШАЮЩЕГО МОШЕННИЧЕСТВО С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СРЕДСТВ МОБИЛЬНОЙ СВЯЗИ (ПО МАТЕРИАЛАМ СУБЪЕКТОВ ПРИВОЛЖСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА)

FEATURES OF THE IDENTITY OF THE CRIMINAL USING MEANS OF MOBILE COMMUNICATION (ADAPTED FROM ENTITIES OF THE VOLGA FEDERAL DISTRICT)

Введение: в статье раскрываются особенности криминологической характеристики личности преступника, совершающего хищения денежных средств граждан с использованием средств мобильной связи.

Материалы и методы: в ходе исследования применялся метод анкетирования, а также были использованы научно-аналитический и диалектический методы.

Результаты исследования: в статье особое внимание уделено изучению личности преступника, совершающего мошеннические действия с использованием средств мобильной связи. Автором были изучены материалы уголовных дел и судебно-следственной практики по преступлениям, связанным с завладением денежными средствами граждан мошенническим путем, совершенным с использованием сотовых телефонов на территории ряда субъектов Приволжского федерального округа, а также проведен опрос практических сотрудников МВД иных субъектов Российской Федерации.

Обсуждение и заключения: по результатам проведенного исследования представлен собирательный образ (криминологический портрет) преступника, совершающего мошенничества с использованием средств сотовой связи.

Ключевые слова: мошенничество, средства мобильной связи, личность преступника, криминологическая характеристика

Для цитирования: Лабутин А.А. Характерные черты личности преступника, совершающего мошенничество с использованием средств мобильной связи (по материалам субъектов Приволжского федерального округа) // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2018. Т. 9, № 1. С. 75-78. DOI: 10.24420/KUI.2018.31.11112

Introduction: the article describes peculiarities of criminological characteristics of offender who commit a theft of monetary funds of citizens with the use of mobile communication.

Materials and Methods: the author applied to the method of questionnaires, scientific and analytical and dialectical methods.

Results: the special attention is paid to the study of the identity of the offender who commits fraud using mobile communication. The author studied materials of criminal cases and judicial-investigative practice on the crimes connected with taking money of citizens by the fraudulent way made with use of cellular phones in the territory of a number of subjects of the Volga Federal district, and also poll of practical employees of the Ministry of Internal Affairs of a number of subjects of the Russian Federation is carried out.

Discussion and Conclusions: the author presents a collective image (criminological portrait) of the criminal, committing fraud with use of means of cellular communication.

Key words: fraud, means of mobile communication, identity of the criminal, criminological characteristic

For citation: Labutin A.A. The characteristics of the offender committing fraud with use of means of mobile communication (adapted from entities of the Volga Federal District) // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2018. V. 9, № 1. P. 75-78. DOI: 10.24420/KUI.2018.31.11112

Введение

Научно-технический прогресс, совершенствование производства, удешевление компьютерной техники, программного обеспечения и услуг связи обусловили процесс непрерывного роста использования информационно-коммуникационных технологий во всех сферах жизни общества. Таким образом сформировалась новая

модель социального взаимодействия, основанная в большей мере не на личном, а на интерактивном (дистанционном и нередко анонимном) общении. Увеличение числа пользователей современных электронных средств связи открыло новые возможности не только для политики, экономики и культуры, но и для преступной деятельности [1].

Так, следствием бурного развития систем мобильных телекоммуникаций, отсутствия необходимых средств технической и правовой защиты информации в данных системах, а также ряда других факторов на территории России (как и несколько ранее в других странах) явилась криминализация данной сферы [2].

Обзор литературы

Эффективность предупреждения и раскрытия данной категории преступлений, впрочем, как и любых других преступлений, во многом зависит от знания состояния и основных тенденций преступлений, понимания их причин, а также учета особенностей личности преступника – одного из ключевых элементов предмета криминологии. Через призму характерных черт личности преступника открывается комплекс причин, побудивший его к совершению преступления. Понимание специфики внутреннего мира преступника позволяет создать систему предупредительных мер, позволяющих оградить или уменьшить влияние негативных факторов, способствующих совершению преступления [3].

Нельзя не согласиться с мнением Ю.Р. Орловой и О.Н. Гусевой, справедливо полагающих, что «любое преступление определяется в конечном итоге всей предшествующей жизнью преступника, теми его личностными чертами и качествами, которые сформированы в процессе воспитания и которые в конкретной, порой весьма сложной или конфликтной ситуации предопределяют выбор общественно опасного варианта поведения» [4]. При этом само поведение есть «не что иное, как реализация вовне (объективизация) определенных сторон, свойств внутреннего мира данной личности» [5].

Результаты исследования

В рамках данного исследования нами был проведен анализ материалов уголовных дел и судебно-следственной практики по преступлениям, связанным с завладением денежными средствами граждан мошенническим путем, совершенным с использованием сотовых телефонов на территории ряда субъектов Приволжского федерального округа[1], который позволил выделить ряд характерных черт, присущих личности преступников, совершающих мошенничества с использованием средств сотовой связи:

- в 100% случаев преступниками являлись мужчины;

- изучение возрастных характеристик лиц, осужденных за совершение преступлений, связанных с завладением денежными средствами граждан мошенническим путем, совершенных с использованием сотовых телефонов, показало, что наиболее криминогенный возраст преступников составляет 25-40 лет, в этом возрасте совершено около 77% таких преступлений;

- в 100% случаев преступления были совершены гражданами Российской Федерации;

- лица, совершающие мошенничества с использованием средств сотовой связи, отличаются сравнительно невысоким образовательным уровнем: 46% имели среднее специальное образование, 31% – среднее общее образование и 23% – неполное среднее образование;

- 77% лиц, совершивших мошенничества с использованием средств сотовой связи, на момент выявления преступления не состояли в брачно-семейных отношениях;

- 85% осужденных не являлись ни ранее, ни в момент совершения мошеннических действий жителями местности, где проживали потерпевшие от преступлений;

- в 100% случаев мошенничества совершены неработающими ранее судимыми лицами, при этом более 60% из них ранее имели две и более судимости по различным статьям Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ).

Кроме того, нами был проведен опрос 40 практических сотрудников полиции МВД по республикам Татарстан, Марий Эл, Мордовия, занимающихся выявлением, раскрытием и предупреждением преступлений, связанных с завладением денежными средствами граждан мошенническим путем с использованием сотовых телефонов, относительно характерных особенностей, присущих личности преступников, совершающих преступления данной категории, который показал в целом схожие результаты.

Так, по мнению 57,5% опрошенных сотрудников ОВД, субъектом мошенничеств, совершенных с использованием средств сотовой связи, являются мужчины. При этом оставшиеся респонденты отметили, что субъектом данных преступлений могут быть женщины (22,5%) или половая принадлежность преступников не имеет

[1] По специально разработанной анкете изучено 12 материалов многоэпизодных уголовных дел и судебно-следственной практики по преступлениям рассматриваемой категории, совершенным на территории республик Татарстан (1), Марий Эл (7), Мордовия (2) и Чувашия (2).

принципиального значения для личностной характеристики (20%);

- относительно возраста преступников, совершающих мошенничества с использованием средств сотовой связи, большинство респондентов (60%) указали, что преступления данной категории совершают лица в возрасте 25-30 лет;

- по мнению 87,5% опрошенных сотрудников ОВД, лица, совершающие мошенничества с использованием средств сотовой связи, являются гражданами Российской Федерации. 12,5% респондентов высказали предположение, что принадлежность субъекта данного вида преступлений к какому-либо государству (гражданство) не имеет значения для личностной характеристики;

- образовательный ценз мошенников, с точки зрения большинства опрошенных сотрудников ОВД, выглядит следующим образом: 75% респондентов отметили наличие у преступников, как правило, среднего специального образования;

- относительно семейного положения лиц, совершающих мошенничества с использованием средств сотовой связи, большинство опрошенных сотрудников ОВД (65%) отметили, что данный социально-демографический признак не имеет значения для личностной характеристики преступников. Вместе с тем 32,5% респондентов указали на то, что мошенники, как правило, не состоят в браке;

- применительно к месту проживания преступников, совершающих мошенничества с использованием средств сотовой связи, сотрудники ОВД высказали предположение, что, как правило, субъекты данных преступлений – местные жители (45%). Вместе с тем 35% респондентов отметили, что место проживания не имеет принципиального значения для личностной характеристики преступников;

- характеризуя такой признак личности преступника, как наличие судимости, большинство опрошенных сотрудников ОВД указали, что лица, совершающие мошенничества с использованием средств сотовой связи, как правило, ранее привлекались к уголовной ответственности по различным статьям УК РФ (67,5% опрошенных);

- мнение большинства респондентов (85%) о социальном положении рассматриваемой категории преступников совпало с результатами изучения материалов уголовных дел и судебно-следственной практики – мошенничества с использованием средств сотовой связи совершают временно неработающие и неучащиеся.

Обсуждение и заключения

Таким образом, собирательный образ (криминологический портрет) преступника, совершающего мошенничества с использованием средств сотовой связи, выглядит следующим образом – это ранее неоднократно судимый, не состоящий в браке и не имеющий постоянного источника дохода мужчина со средним специальным образованием в возрасте 25-40 лет, как правило, отбывающий наказание за ранее совершенные им преступления в исправительных учреждениях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Русскевич Е.А. Уголовное право и информатизация // Журнал российского права. 2017. № 8. С. 73-80.
2. Семенов Г.В. Расследование преступлений в сфере мобильных телекоммуникаций. М., 2008. С. 3.
3. Совершенствование предупреждения органами внутренних дел грабежей и разбоев, совершаемых по предварительному сговору группой лиц: методические рекомендации // База данных ФГКУ «ВНИИ МВД России» для регионов, 2009.
4. Орлова Ю.Р., Гусева О.Н. Криминологические особенности личности несовершеннолетних женского пола, совершивших корыстно-насильственные преступления // Юридическая психология. 2008. № 4. С. 19-23.
5. Игошев К.Е. О некоторых чертах личности преступника молодежного возраста и возможностях их использования при разработке типологий // Типология личности преступника и индивидуальное предупреждение преступлений. М., 1979. С. 80.

REFERENCES

1. Russkevich E.A. Ugolovnoe pravo i informatizaciya // ZHurnal rossijskogo prava. 2017. № 8. S. 73-80.
2. Semenov G.V. Rassledovanie prestuplenij v sfere mobil'nyh telekommunikacij. M., 2008. S. 3.
3. Sovershenstvovanie preduprezhdeniya organami vnutrennih del grabezhej i razboev, sovershaemyh po predvaritel'nomu sgovoru gruppoj lic: metodicheskie rekomendacii // Baza dannyh FGKU «VNII MVD Rossii» dlya regionov, 2009.
4. Orlova YU.R., Guseva O.N. Kriminologicheskie osobennosti lichnosti nesovershennoletnih zhenskogo pola, sovershivshih korystno-nasil'stvennye prestupleniya // YUridicheskaya psihologiya. 2008. № 4. S. 19-23.

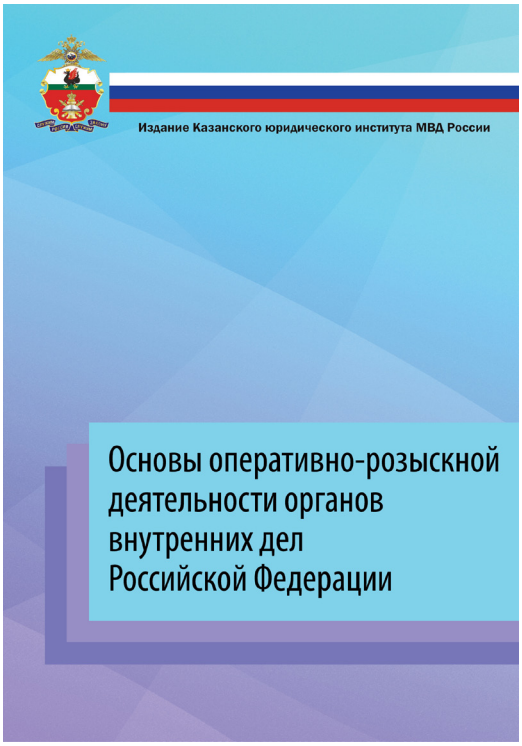
5. Igoshev K.E. O nekotoryh chertah lichnosti prestupnika molodezhnogo vozrasta i vozmozhnostyah ih ispol'zovaniya pri razrabotke tipologij // Tipologiya lichnosti prestupnika i individual'noe preduprezhdenie prestuplenij. M., 1979. S. 80.

Об авторе: Лабутин А.А., адъюнкт Казанского юридического института МВД России старший инспектор по особым поручениям отдела анализа, планирования и контроля Штаба МВД по Республике Татарстан
e-mail: labutinaa@mail.ru
© Лабутин А.А., 2018
Статья получена: 19.01.2018. Статья принята к публикации: 15.03.2018.
Статья опубликована онлайн: 20.03.2018.

About the author: Labutin Alexandr.A., Post-Graduate of the Kazan Law Institute of the Ministry of Russia Internal Affairs, Senior Inspector on Special Orders of Department of the Analysis, Planning and Control of the Staff of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Tatarstan,
e-mail: labutinaa@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The author has read and approved the final manuscript.

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ КАЗАНСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ



Основы оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел Российской Федерации: учебное пособие / авт. - сост. Е.П. Шляхтин, И.М. Усманов. – Казань. КЮИ МВД России, 2017. – 300 с.

ISBN 978-5-906977-22-9

В учебном пособии представлены основные положения, раскрывающие теорию и практику оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел, которые используются при преподавании учебных курсов по оперативно-розыскной деятельности территориальных и иных органов МВД России (далее – органы внутренних дел и (или) ОВД). Доступность учебного материала позволяет обучающимся восстановить в памяти усвоенный материал и успешно подготовиться к экзамену или зачету.

Предназначено для сотрудников, впервые принимаемых на службу в органы внутренних дел Российской Федерации, проходящих профессиональное обучение по программе профессиональной подготовки, курсантов и слушателей всех форм и направлений подготовки и обучения, а также преподавателей образовательных организаций МВД России и педагогического состава центров профессиональной подготовки территориальных органов МВД России

УДК 343.1. DOI: 10.24420/KUI.2018.31.11113

А.А. Максуров

КООРДИНАЦИОННЫЕ НОРМЫ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ОБ ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СТРАН СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ

COORDINATION STANDARDS IN THE LAW ON INTERNAL AFFAIRS BODIES OF NORDIC COUNTRIES

Введение: в статье рассматриваются проблемы закрепления координационных норм в законодательстве об органах внутренних дел в странах Северной Европы. Отсутствие должной координации в отечественном праве делает работу актуальной.

Цель и задачи исследования – установить уровень координационной юридической технологии в странах Северной Европы и выявить опыт, полезный для реализации в российском праве.

Материалы и методы: методология исследования – совокупность общих и частных методов и методик исследования, основными из которых выступили метод системного анализа, формально-логический подход, а также метод сравнительного правоведения.

Результаты исследования: мы установили, что с точки зрения этимологического подхода координировать – значит согласовывать, то есть устанавливать целесообразное соотношение между какими-либо действиями, явлениями. На основе данного подхода в науке сегодня превалирует смешение координации со схожими явлениями и категориями (например, кооперацией, интеграцией, сотрудничеством).

Такое понимание, по мнению автора, вряд ли будет правильным, поскольку в нем, с одной стороны, игнорируется воля координируемых субъектов и других участников координационного процесса в выработке координационных решений, а сама координация сводится к осуществлению координирующим субъектом своих властных полномочий.

Обсуждение и заключения: из самого понятия координации исходит ее нацеленность на конкретный результат, которым здесь может быть только повышение эффективности координируемых действий и усилий. По сути своей, координация является философской категорией, рассматриваемой в виде системы понятий, категорий и противопоставляемой субординации.

Ценность координации как общенаучной категории заключается в возможности посредством ее получения эффекта синергии той или иной деятельности, каких-либо процессов согласования и координационного взаимодействия.

Путем координации должна достигаться большая эффективность деятельности субъектов, как если бы они действовали в условиях отсутствия координационного согласования и взаимодействия.

Мы полагаем, что в законодательстве стран Северной Европы содержатся координационные нормы и элементы координационной доктрины, которые могут представлять интерес и для отечественного права.

Ключевые слова: координация, конституционные нормы, международное сотрудничество, информация, согласование, полномочия

Для цитирования: Максуров А.А. Координационные нормы в законодательстве об органах внутренних дел стран Северной Европы // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2018. Т. 9, № 1. С. 79-82. DOI: 10.24420/KUI.2018.31.11113

Introduction: problems of consolidation of coordination norms in the legislation on law-enforcement bodies in the countries of Northern Europe are considered. The material is of interest as a positive foreign experience and the possibility of its use in Russia, since it is precisely the lack of proper coordination in the domestic law that makes the work relevant.

The aim and objectives of the study are to establish the level of coordination legal technology in the Nordic countries and to determine what is applicable in Russian law.

Materials and Methods: the methodology of the study is a set of general and particular methods and methods of research, the main ones being the method of system analysis, the formal logical approach, and the method of comparative law.

Results: we have established that, from the point of view of the etymological approach, it is therefore necessary to coordinate, that is, to establish an appropriate relationship between any actions and phenomena.

On the basis of this approach in science today, the blending of coordination with similar phenomena and categories prevails (for example, cooperation, integration, cooperation).

This understanding is unlikely to be correct, since it, on the one hand, ignores the will of coordinated actors and other participants in the coordination process in the development of coordination decisions, and coordination itself is reduced to the exercise by the coordinating entity of its power.

Discussion and Conclusions: from the very concept of coordination comes its focus on a concrete result, and the result here can only be to increase the effectiveness of coordinated actions and efforts. In essence, coordination is a philosophical category, considered in the form of a system of concepts, categories and opposing subordination.

The value of coordination as a general scientific category lies in the possibility through its obtaining of the synergy effect of an activity, any coordination processes and coordination interaction.

By coordination, a greater effectiveness of the actors' activities should be achieved as if they acted in the absence of coordination coordination and interaction.

We believe that the legislation of the Nordic countries contains coordination norms and elements of coordination doctrine, which may be of interest for the domestic law.

Key words: coordination, constitutional norms, international cooperation, information, authorization

For citation: Maksurov A.A. Coordination standards in the law on internal affairs bodies of Nordic countries // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2018. V. 9, № 1. P. 79-82. DOI: 10.24420/KUI.2018.31.11113

Введение

Наряду с традиционными видами деятельности – борьбой с преступностью и профилактикой преступных проявлений, органы внутренних дел Российской Федерации сегодня выполняют и другие задачи – по предотвращению терроризма и проявлений экстремизма, профилактике радикализации общественных явлений и процессов, деятельности по охране общественного порядка в период проведения массовых акций, противодействию незаконной миграции и т.п. Все указанные действия немыслимы без четкой координации действий, в том числе координации в сотрудничестве полиции и других субъектов права.

Однако, как показывает практика, необходимая координация действий осуществляется далеко не всегда. В связи с этим целесообразно рассмотреть, как именно решаются отдельные вопросы координации взаимодействия полиции и общества в странах Европы, например в странах Скандинавии.

Результаты исследования

Обратившись к опыту Дании, мы установили, что сегодня особо актуальными считаются проблемы координации борьбы с экстремизмом. «Сигналы опасности радикализации должны быть выявлены и решены как можно раньше. Правительство представляет всеобъемлющий план действий по предотвращению экстремизма и радикализации молодежи. В плане действий, среди прочего, отмечается необходимость сосредоточения на работе совместных групп (из числа представителей школ, социальных служб и полиции), так, чтобы они были лучше оснащены, чтобы достичь как можно более быстрых и скоординированных мер реагирования»[1].

Координация рассматривается как способ повышения эффективности интеграции. «Специальное подразделение будет создано в Министерстве по делам беженцев, иммиграции и интеграции с целью укрепления и координации усилий по борьбе с силами, направленными на подрыв основы для интеграции. При этом такая работа должна проводиться в тесном взаимодействии полиции и общественности»[2].

Координационные нормы в Швеции также применяются в очень важных сферах регулирования.

Так, в Швеции действует обособленное Управление полиции по вопросам координации (Предотвращение насильственного конфликта – Шведский план действий, ID-номер: Ds 1999: 24)[3].

В Плане действий органов власти Швеции по защите демократии от экстремизма сказано, что «работа по выявлению и поддержке лиц, которые рискуют оказаться в экстремистской среде, не мо-

[1] Официальное сообщение правительства Королевства Дании // URL: http://www.stm.dk/index.dsp?page=10994&action=page_overview_search&l1_valg= 2789&l2_ valg=2790/ (дата обращения: 28.02.2018)
[2] Там же.
[3] Предотвращение насильственного конфликта - Шведский план действий, ID-номер: Ds 1999: 24). URL: http://www.government.se/contentassets/2cbe17469e674cbcbdda14a564963d9f/preventing-violent-conflict---a-swedish-action-plan (дата обращения: 28.02.2018)

жет быть ограничена одной задачей для небольшого числа органов власти или общественных субъектов. Для эффективного противодействия насильственному экстремизму должны сотрудничать власти, муниципалитеты, организации гражданского общества и делового сектора и другие соответствующие субъекты. Необходимо скоординировать различные инициативы, потому что разные формы экстремизма имеют сходство и могут быть предотвращены с использованием аналогичных мер» (План действий по защите демократии от экстремизма, усиливающего насилие, ID-номер: Skr. 2011/12: 44)[1].

Вот один из случаев практического применения полицией координационного механизма в сфере противодействия экстремизму: «Полицейские власти в округах Стокгольма, Вестра Гёталанд и Сконе создали специальную должность – «полицейские офицеры связи» – в качестве связующего звена между полицейскими и теми, кто организует различные виды митингов и демонстраций. Основная цель проекта – защитить законное право людей на демонстрацию. Сотрудники службы связи распространяют информацию между полицейскими и группами, которые организуют демонстрации и другие проявления мнений. Эти группы чаще всего не являются крайне правыми или автономными. Сотрудники связи также находятся в контакте с группами, которые сами по себе являются ненасильственными, но подвергаются риску подвергнуться нападению со стороны других групп. Цель этих офицеров связи заключается в том, чтобы избежать недоразумений, когда проводятся митинги и демонстрации, и создать совместную стратегию, как они должны контролироваться, чтобы избежать преступлений и общественных беспорядков» (План действий по защите демократии от экстремизма, способствующего насилию, ID номер: Skr. 2011/12: 44)[2].

Другой пример практической деятельности полиции: «Полицейские власти также принимают специальные меры для борьбы с преступлениями на почве ненависти. В окружной полиции Стокгольма работа по борьбе с преступления на почве ненависти координируется специальным подразделением по борьбе с преступлениями на почве ненависти. Это подразделение обучает персонал методам борьбы с жертвами преступлений и оказывает поддержку в связи с расследованием предполагаемых преступлений на почве ненависти с целью увеличения числа обвинительных приговоров за преступления, мотивированные ненавистью» (План действий по защите демократии от экстремизма, способствующего насилию, ID-номер: Skr. 2011/12: 44)[3].

В Норвегии также имеются акты, регулирующие координацию взаимодействия полиции и общества.

Так, согласно параграфу 2 Правил охраны природы и безопасности в Антарктике, установлены условия координации в сфере охраны окружающей среды[4]. В параграфе 34 сказано, что «региональные органы полиции должны координировать свою деятельность в данной сфере с центральным правительством, а также общественными организациями»[5].

Полноценно определены сфера и формы координации, координационные полномочия и процедура их реализации и в статье 3 Акта об инфраструктуре для сбора географической информации[6].

Обсуждение и заключения

Мы полагаем, что проведенное исследование представляет интерес с точки зрения восприятия позитивного зарубежного опыта и возможного его использования в правоохранительной деятельности России.

Результаты проведенного исследования свидетельствуют, что в странах Скандинавии именно путем координации решаются многие актуальные проблемы правового положения и организационного построения взаимодействия органов внутренних дел и общественно активных сил. Благодаря координации происходит обеспечение законности в деятельности полиции, а также ее результативность и эффективность.

Однако очевидно, что не все из опыта стран Северной Европы в указанной сфере для нас приемлемо.

Например, в Дании работа специальных подразделений по делам иностранцев, скорее, носит характер социальной помощи лицам, прибывшим в королевство из-за рубежа, нежели правоохраны. У данного органа отсутствует четкая взаимосвязь с прокуратурой и с Министерством иностранных дел.

[1] План действий органов власти Швеции по защите демократии от экстремизма, усиливающего насилие, ID-номер: Skr. 2011/12: 44) URL: http://www.government.se/contentassets/b94f163a3c5941aebaeb78174ea27a29/action-plan-to-safeguard-democracy-against-violence-promoting-extremism-skr.-20111244 (дата обращения: 28.02.2018)
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Regulations relating to the protection of the environment and safety in Antarctica (Правила охраны природы и безопасности в Антарктике). URL: https://www.regjeringen.no/en/dokumenter/protection-environment-safety-antarctica/id724506/ (дата обращения: 28.02.2018).
[5] Там же.
[6] Act on an infrastructure for geographical information (Spatial Data Act) (Акт об инфраструктуре для сбора географической информации). URL: https://www.regjeringen.no/en/dokumenter/protection-environment-safety-antarctica/id724506/ (дата обращения: 28.02.2018).

Деятельность шведского Управления полиции по вопросам координации пока еще не урегулирована на законодательном уровне. Филиальной сети данный орган не имеет и оперативно-розыскную деятельность не координирует.

В Норвегии до настоящего времени отсутствует единая информационная база в части профилактики правонарушений в сфере природопользования, хотя она могла бы быть эффективной формой координации.

Тем не менее, исходя из имеющегося зарубежного опыта, мы полагаем целесообразным ввести некоторые изменения и в российское законодательство, практику органов внутренних дел России.

Во-первых, необходимо расширить возможности профилактики радикализации общества. Подразделения «Э» системы органов внутренних дел России «заточены» на борьбу с экстремизмом, выявление и пресечение такого рода фактов, однако не всякая радикализация приводит к экстремизму, в связи с чем при отсутствии признаков уголовно-наказуемых деяний или административных правонарушений данная деятельность может оказаться за пределами сферы интересов указанных подразделений.

Во-вторых, необходимо больше внимания уделять тщательному планированию работы по противодействию радикализации общества и ее координации. Возможно, в этой части могут стать эффективными совместные рабочие группы (из числа представителей школ, социальных служб и полиции).

В-третьих, возможно создание в рамках Министерства внутренних дел Российской Федерации специального подразделения по делам беженцев, иммиграции и интеграции с целью укрепления и координации усилий по борьбе с экстремистскими силами.

В-четвертых, возможно использование шведского опыта, где действует обособленное Управление полиции по вопросам координации с возможностью работы данного подразделения по единым информационным базам.

В-пятых, предлагаем по опыту полиции Стокгольма ввести специальную должность – «полицейский офицер связи» – в качестве связующего звена между полицейскими и теми, кто организует различные виды митингов и демонстраций.

В-шестых, вновь по опыту полиции Стокгольма возможна координация работы по борьбе с преступлениями на почве ненависти специальным подразделением по борьбе с преступлениями на почве ненависти. В Швеции это подразделение обучает персонал методам борьбы с жертвами преступлений и оказывает поддержку в связи с расследованием предполагаемых преступлений на почве ненависти.

В-седьмых, полезны и внутриведомственные органы координации борьбы с нарушениями в сфере законодательства об охране окружающей среды, как это, например, реализовано в Норвегии.

Об авторе: Максуров Алексей Анатольевич, кандидат юридических наук, доцент, преподаватель кафедры теории и истории государства и права Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова.
e-mail: maxurov78@yandex.ru
© Максуров А.А., 2018
Статья получена: 14.12.2017 Статья принята к публикации: 15.03.2018
Статья опубликована онлайн: 20.03.2018

About the author: Maksurov Aleksei A., Candidate of Law, Associate Professor, Teacher of the Department of Theory and History of State and Law of the Yaroslavl State University named after P.G. Demidov
e-mail: maxurov78@yandex.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The author has read and approved the final version of the manuscript.

УДК 341.48:323.28 DOI: 10.24420/KUI.2018.31.11113

М.В. Андреев

INTERNATIONAL TERRORISM AS A KEY THREAT TO SECURITY IN THE XXIST CENTURY

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ТЕРРОРИЗМ – ОСНОВНАЯ УГРОЗА БЕЗОПАСНОСТИ В XXI ВЕКЕ

Introduction: the article elaborates on contemporary aspects of increasing the effectiveness of international legal mechanisms of countering terrorism as a global threat to peace and security.

Results: different ways of transformation of UN mechanisms are discussed, and many myths about international terrorism and counter-terrorism strategies as reflected in international law doctrines and states' practices are put into question.

Key words: international terrorism, Islamic terrorism, migration crisis in Europe, global and regional security, strengthening of peace and security, contemporary challenges and threats

For citation: Andreev M.V. International terrorism as a key threat to security in the XXI-st century // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2018. V. 9, № 1. P. 83-92. DOI: 10.24420/KUI.2018.31.11113

Введение: в статье раскрываются современные аспекты повышения эффективности международно-правовых механизмов противодействия терроризму как глобальной угрозе миру и безопасности.

Результаты исследования: обосновываются различные пути трансформации механизмов Организации Объединенных Наций, подвергаются сомнению многие «мифы» в отношении международного терроризма и стратегий его пресечения в международно-правовой доктрине и практике отдельных государств.

Ключевые слова: международный терроризм, исламский терроризм, миграционный кризис Европы, глобальная и региональная безопасность, укрепление мира и безопасности, современные вызовы и угрозы

Для цитирования: Андреев М.В. Международный терроризм – основная угроза безопасности в XXI веке // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2018. Т. 9, № 1. С. 83-92. DOI: 10.24420/KUI.2018.31.11113

Introduction

Global terrorism is usually considered a key problem of security nowadays. However, terrorism on a national level is nothing new. Terrorism as a method of struggle, especially with scarce resources that different opposition forces have had, has been relatively widespread throughout the history of the world. According to some accounts, the definition of terror was born during the French Revolution – the Jacobin Terror aimed to openly eliminate some people to terrorize the others. There are earlier mentions of terror as well. It has been said that "one of the earliest terrorist groups were sicarii, a well-organized sect in Palestine in 66-73 AD" [1]. Later, in the 11th century, an independent Nizari state formed on the lands of contemporary Iran, and they started actively using terror acts against other states (namely, Seljuk sultanates) – what can be called acts of international terrorism [2, p.172].

Materials and Methods

Terror's – in its Roman meaning "horror" – main function is to intimidate state institutions and societies through extreme means of violence which are accompanied by mass propaganda. Appropriate targets, capable of eliciting mass panic, are chosen. An illustrative example is 9/11, when along with the loss of thousands of lives there was collateral damage – total intimidation of TV viewers around the world. And the attack was envisioned as such, "if the planes crushed into the skyscrapers almost simultaneously, hardly anyone of the camerapersons could shoot that disturbing spectacle" [3, p.127]. A fair evaluation says that "thanks to modern media a person – a TV viewer, a radio listener, a reader, an Internet user – not only feels like he/she is an eyewitness of a terrorist attack, but also in some way like a participant of that tragedy, no matter what was the time or the place" [4].

Terror is not just violence, it's a method of aggressive action, a form of war, where the object of attack are peaceful civilians, not armed forces.

There is a preconception that contemporary terrorist wars are only linked to Islam. In particular, there is this approach, "Terror as a form of resolving tensions between different groups in Islam, and especially in clashes with non-Islamic world, has been a widespread practice within the Shahid concept – a martyr death in a fight against the infidels" [2, p.173]. However, despite the fact that the majority of terrorist attacks are indeed perpetrated by "Muslims" (extreme fundamentalists), we can hardly agree with such a statement. As one of the influential Islamic ideologists Sheikh Abdul Latif Mushtagri said, "Islam doesn't seek a victory by the sword, it won over the sword and prohibited the sword. Quran has always exalted the victory of peace, and everything that is needed from us is self-defense, the defense of our religion, our honor, property, and progeny" [2, p.83].

According to the Islamic concept of the world order war can be waged to:

- repel an act of aggression against the Islamic community;
- restore a violated right (justice);
- guarantee free practice of religion;
- cooperate to create an effective system of peace and security [2, p.82].

With that in mind, it's wrong and dangerous to study terrorism as a specifically Arabian- or Islam-designed phenomenon. The main sources of terrorism around the world are "smoldering" regional and intra-national conflicts, the sides of which, having counterproductive approaches to conflict resolution, obtained opportunities to consolidate because of globalization. As UN Secretary General pointed out in "Uniting Against Terror: Cooperative Nonmilitary Responses to the Global Terrorist Threat", "Many terrorist groups have emerged in the context of local or regional violent conflicts, some of which serve as a rallying cry for terrorist leaders in faraway regions. Prolonged unresolved conflicts in particular often create conditions conducive to exploitation by terrorists and as such must not be allowed to fester, however intractable they might seem. In addition, suicide terrorism campaigns often occur in the context of foreign occupation or perceived foreign occupation. It follows that successful conflict resolution efforts and attention to issues arising in the context of foreign occupation or perceived occupation can help to reduce the prevalence of terrorism in the long term"[1].

Mass killings of people in some areas or based on their ethnicity (like Jews in the Third Reich), non-conclusive resolutions for territorial disputes with mixed populations (Kashmir, Karabakh), seeking self-determination (Kurds, Chechens), cultural clashes (Kashmir – Muslims and Hindus, Karabakh – Christians and Muslins, Palestine – Jews and Muslims) – these are all primary sources of terrorism. As we know, the end of the 20th century was full of geopolitical and civilizational shifts (such as the collapses of the USSR and Yugoslavia) and was characterized by an upsurge in regional and intra-national conflicts. Such conflicts are always linked with ensuing years of economic crises, mass migrant unemployment, and orgies of crime. Hence come thousands of volunteers of international terrorism.

However, before 9/11 global community had been rather equanimous towards international terrorism. And only after the horrible attack on America a search started to find solutions, first and foremost effective means of retaliation. International terrorism thus uncovered a number of serious problems.

Results

Firstly, contemporary international law doesn't have a unified approach towards international terrorism. Such a consensus definition is absolutely indispensable to at least qualify actions, choose means (of national or international legal defense) and jurisdiction, and much more. The work on the unified definition of terrorism has been going on for some time now, but to no avail. As far back as in 1972, the UN General Assembly established an ad hoc committee to define terrorism. Professor Ye. G. Lyakhov, who has studied many definitions of terrorism proposed by the committee, opines that those definitions are quite different; some of them mix terrorism with international terrorism, object and subject of a crime; a number of points, such as considering terrorism an international crime, acknowledging its extremely dangerous nature, etc., can be taken into account to work out unified contents of the definition of international terrorism [5]. It must be said that the lack of such definition hasn't allowed including international terrorism into the purview of the International Criminal Court (it only deals with genocide, crimes against humanity, war crimes, and aggression). Today we are dealing with a situation where essentially different actions perpetrated by different sides of a conflict, can be recognized as anti-terrorist operations, on one side, and terrorist acts, on the other side. A good example is Iraqis and their struggle with the occupants from the "anti-Iraq coalition" [6, p.26].

Terrorism is defined as a separate crime in many criminal codes. Russian Crimimal Code defines terrorism as "carrying out of an explosion, arson or other actions intimidating the population, and

[1] Uniting Against Terror: Cooperative Nonmilitary Responses to the Global Terrorist Threat. United Nations, A/60/825, 2006. April, 26.

creating the threat of human death, of infliction of significant property damage or the onset of other grave consequences, for the purpose of influencing the taking of a decision by authorities or international organizations, and also the threat of commission of the said actions for the same purposes"[1]. However, one must admit that this definition is far from ideal. In particular, it doesn't list of the goals which a terrorist attack may pursue. For example, provocations of war, changes in a country's reputations, and many other goals may also take place. It's even more complicated with international terrorism – how to find that thin borderline between national and international terrorism. By perpetrators' identities, by an object of a crime, or by a scale of repercussions? There is no single approach. Moreover, with the progress of globalized society terrorism also changes, and new types and aspects of it appear. For example, according to experts, "norms which regulate new types of terrorism, such as political terrorism, profit-seeking terrorism, cyberterrorism, information terrorism, space terrorism, etc., have not yet been codified" [6, p.38].

Secondly (and mainly), the main question in today's practice of international terrorism is choosing the mechanisms of handling subjects of terrorist activities (means of response, their direction, limits, etc.). Terrorists can only be brought to justice in national courts. However, in cases of international terrorism such criminals (actual and potential perpetrators) are, as rule, outside of the victim state. So, a question of international cooperation arises. In current practice, there are the following international legal mechanisms:

– within universal organizations (primarily through the UN Security Council Counter-Terrorism Committee);

– within regional organizations (OSCE Anti-Terrorist Unit, Regional Counter-Terrorism Structure of the Shanghai Cooperation Organization, CIS Anti-Terrorism Center, etc.);

– within regional agreements (Council of Europe Convention on the Prevention of Terrorism, signed by Russia on November 17th, 2005);

– within bilateral formats (workgroups Russia – Germany, Russia – USA, etc.);

– within cooperation ties with specialized organizations (Interpol, FATF, and others).

All these formats imply peaceful international dialog through political and diplomatic efforts. However, after 9/11 the US made their bet on force scenarios of international ties. Formally, the US were justified by the ensuing decisions of the UN Security Council. On September 12th, 2001, the UN said that it "unequivocally condemns in the strongest terms the horrifying terrorist attacks which took place on 11 September 2001 in New York, Washington, D.C. and Pennsylvania and regards such acts, like any act of international terrorism, as a threat to international peace and security"[2]. On September 28th, the UN Security Council reiterated the necessity to fight by all means necessary (including military) with threats to peace and security, as precluded by article 51 of the UN Charter[3]. But is the right to self-defense so undisputed after such acts of international terrorism?

Article 51 of the UN Charter doesn't define a subject of an armed attack (i. e. it can be a state and a non-state agent), so the right to self-defense can be enacted as a response to attacks from non-state organizations, basically from any group of people. However, it's important to understand against whom and in what measure can these countermeasures be taken. As we know, 15 of the 19 perpetrators of 9/11 attacks were Saudi Arabians, but the military operations were directed against Afghanistan and Iraq without an appropriate decision by the UN Security Council. As a result of such "retaliation" against states, not against people whose guilt had not yet been proved, thousands of innocents have died. No justifications – WMDs, displacement of authoritarian governments, etc. – can serve as excuses, including a legal one. As Ye. M. Primakov said, "no sanctions should be used as means to punish peoples or weapons to overthrow governments" [7]. An adequate but very weighted policy is needed to combat terrorism. An unjustified use of force, especially against peaceful population, can only bring up more terrorists. We can all be witnesses to that – more and more terrorist attacks occur in Iraq every day. It's well-known that the global community has condemned operations of retaliation because they don't have enough legal ground. Yes, the UN Security Council stated the act of aggression and pointed at the possibility of using article 51, but against whom? Obviously, the answer can only be given by the UN Security Council. When there is no link between an attack and a state, military countermeasures of self-defense are unjustified.

Another pertinent problem of effectively combating international terrorism is justifications for preemptive measures. It's often senseless to exact resistance, including with the use of armed forces, after the fact of a terrorist attack. That's where we come to the question of "preemptive self-defense". International law doesn't usually give legal instruments for that; you need a direct armed attack to enact an enforced retaliation. However, today many states retain the right for

[1] Criminal Code of the Russian Federation. Chapter 23, article 205.
[2] United Nations Security Council Resolution 1368, 12th September 2001.
[3] United Nations Security Council Resolution 1373, 28th September 2001.

preemptive action. President Vladimir Putin has also sad that Russia can execute the right for preemptive strikes against terrorists and their bases, their financial sponsors and ideological masterminds, wherever all those may be situated. Russian operation is Syria is, in essence, a preemptive operation, something that has been many times states by the country's leadership. Syrian state is no limit for the militants – their goal to sow chaos around the world, and primarily where there is resistance against them. It's late to bomb terrorists after terrorists attacked, such as in case with November 13th, 2015, attacks in Paris which took dozens of lives and brought panic. That's a serious problem which needs a resolution. According to the High Panel on Challenges, Threats and Change, article 51 of the UN Charter is the only norm which regulates the right to self-defense and it must not be revised, but there is a need for interpretations of self-defense efforts and arbitrations of disputes.

The UN International Court of Justice opined about the military and paramilitary action against Nicaragua in 1986 that article 51 does not fully cover self-defense (for example, there are no mentions of necessity and proportionality, which are common for international law) [8].

Practical difficulties with preemptive use of force in anti-terrorist measures arise in the following cases:

1. A state announces its right to make a self-defending preemptive strike as a response to an indirect threat.

2. A state creates an external threat (real or potential) to other states or people outside its borders, but the UN Security Council has disagreements about the nature of countermeasures.

3. A situation where a threat is mostly internal, i. e. the danger is threatening to the population of a certain state[1].

The High Panel in its report to the UN General Assembly gave an interpretation of article 51: "A state is an object of a threat and can take action if the threat of attack is direct, and no other means can eliminate it, and such action is proportionate with the threat"[2]. In the same report, the High Panel made an almost contradictory conclusion, "For those impatient with such a response, the answer must be that, in a world full of perceived potential threats, the risk to the global order and the norm of non-intervention on which it continues to be based is simply too great for the legality of unilateral preventive action, as distinct from collectively endorsed action, to be accepted"[3]. And that's the only correct approach – existing international laws do not provide any legal basis for the states to use armed forces as a preemptive measure without a relevant permission by the UN Security Council. Many Western experts express an absolutely unacceptable position on this. According to Michael Glennon, after 9/11 two security systems have emerged – the de facto one where states are free to choose means of defense, and the de jure one which, in his opinion, collapsed [9]. We cannot agree with that. However, it is necessary to adapt international law to the existing challenges of international terrorism, and many Russian international researchers agree with that. Alexander Konovalov, President of the Institute of Strategic Estimations and Analysis, said, "We need to think about how to collectively modernize international law. One cannot defeat international terrorism by mere defense. We need to act preemptively"[4]. Maybe, the modernization of the right to self-defense will be reflected in a proposed Comprehensive Convention on Terrorism, which, unfortunately, has not been adopted yet.

Another contentious question in the problem area of armed response to international terrorism is the implementation of the principle of necessary and proportionate self-defense, which has been more than once mentioned by the UN ICJ as common in international law. It's very complicated to define proportionate measures for retaliation against terrorist attacks. E. G. Gureeva is justly saying that a force necessary to eliminate a terrorist threat "can be much bigger than the one that was used in the terrorist attack. Terrorists often act through a non-interlinked network of cells using financial support which was provided covertly. Furthermore, it's very difficult to influence plans of fanatical terrorists who are ready to die for their cause. Fighting such people is an extremely complex task, which in many cases warrants serious enforcement measures" [6, p. 89]

In the question of the implementation of such countermeasures and in anti-terrorist policies in general, especially by the US, there is another side. For the US's ruling groups the appearance of a new enemy is a good pretext to subdue many countries to their influence and is in a large measure a purely financial calculation. Former US Minister of Justice William R. Clarke said this about the contemporary US's anti-terrorist policy, "Globalization has no other motivation than profit. Today, during the time of economic downturn in the US, a war (preferably a large-scale one, but without major human losses) becomes even

[1] A More Secure World: Our Shared Responsibility (report by High-Level Panel of Threats, Challenges and Changes). United Nations, A/59/565. P. 67. URL: www.un.org/secureworld (accessed: 06.03.2018).
[2] Ibid.
[3] Ibid.
[4] Results of the NATO-Russia Istanbul Summit. M., 2004. P. 25.

more necessary for the fragile American economy. And you cannot think of something better than the so-called War on Terror in this case" [3, p.233] However ugly that sounds, such a vision also exists. In general, the problem of funding comes on the foreground in the matter of international terrorism today. The global community has concentrated on crushing the channels of such activities. A number of conventions and special protocols against terrorism funding have been adopted. Implementing such measures helped to block the alleged terrorist funds of 112 million USD just in the three months after 9/11[1]. And this is an exceptionally effective way of fighting terrorism. All in all, war on terror should not exceptionally and even predominantly be a war effort per se[2]. According to V. N. Likhachyov, "a global challenge is the nature of the global terrorism itself, and it warrants sociopolitical, judicial and diplomatic measures which are adequate in forms and resources. The main responsibility for their creation and implementation is on the state structures with support from the civil society"[3]. Business community must also be involved in this struggle. One timely and effective example is the proposed Strategy for Anti-Terrorist Partnership of State and Business, made by G8 with Russia's initiative. There are already realized projects, in particular, a project for raising the effectiveness of international cooperation to suppress contraband of raw precious metals used to finance organized crime and terrorism. The project was initiated by Norilsk Nickel and implemented together with the World Customs Organization, UN Office on Drugs and Crime, UNICRI, and OSCE.

Every terrorist attack is rooted in financial interests of its sponsors. It's worth remembering, however, that some terrorist attacks require relatively small resources.

UN in a fight against international terrorism

President Vladimir Putin said at the UN General Assembly on September 28th, 2015, "We consider all attempts of playing with terrorists to be dangerous. Terrorist threat can consume the world. Militants from different countries, including Europe, receive training in terrorist camps. We cannot allow these cutthroats, who have already tasted blood, returned to their homes and continue their dark deeds there. <…> We offer <…> to unite efforts to solve existing tasks and to create a real wide international anti-terrorist coalition on the basis of international law"[4].

It's impossible to comprehensively review all the existing legal forms and methods of the fight with international terrorism (on regional and national levels) within one research, so we give an analysis of relevant mechanisms on a universal level. Only united efforts can fight with terrorism as a key threat to contemporary international security. The fight with international terrorism started earlier than the 21st century. On the universal level, the League of Nations made the first step by proclaiming terrorism unlawful in 1934. As a result of a wide discussion, Convention for the Prevention and Punishment of Terrorism was adopted but did not come into effect. Since 1963, the global community in the UN and its special institutions has created 13 anti-terrorist documents which are open for everyone to join. In December 1994, the General Assembly again turned to the problem of terrorism in its Declaration of Measures to Eliminate International Terrorism (A/RES/49/60). In 1996, the Ad Hoc Committee on Terrorism was established (A/RES/51/210). The General Assembly has since turned to this issue on a regular basis. Within the Committee, its member states have been discussing a comprehensive convention on international terrorism since 2000.

On March 10th, 2005, in the days of the first anniversary of the Madrid Metro attacks and during preparations to the September summit, Secretary General Kofi Annan reported on the results of the High Panel and suggested creating a comprehensive counterterrorism strategy. The strategy should include five main points: dissuading terrorist groups from committing violence; limiting their means of attack; limiting the support of terrorist groups by other countries; developing countries' capacities to prevent terrorism; defending human rights in anti-terrorist activities[5]. The Global Counter-Terrorism Strategy was adopted in 2006 (A/RES/60/288). Importantly, the Strategy aims to eliminate conditions which help the spread of terrorism. In brief, it offers the following measures:

1. To continue to strengthen and make best possible use of the capacities of the United Nations in areas such as conflict prevention, negotiation, mediation, conciliation, judicial settlement, rule of law, peacekeeping and peacebuilding,

2. To continue to arrange under the auspices of the United Nations initiatives and programmes to promote dialogue, tolerance and understanding among civilizations, cultures, peoples and religions, and to promote mutual respect for and

prevent the defamation of religions, religious values, beliefs and cultures.

[1] A More Secure World: Our Shared Responsibility. P. 56.
[2] Pro et Contra: Discussing Option in Protecting Euro-Atlantic Security. Brussels: NATO, 2004. P. 13.
[3] OON i bor'ba s mezhdunarodnym terrorizmom. M.: Council of the Federation, 2006. P. 7.
[4] URL: https://lenta.ru/articles/2015/09/28/un_putin/ (accessed: 06.03.2018).
[5] URL: http://www.un.org/russian/terrorism/framework.shtml (accessed: 06.03.2018).

3. To promote a culture of peace, justice and human development, ethnic, national and religious tolerance and respect for all religions, religious values, beliefs or cultures by establishing and encouraging, as appropriate, education and public awareness programmers involving all sectors of society.

4. To continue to work to adopt such measures as may be necessary and appropriate and in accordance with our respective obligations under international law to prohibit by law incitement to commit a terrorist act or acts and prevent such conduct.

5. To reiterate our determination to ensure the timely and full realization of the development goals and objectives agreed at the major United Nations conferences and summits, including the Millennium Development Goals.

6. To pursue and reinforce development and social inclusion agendas at every level as goals in themselves, recognizing that success in this area, especially on youth unemployment, could reduce marginalization and the subsequent sense of victimization that propels extremism and the recruitment of terrorists;

7. To encourage the United Nations system as a whole to scale up the cooperation and assistance it is already conducting in the fields of rule of law, human rights and good governance to support sustained economic and social development.

8. To consider putting in place, on a voluntary basis, national systems of assistance that would promote the needs of victims of terrorism and their families and facilitate the normalization of their lives.

Measures to prevent and combat terrorism:

1. To refrain from organizing, instigating, facilitating, participating in, financing, encouraging or tolerating terrorist activities and to take appropriate practical measures to ensure that our respective territories are not used for terrorist installations or training camps, or for the preparation or organization of terrorist acts intended to be committed against other States or their citizens;

2. To cooperate fully in the fight against terrorism, in accordance with our obligations under international law, in order to find, deny safe haven and bring to justice, on the basis of the principle of extradite or prosecute, any person who supports, facilitates, participates or attempts to participate in the financing, planning, preparation or perpetration of terrorist acts or provides safe havens;

3. To ensure the apprehension and prosecution or extradition of perpetrators of terrorist acts, in accordance with the relevant provisions of national and international law, in particular human rights law, refugee law and international humanitarian law. We will endeavour to conclude and implement to that effect mutual judicial assistance and extradition agreements and to strengthen cooperation between law enforcement agencies;

4. To intensify cooperation, as appropriate, in exchanging timely and accurate information concerning the prevention and combating of terrorism;

5. To strengthen coordination and cooperation among States in combating crimes that might be connected with terrorism, including drug trafficking in all its aspects, illicit arms trade, in particular of small arms and light weapons, including man-portable air defence systems, money-laundering and smuggling of nuclear, chemical, biological, radiological and other potentially deadly materials;

6. To consider becoming parties without delay to the United Nations Convention against Transnational Organized Crime and to the three protocols supplementing it and implementing them;

7. To take appropriate measures, before granting asylum, for the purpose of ensuring that the asylum-seeker has not engaged in terrorist activities and, after granting asylum, for the purpose of ensuring that the refugee status is not used in a manner contrary to the provisions set out in section II, paragraph 1, above;

8. To encourage relevant regional and subregional organizations to create or strengthen counter-terrorism mechanisms or centres. Should they require cooperation and assistance to this end, we encourage the Counter-Terrorism Committee and its Executive Directorate and, where consistent with their existing mandates, the United Nations Office on Drugs and Crime and the International Criminal Police Organization, to facilitate its provision;

9. To acknowledge that the question of creating an international centre to fight terrorism could be considered, as part of international efforts to enhance the fight against terrorism;

10. To encourage States to implement the comprehensive international standards embodied in the Forty Recommendations on Money-Laundering and Nine Special Recommendations on Terrorist Financing of the Financial Action Task Force, recognizing that States may require assistance in implementing them;

11. To invite the United Nations system to develop, together with Member States, a single comprehensive database on biological incidents, ensuring that it is complementary to the biocrimes database contemplated by the International Criminal Police Organization. We also encourage the Secretary-General to update the roster of experts and laboratories, as well as the technical guidelines and procedures, available to him for the timely and efficient investigation of alleged use. In addition, we note the importance of the proposal of the Secretary-General to bring together, within the framework of the United Nations, the major biotechnology stakeholders, including industry, the

scientific community, civil society and Governments, into a common programme aimed at ensuring that biotechnology advances are not used for terrorist or other criminal purposes but for the public good, with due respect for the basic international norms on intellectual property rights;

12. To work with the United Nations with due regard to confidentiality, respecting human rights and in compliance with other obligations under international law, to explore ways and means to:

(a) Coordinate efforts at the international and regional levels to counter

terrorism in all its forms and manifestations on the Internet;

(b) Use the Internet as a tool for countering the spread of terrorism, while

recognizing that States may require assistance in this regard;

13. To step up national efforts and bilateral, subregional, regional and international cooperation, as appropriate, to improve border and customs controls in order to prevent and detect the movement of terrorists and prevent and detect the illicit traffic in, inter alia, small arms and light weapons, conventional ammunition and explosives, and nuclear, chemical, biological or radiological weapons and materials, while recognizing that States may require assistance to that effect;

14. To encourage the Counter-Terrorism Committee and its Executive Directorate to continue to work with States, at their request, to facilitate the adoption of legislation and administrative measures to implement the terrorist travel-related obligations and to identify best practices in this area, drawing whenever possible on those developed by technical international organizations, such as the International Civil Aviation Organization, the World Customs Organization and the International Criminal Police Organization;

15. To encourage the Committee established pursuant to Security Council resolution 1267 (1999) to continue to work to strengthen the effectiveness of the travel ban under the United Nations sanctions regime against Al-Qaida and the Taliban and associated individuals and entities, as well as to ensure, as a matter of priority, that fair and transparent procedures exist for placing individuals and entities on its lists, for removing them and for granting humanitarian exceptions. In this regard, we encourage States to share information, including by widely distributing the International Criminal Police Organization/United Nations special notices concerning people subject to this sanctions regime;

16. To step up efforts and cooperation at every level, as appropriate, to improve the security of manufacturing and issuing identity and travel documents and to prevent and detect their alteration or fraudulent use, while recognizing that States may require assistance in doing so. In this regard, we invite the International Criminal Police Organization to enhance its database on stolen and lost travel documents, and we will endeavour to make full use of this tool, as appropriate, in particular by sharing relevant information;

17. To invite the United Nations to improve coordination in planning a response to a terrorist attack using nuclear, chemical, biological or radiological weapons or materials, in particular by reviewing and improving the effectiveness of the existing inter-agency coordination mechanisms for assistance delivery, relief operations and victim support, so that all States can receive adequate assistance. In this regard, we invite the General Assembly and the Security Council to develop guidelines for the necessary cooperation and assistance in the event of a terrorist attack using weapons of mass destruction;

18. To step up all efforts to improve the security and protection of particularly vulnerable targets, such as infrastructure and public places, as well as the response to terrorist attacks and other disasters, in particular in the area of civil protection, while recognizing that States may require assistance to this effect[1].

Aside from the Global Counter-Terrorism Strategy, the UN also adopted 13 other documents on the fight with terrorism;

1. The Convention on Offences and Certain Other Acts Committed on Board Aircraft, or the Tokyo Convention (1963). The Convention is applicable to offences against penal law and to any acts jeopardizing the safety of persons or property on board civilian aircraft while in-flight and engaged in international air navigation. Coverage includes the commission of or the intention to commit offences and certain other acts on board aircraft registered in a Contracting State in-flight over the high seas and any other areas beyond the territory of any State in addition to the airspace belonging to any Contracting State. Criminal jurisdiction may be exercised by Contracting States other than the State of Registry under limited conditions, viz, when the exercise of jurisdiction is required under multilateral international obligations, in the interest of national security, and so forth. The Convention, for the first time in the history of international aviation law, recognises certain powers and immunities of the aircraft commander who on international flights may restrain any person(s) he has reasonable cause to believe

[1] Counter-Terrorism Implementation Task Force (A/RES/60/288). URL: http://www.un.org/russian/terrorism/trategy_ctionplan.shtml (accessed: 06.03.2018).

is committing or is about to commit an offence liable to interfere with the safety of persons or property on board or who is jeopardising good order and discipline.

2. The Convention for the Suppression of Unlawful Seizure of Aircraft, or the Hague Hijacking Convention (1970) is a multilateral treaty by which states agree to prohibit and punish aircraft hijacking. The convention does not apply to customs, law enforcement or military aircraft, thus it applies exclusively to civilian aircraft. The convention only addresses situations in which an aircraft takes off or lands in a place different from its country of registration. The convention sets out the principle of aut dedere aut judicare – that a party to the treaty must prosecute an aircraft hijacker if no other state requests his or her extradition for prosecution of the same crime.

3. The Convention for the Suppression of Unlawful Acts against the Safety of Civil Aviation, or the Montreal Convention (1971), criminalises the following behaviour:

committing an act of violence against a person on board an aircraft in flight if it is likely to endanger the safety of the aircraft;

destroying an aircraft being serviced or damaging such an aircraft in such a way that renders it incapable of flight or which is likely to endanger its safety in flight;

placing or causing to be placed on an aircraft a device or substance which is likely to destroy or cause damage to an aircraft;

destroying or damaging air navigation facilities or interfering with their operation if it is likely to endanger the safety of aircraft;

communicating information which is known to be false, thereby endangering the safety of an aircraft in flight;

attempting any of 1–5; and

being an accomplice to any of 1–6.

4. The Convention on the Prevention and Punishment of Crimes against Internationally Protected Persons (1973), including Diplomatic Agents is an anti-terrorism treaty that codifies some of the traditional principles on the necessity of protecting diplomats. Parties to the convention agree to criminalise the commission of murders or kidnappings of internationally protected persons as well as violent attacks against the official premises, private accommodation, or means of transport of such persons. Parties to the convention also agree to criminalise the attempted commission or threatened commission of such acts. "Internationally protected persons" is a term created by the convention, and refers explicitly to heads of state, heads of government, foreign ministers, ambassadors, other official diplomats, and members of their families.

5. The International Convention against the Taking of Hostages (1979) is a treaty by which states agree to prohibit and punish hostage taking. The treaty includes definitions of "hostage" and "hostage taking" and sets out the principle of aut dedere aut judicare: a party to the treaty must prosecute a hostage taker if no other state requests extradition for prosecution of the same crime.

6. The Convention on the Physical Protection of Nuclear Material was adopted on 26 October 1979 in Vienna, Austria. It pertains to the unlawful seizure of nuclear material, enacts criminal liability for unlawful ownership, use, handover, or theft of nuclear material and threats to use nuclear material to kill, maim, or destroy property. The initial signing ceremony took place in Vienna and at New York on 3 March 1980, and the convention entered into force on 8 February 1987. The convention is deposited with the International Atomic Energy Agency. In July 2005 a diplomatic conference was convened to amend the Convention and strengthen its provisions, as a result of which it was renamed the Convention on the Physical Protection of Nuclear Material and Nuclear Facilities.

7. On 24 February 1988 in Montreal, the Protocol for the Suppression of Unlawful Acts of Violence at Airports serving International Civil Aviation was signed as a supplement to the Convention for the Suppression of Unlawful Acts against the Safety of Civil Aviation. The Protocol makes it an offence to commit similarly violent, dangerous, or damaging acts in airports that serve civil aviation.

8. The Convention for the Suppression of Unlawful Acts against the Safety of Maritime Navigation (1988) or Sua Act is a multilateral treaty by which states agree to prohibit and punish behavior which may threaten the safety of maritime navigation. In London on 14 October 2005, a second supplementary Protocol to SUA was concluded. The full name of the Protocol is the Protocol of 2005 to the Convention for the Suppression of Unlawful Acts against the Safety of Maritime Navigation and is often abbreviated as "SUA 2005". The 2005 Protocol adds provisions which criminalize the use of ships to transfer or discharge biological, chemical, or nuclear weapons. (However, the Protocol specifies that transporting nuclear materials is not an offence if it is transported to or from the territory or under the control of a state party to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons.) It also prohibits ships from discharging oil, liquefied natural gas, radioactive materials, or other hazardous or noxious substances in quantities or concentrations that are likely to cause death or serious injury or damage. Finally, it prohibits the use of such weapons or substances against ships involved in maritime navigation.

9. The Protocol for the Suppression of Unlawful Acts against the Safety of Fixed Platforms Located on the Continental Shelf (1988) is a multilateral treaty by which states agree to prohibit and punish behavior which may threaten the safety of offshore fixed platforms, including oil platforms.

10. The Convention on the Marking of Plastic Explosives for the Purpose of Detection is a multilateral anti-terrorism treaty that aims to prohibit and prevent the manufacture or storage of unmarked plastic explosives. A state that ratifies the Convention agrees to prohibit the manufacture, storage, transport, or entry of unmarked plastic explosives in its territory. Plastic explosives are not prohibited by the treaty, but it mandates that when they are produced they are marked with a chemical taggant (specified in the treaty's Technical Annex) which can facilitate future identification purposes. The Convention also establishes an International Explosives Technical Commission, which is composed of experts in the field explosives manufacturing and detection. The Commission can propose amendments to the Technical Annex of the treaty.

11. The Terrorist Bombings Convention (formally the International Convention for the Suppression of Terrorist Bombings) is a 1997 United Nations treaty designed to criminalize terrorist bombings. The convention describes terrorist bombings as the unlawful and intentional use of explosives in public places with intention to kill, to injure, or to cause extensive destruction to compel a government or an international organization to do or to abstain from doing some act. The convention also seeks to promote police and judicial co-operation to prevent, investigate and punish those acts.

12. The Terrorist Financing Convention (formally, the International Convention for the Suppression of the Financing of Terrorism) is a 1999 United Nations treaty designed to criminalize acts of financing acts of terrorism. The convention also seeks to promote police and judicial co-operation to prevent, investigate and punish the financing of such acts. As of July 2015, the treaty has been ratified by 187 states; in terms of universality, it is therefore one of the most successful anti-terrorism treaties in history. Article 2.1 defines the crime of terrorist financing as the offense committed by "any person" who "by any means, directly or indirectly, unlawfully and willfully, provides or collects funds with the intention that they should be used or in the knowledge that they are to be used, in full or in part, in order to carry out" an act "intended to cause death or serious bodily injury to a civilian, or to any other person not taking an active part in the hostilities in a situation of armed conflict, when the purpose of such act, by its nature or context, is to intimidate a population, or to compel a government or an international organization to do or to abstain from doing any act".

13. The Nuclear Terrorism Convention (formally, the International Convention for the Suppression of Acts of Nuclear Terrorism) is a 2005 United Nations treaty designed to criminalize acts of nuclear terrorism and to promote police and judicial cooperation to prevent, investigate and punish those acts. As of September 2016, the convention has 115 signatories and 106 state parties, including the nuclear powers China, France, India, Russia, the United Kingdom, and the United States. The Convention covers a broad range of acts and possible targets, including nuclear power plants and nuclear reactors; covers threats and attempts to commit such crimes or to participate in them, as an accomplice; stipulates that offenders shall be either extradited or prosecuted; encourages States to cooperate in preventing terrorist attacks by sharing information and assisting each other in connection with criminal investigations and extradition proceedings; and, deals with both crisis situations, assisting States to solve the situations and post-crisis situations by rendering nuclear material safe through the International Atomic Energy Agency (IAEA).

Almost all the UN bodies and all its special institutions are involved in a joint mission of fighting terrorism. However, the main coordinating and mobilizing role belongs, of course, to the Security Council, which bears the main responsibility for the maintenance of international peace and stability.

The Security Council has been engaged in the problem of terrorism since the early 1990s. In that period, it adopted a number of sanctions against states which were suspected in ties with terrorists: Libya in 1992, Sudan in 1996, and Afghanistan (Taliban in 1999 and Al-Qaeda in 2000).

Before 9/11, the Security Council established an influential counter-terrorism body, the 1267 Committee. It was tasked with maintaining sanctions against Taliban (and Al-Qaeda since 2000). Per the Security Council’s request, to support the committee’s work the Secretary General created the Analytical Support and Sanctions Monitoring Team. After 9/11, resolution 1373 established the Counter-Terrorism Committee which includes all the members of the Security Council. The resolution calls for all the member states to adopt measures to prevent terrorist activities and to outlaw various forms of terrorist activities. Resolution 1535 (adopted in 2004) established the Counter-Terrorism Committee Executive Directorate tasked with overseeing the implementation of revolution 1373 and providing technical assistance to the member states. In 2004, resolution 1540 created the 1540 Committee, also including all the Security Council members. The

Committee monitors the implementation of resolution 1540 which calls for the prevention of access to the weapons of mass destruction by non-state entities (including terrorist groups)[1].

Discussion and Conclusions

In conclusion, we'd like to return once again to the problem of political and legal means of terrorism prevention. The abovementioned arsenal of legal norms and institutes of terrorism prevention is a very important component of an effective fight against that phenomenon. Importantly, the fight with terrorism has become universal in the last decade; aside from almost all of the state authorities in the world, civil society institutions and business have also joined this fight. Especially in the last years, serious attention is given to not only the fight with terrorism per se, but also to preventing conditions which potentially lead to the emergence of terrorism. However, it must be stated that, unfortunately, these important efforts by the international community will be in vain if the states don't solve their main problems. Among them, in our opinion, are the following:

- agreeing on a universal definition of international terrorism;
- appointing an international judicial jurisdiction on this crime;
- working out the criteria of necessity and proportionality in the struggle with terrorism as an act of self-defense;
- agreeing on conditions of possible preemptive actions.

Many of these issues can be resolved through the adoption of a comprehensive convention on the fight with international terrorism; such adoption should become a big progressive step towards a safer world order.

REFERENCES

1. Lucker W. Istoki terrorizma // Sovrememnnyi terrorizm. Analiz osnovnykh napravleniy. Minsk: Harvey, 2000. P. 370-371.
2. Zhdanov N.V. Islamskaya kontseptsiya miroporyadka. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2003. 564 p.
3. Shestakov V. Terror – mirovaya voyna. M.: Olma-Press, 2003. P. 127.
4. Mezhdunarodnyy terrorizm: bor'ba za geopolitcheskoye gospodstvo. M.: RAGS, 2005. P. 87.
5. Lyakhov Ye. G. Politika terrorizma – politika nasiliya i agressii. M., 1987. P. 31-37.
6. Gurieva EH.G. Pravovye voprosy sotrudnichestva gosudarstv-uchastnikov SNG v bor'be s mezhdunarodnym terrorizmom: dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2004. 188 p.
7. Primakov Ye. M. Mezhdunarodnye otnosheniya nakanune 21 veka: problemy i perspektivy // Foreign policy and national security of contemporary Russia. M.: Izdatel'skiy tsentr nauchnykh i uchebnykh programm, 1999. Volume 1, book 2. P. 180-194.
8. Zagaynov Ye. T. Uprezhdayushchaya samooborona v zapadnoy doktrine mezhdunarodnogo prava // MZhMP. 2006. № 2 (62). P. 29-45.
9. Glennon M.J. The Fog of Law: Self-Defense, Inherence, and Incoherence in Article 51 of the United Nations Charter, 25 // Harvard Journal of Law and Public Policy. 2002. 539.

Об авторе: Андреев Максим Валентинович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Казанского юридического института МВД России.
e-mail: andreev01@mail.ru
© Андреев М.В., 2018
Статья получена: 05.03.2018 Статья принята к публикации: 15.03.2018
Статья опубликована онлайн: 20.03.2018

About the author: Andreev Maksim V., Dr. habil. of Law, Associate Professor, Professor at the Department of State and Legal Disciplines of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal affairs of the Russian Federation
e-mail: andreev01@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The author has read and approved the final version of the manuscript.

[1] URL: http://www.un.org/russian/terrorism/securitycouncil.shtml (accessed: 06.03.2018).

УДК 343.9 DOI: 10.24420/KUI.2018.31.11115

М.Е. Игнатьев

КАТЕГОРИАЛЬНЫЕ ПОНЯТИЯ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ПРИЧИННОСТИ

CATEGORICAL CONCEPTS OF THE CRIME THEORY OF CAUSALITY

Введение: проблемы установления причинно-следственных связей в ходе расследования преступления всегда представляли для криминалистов особый научно-практический интерес. Основанием к этому являлось то, что данное направление в деятельности по установлению обстоятельств преступного деяния представлялось всегда сложным по причине исключительно ситуационного подхода в использовании криминалистических способов и средств, сопровождающих процесс расследования. Между тем правильно выбранный (на основе соответствующего понятийного аппарата) алгоритм следственного поведения позволяет полноценно решить задачу, определенную назначением уголовного судопроизводства.

Материалы и методы: в процессе проведенного исследования использованы метод научного анализа и сравнительно-правовой метод, а также данные опросов сотрудников правоохранительных органов.

Результаты исследования: в статье рассматриваются актуальные вопросы, связанные с криминалистической теорией причинности, в частности, проводятся обоснования и формулируются определения основных категориальных понятий указанной теории.

В соответствии с криминалистической методологией автор организует и проводит исследование проблемы, связанной с формированием языка криминалистики. Он приходит к выводу о том, что язык – это важное средство общей теории, в соответствии с которым полноценно формируются и развиваются все ее основные структурные элементы – техника, тактика и методика. В основе диалектики формирования языка криминалистики лежат категориальные понятия, на основе и в соответствии с которыми формируются соподчиненные понятия, имеющие важное значение для правоприменительной практики, что основано на однообразном употреблении понятий всеми участниками правоохранительной деятельности.

Развивая аргументацию, автор дает обоснование таких категорий криминалистической теории причинности, как криминалистический причинный анализ и криминалистическая структура причинности; определена и собственно криминалистическая причинность.

В соответствии с этими категориальными понятиями сформулированы подобные определения на уровне явлений, что необходимо для практической деятельности в расследовании преступлений, где возникает проблема с определением причинно-следственных связей в устанавливаемом событии преступления.

Научная аргументация в настоящей публикации связана с известными исследованиями проблемы причинности, проведенными как специалистами в области теории права, так и криминалистической науки.

Обсуждение и заключения: представленные в статье результаты исследования проблемы становления понятийного аппарата криминалистической теории причинности связаны с интересом, который в последнее время появился у криминалистов к данной проблематике, что обусловлено необходимостью комплексного изучения вопросов уголовно-правовой, уголовно-процессуальной и криминалистической причинности, важных для качественной правоприменительной деятельности.

Ключевые слова: криминалистика, причинность, причинно-следственные связи, причина, следствие, причинность в криминалистике

Для цитирования: Игнатьев М.Е. Категориальные понятия криминалистической теории причинности // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2018. Т. 9, №1, С.93-102. DOI: 10.24420/KUI.2018.31.11115

Introduction: the issue of establishing causal relationships in the course of the investigation has always been of special scientific and practical interest among criminalists. The basis for this was the fact that this was the direction for establishment of circumstances of the criminal act and seemed always difficult because only a situational approach in the use of forensic methods and tools that accompany the process of investigation.

Meanwhile, properly selected, based on the corresponding conceptual apparatus, algorithm for investigation of behavior allow to fully solve the problem, a specific purpose of criminal proceedings.

Materials and Methods: the author used the method of scientific analysis and comparative legal method, surveys of law enforcement officers.

Results: in accordance with forensic methodologies, the author organizes and conducts a study of the problems associated with the formation of the language of criminology. He concludes that language is an important means of the general theory, according to which all of its basic structural elements – techniques, tactics and methods are fully developed. The basis of the dialectic of language formation of criminology are categorical concepts that formed and in accordance with which the subordination of concepts essential to the practice of law based on the uniform use of concepts by all participants in the law enforcement.

Developing the argument in the article the author provides rationalization for the bases for these categories of crime theories of crime causation as causal analysis and forensic structure of causality, defined and actual crime causation.

In accordance with these categorical concepts such a definition at the level of phenomena are formulated, which is necessary for practical activities in the investigation of crimes where the problem arises with the definition of causality in the established event of a crime.

Scientific reasoning in this publication connected with well-known research problem of causality held by experts in the field of theory of law and forensic science.

Discussion and Conclusions: the presented studies of the issues of formation of the conceptual apparatus of the theory of crime causation are associated with the interest that recently came to the criminalists' sphere to this issue, due to the need for a comprehensive study of the issues of criminal law, criminal procedure and forensic causality, which are important for good enforcement.

Key words: forensics, causality, causation, cause, effect, causality in criminology

For citation: Ignatyev M.E. Categorical concepts of the crime theory of causality // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2018. V.9, №1. P. 93-102. DOI: 10.24420/KUI.2018.31.11115

Введение

Исследование основ любой научной теории традиционно начинается с определения ее объекта и предмета. Не являются исключением из этого ряда и криминалистические теории.

Объект криминалистической теории причинности определен, и определен достаточно точно Р.С. Белкиным, который обоснованно понимал под указанным объектом «механизм преступления и содержательную сторону процесса его установления» [1, с.511]. И с этим мы согласны.

Предмет теории – это всегда определенные закономерности, которые соотносятся с объектом, раскрывая его особенное содержание, в первую очередь на основе определенных видов научно-практической деятельности.

В связи с этим предмет криминалистической теории причинности можно определить как систему данных о закономерностях действия механизма преступления, отражающих причинно-следственные связи между его элементами, и систему криминалистических способов и средств, способствующих установлению этих связей посредством правоприменительной деятельности.

Наряду с объектом и предметом, важным элементом содержания основ рассматриваемой теории является ее понятийный аппарат. Это объясняется тем, что «научное познание как высшая форма отражения субъектом объективной действительности использует для выражения достигнутых результатов системы понятий, определений, образов, знаков и т.п.» [1, с.182].

Достижения криминалистики в современных условиях развития этого юридического знания обусловливаются коллективными усилиями исследователей как для развития науки, так и для правоприменительной деятельности, основанной на данных этой науки. Взаимоотношения участников системы «исследователь – правоприменитель», в первую очередь, связаны их взаимопониманием на основе использования необходимого общего запаса понятий, одинаково отражаемых и используемых и в науке, и на практике. Научно-практический язык, в отличие от естественного, бытового языка, отличается точностью и однозначностью употребляемых понятий.

Подмечено, что по мере развития науки совершенствуется ее язык, его структура и содержание приобретают строго определенный характер, понятия и суждения становятся все более общими и аргументированными, улучшается системная связанность научных высказываний. Понятийный ап-

парат совершенствуется, а это, в свою очередь, позволяет более точно отражать действительность. В связи с этим Г. Клаус подметил: «Такие слова, как «возможно», «в случае», «многие» и т.д., заменяются точными логическими выражениями. Там, где невозможно заменить строго детерминированными терминами такие слова, как «многие», «иногда» и т.д., на место их становятся, по крайней мере, точные определения вероятностного характера; разрабатывается все более обширный технический аппарат, чтобы установить, какие высказывания действительно истинны или действительно ложны» [2, с.81].

Результаты исследования

Исследование проблем языка науки является тенденцией, которая активизирует процесс теоретизации науки и на этом основании не только обеспечивает единство различных способов познания криминалистических объектов, определенные универсальные приемы их изучения, но и в значительной степени систематизирует поступающую информацию, что формирует целостность системы знания.

Как любая другая отрасль научного знания, криминалистика имеет свой язык. Его основным предназначением является функция придания большей точности и однозначности употребляемым специальным терминам. Он оценивается как сложное системно-понятийное и терминологическое образование, с внутренней развивающейся структурой. Это средство и способ реализации криминалистического научного мышления, обусловленного соответствующим объектом и предметом.

Язык криминалистики, понятийно-терминологическая система криминалистики как правовой науки имеют тесные связи с естественным, бытовым языком, посредством которого осуществляется не только толкование, но и всеобщее осмысление учеными и практиками научных и практических положений, выраженных в понятийном аппарате науки. «Увлечение» естественным языком в процессе научно-практического общения по криминалистической тематике неизбежно влечет за собой неопределенность толкований отдельных криминалистических понятий, а это зачастую искажает понимание обоснованных научных положений. Однозначное же толкование введенных криминалистикой понятий установленных в процессе научного исследования явлений, предметов и процессов имеет важное значение для всей познавательной деятельности в науке и практике, в первую очередь для эмпирической проверки этих понятий посредством правоприменительной деятельности. Опрос сотрудников правоохранительных органов свидетельствует, что только 23,6% знают о существовании языка криминалистики, остальные 76,4% полагают о возможности использования в криминалистической деятельности оборотов обычного языка.

Отношения естественного и формализованного научного языка в развитии правовой науки на протяжении трех последних десятилетий являются предметом спора, который определился двумя позициями: идеей использования естественного (общеупотребительного) языка [3, с.90] и взглядов о возможности сочетания общеупотребительных и специальных юридических терминов (естественного и формализованного языков) [4, с.263-264; 5]. К роли естественного языка в формировании языка науки мы уже обращались выше. Можно только добавить, что все формы собственно научного познания были систематизированными обобщениями привычного опыта практической человеческой деятельности. На этом основании почти все понятия первых научных описаний были тесно связаны с обычными способами отношений в рамках естественного языка, словоупотребления в котором не существуют вне зависимости от «определенных смысловых нагрузок, что «тянет» за собой ассоциативные комплексы, затрудняющие достижение целей исследования» [6, с.28].

Проводя в связи с этим аналогию с процессами становления языка криминалистики, можно с уверенностью сказать, что в его основе лежал не только естественный язык, но были часто употребимы устоявшиеся формализованные понятия естественных и технических наук. Поэтому очевидно – язык криминалистики представлял и представляет собой разумное сочетание естественного и формализованного языка.

В соответствии с приведенными аргументами аксиомой для нас является то, что язык науки вообще и криминалистики в частности формируется на основе двух стадий – «научного жаргона» [7, с. 47] (естественного языка – М.И.) и формализации.

Первая стадия связана с уточнением определений, которые обозначают специфичные понятия для данной области научного знания, раскрывают категории науки. На этой стадии разрабатывается и популяризируется специфическая терминология криминалистов данного профиля, употребляемая ими однозначно. Однако научно-технический прогресс обусловливает возрастающие потребности повышения эффективности передачи научной информации, что постоянно актуализирует необходимость совершенствования известных, устоявшихся понятий и разработки новых криминалистических понятий. «Научный жаргон» в понятиях становится все более точным, он формализуется. Язык науки детализируется, его понятия формируются на основе заранее определенных и устоявшихся пра-

вил. Вместе с тем не следует полагать, что стадии развития языка науки вообще и языка криминалистики в частности протекают в строгой последовательности. С момента возникновения научного знания они могут протекать параллельно и быть связанными с разработкой отдельных понятий.

Общие процессы формирования языка науки соответствуют и формированию языка криминалистики, который представляет собой «систему общих и частных понятий, выражаемых определениями и обозначениями (знаками, терминами)» [1, с.183]. Под понятием «логика» понимают целостную совокупность суждений о каком-либо объекте. Определение понятия раскрывает его содержание посредством указания на существенные признаки объектов, объединенных данным понятием. Однако, как отмечают специалисты в области системных исследований, «каждое научное понятие существует в языке науки не изолированно, само по себе, а лишь в системе связанных с ним понятий, относящихся к одному и тому же предмету изучения, и лишь в этой системе оно приобретает свой смысл и значение» [8, с.31]. Данный тезис актуален для криминалистики, чья система понятия – важнейшая часть ее языка, который не так давно вступил в стадию активной формализации.

Логическая категория, именуемая понятием, является «элементарной частицей» познания, поэтому познание как отражение субъектом объективной реальности в конечном итоге есть процесс формирования понятий. Венгерский логик Б. Фогараши так определяет этот инструмент познания: «Понятие есть высший продукт человеческого мозга, высший продукт материи, основная форма мышления, выражающаяся в звуковом языке; оно путем обобщения выделяет общие элементы объективного внешнего мира, предметов и существующих между ними связей, резюмирует их и таким образом отражает в мыслях определенные части и связи объективной действительности» [9, с.150]. В соответствии со своим гносеологическим статусом понятие есть ядро познавательной деятельности. Реальным познавательным средством являются чувства субъекта познания, связанные с его мыслью, то есть с понятием. Формирование понятия «многокомпонентный процесс», связанный с мыслительной и практической деятельностью субъекта познания. Однако для того чтобы понятие активно участвовало в познавательной деятельности, оно должно быть правильно и точно определено. На определения, как на существенные основания, опираются все субъекты расследования преступлений, так как они определяют и дисциплинируют обоснованное криминалистическое мышление. Достоинство определенных криминалистических понятий заключается в том, что «они являются наиболее адекватными природе познавательного процесса средствами оптимальной концентрации знания в форме единой мысли, ибо в них подытоживается главное» [10, с.76].

В любой отрасли знания важное значение имеют категориальные понятия, то есть наиболее общие и значимые для науки и практики. Криминалистика не исключение, несмотря на то, что ее научные данные в первую очередь направлены в сферу правоприменительной практики. Криминалистические категории есть первая составляющая диалектической цепи «общее – особенное – единичное», а также основа соответствующих криминалистических классификаций.

Причинность, как уже многократно отмечалось, представляет собой одну из форм всеобщей взаимосвязи явлений объективного мира. В основе причинности лежат причинно-следственные связи. Предмет криминалистики и принятая криминалистическая методология, отражая основные понятия философской категории причинности, воспринимая их, трансформируют для соответствующих криминалистических исследований и целей правоприменительной практики.

В связи с этим анализ криминалистических данных позволяет свидетельствовать, что в криминалистике причинность, с учетом и в соответствии с философскими категориями и понятиями, может быть исследована на метауровнях: технико-криминалистическом (технический уровень) и методико-криминалистическом (методический уровень).

Первый, технико-криминалистический, уровень содержательно включает данные анализа элементных предметных отражений и таких же элементных отрезков и цепей причинения, а методико-криминалистический уровень – анализ типовых механизмов событий и преступной деятельности в целом. Отметим, что в процессе научно-практической разработки частных криминалистических методик расследования преступлений оба уровня содержательно реализуются, как самостоятельно, так и на основе взаимодействия между собой относительно тех особенностей, которые обусловлены предметом преступного посягательства, следовой картиной, данными наступивших вредных последствий и прочими обстоятельствами, отражаемыми в той или иной частной интегративной методике.

Причинная связь, устанавливаемая на основе использования в практике расследования преступлений криминалистических способов и средств, представляет собой интегральный системообразующий элемент общей системы доказательств по уголовному делу («главный факт» – М.И.).

Рассматриваемый вид связи не возникает сам по себе – в его основе лежит действие субъекта, а точнее, его процессуальная характеристика – деятельность, которая может быть определена как основной способ взаимодействия субъекта с явлениями, предметами и процессами окружающего мира. Это субъектная активность, обусловленная преобразованием мира, где начальный и конечный этапы связаны смысловой и волевой активностью в решении определенных задач на основе «реализации систем субъектно-объектных и субъектно-субъектных отношений» [11].

Криминалистика всегда изучала и будет изучать прежде всего два вида человеческой деятельности: криминальную деятельность (уголовно-релевантную деятельность) и деятельность по предварительному расследованию преступления, его судебному рассмотрению и предупреждению посредством данных о преступлении отраженных в уголовном дела[1].

Криминальная деятельность носит системный характер и является динамичной, так как в процессе реализации поэтапно меняет свое состояние и переходит из одного состояние в другое. Для того чтобы понимать, как криминальная деятельность, являясь причиной, порождает следствия, следует иметь представление о том, какова структура этой деятельности, ее состав.

В нашем представлении такой структурой может быть система следующих элементов: субъект деятельности, объект деятельности и их взаимосвязи, представленные различными отношениями («взаимоотношениями») и действиями («взаимодействиями»), которые в разные пространственно-временные периоды предшествуют друг другу, сменяют друг друга или сосуществуют в сочетании друг с другом.

Однако данная система, отражая «базовый» уровень деятельности, опускает такое важное понятие (элемент системы), как *средство* деятельности. Кроме того, процессы деятельности следует разделять на действия субъективные, то есть внутренние, психические и действия объективные, то есть внешние, физические, что позволяет понимать деятельность в аспекте уголовно-правовой теории состава преступления[2].

В субъективной части деятельности выделяется главное – «цель» и «мотив» (отдаленная, последующая цель). Цель мы понимаем как идеально-потенциальный образ результата, соединение идеального представления о том, что должно быть достигнуто, и «интеграции» (желания, стремления) субъекта к этому представленному, будущему результату.

В объективной части различают действия (акты поведения) и составляющие их операции с объектом (объектами) при помощи тех или иных методов и средств. Сочетание определенных операций и используемых средств представляет собой способ действия (образ действий).

При структурном анализе объекта деятельности состояние объекта после деятельности (результат, продукт деятельности) отделяется от состояния объекта до начала деятельности. Результат деятельности предстает как изменение объекта, связанное с деятельностью как причинно-следственная связь. Однако следует учитывать, что результат деятельности – это не только «продукт» деятельности, то есть преобразованное, измененное явление, предмет или процесс, но и те изменения, которые произошли в субъекте деятельности, а также в окружающей обстановке, то есть вне системы деятельности, а это особенно важно для криминалистов.

И наконец, деятельность, как всякая динамическая система, обязательно имеет пространственно-временные параметры и связи между подсистемами и элементами, что обычно учитывается путем указания на «время» и «место» деятельности.

Нами столь детально рассмотрена теория структуры криминальной деятельности потому, что именно она, являясь причиной и порождая последствия, должна быть всегда детально исследована в процессе расследования преступления, с тем чтобы было возможно установить (опровергнуть) в действии (бездействии) наличие криминалистической причинности – понятия, которое можно определить на уровне сущности, то есть категориально, и явления для прикладных криминалистических целей.

Криминалистическая причинность есть генетическая связь элементов содержательной стороны преступной деятельности, установленная на техническом и методическом уровне посредством использования криминалистических способов и средств субъектом правоприменения.

Расширение существенных признаков данного категориального определения позволяет на основе приведенных выше аргументов сформулировать понятие криминалистической причинности

[1] Криминалистика также изучает деятельность по обнаружению (выявлению) преступлений и криминалистическую профилактическую деятельность как компонент общей профилактики преступлений, изучаемых криминологией. Во всех случаях речь идет о криминалистических аспектах той или иной деятельности.

[2] Здесь и далее мы рассматриваем структуру криминальной деятельности одного субъекта, без соучастников – организаторов, пособников и пр.

на уровне явления как инструмента для правоприменителя, использование которого в практике расследования преступления позволит решать конкретную задачу установления причинно-следственных связей. Криминалистическая причинность в связи с этим представляется нам также генетической связью элементов содержательной стороны преступления, которая устанавливается законной деятельностью правоприменителя посредством анализа элементарных предметных отражений и отрезков (цепей) причинной связи, типовых механизмов событий и поведения участников преступного деяния на основе использования данных (рекомендаций, приемов, способов, средств и пр.), разработанных криминалистикой. В данном определении конкретизированы и уточнены такие общие признаки категориального определения, как «технический и методический уровень», а также соответствующий криминалистический «инструментарий».

Определения криминалистической причинности предполагают необходимость анализа элементов преступной деятельности со стороны субъекта правоприменительной деятельности. Причинный анализ – один из основных способов выявления «причинно-следственных связей, действие которого основано на выявлении путем совокупности методологических и методических подходов к изучению обусловленности одних явлений действительности (следствия) другими (причинами)» [1, с.509]. Целью причинного анализа можно считать «прогнозирование следствия из причины на основе предварительного эмпирического анализа взаимоотношений между ними» [12, с.249; 13]. Однако это характеристики причинного анализа с позиции научного общетеоретического подхода. Возникает вопрос о возможности определения понятия «криминалистического причинного анализа».

Обзор литературы

Изучение специальной литературы свидетельствует о том, что не многие авторы уделяли внимание исследуемой нами проблеме. Среди них можно назвать имена В.А. Образцова [14], В.Я. Колдина [15], А.Я. Гинзбурга [16]. И.М. Комарова [17, с.14]. Однако их исследования затрагивали только отдельные аспекты проблемы, так как были посвящены понятию криминалистического анализа.

Советский криминалист А.Я. Гинзбург дал определение этого теоретического понятия, усмотрев в нем «метод исследования, состоящий в том, что изучаемый предмет (механизм преступления, процессы возникновения информации о преступлении и его участниках, собирания, исследования, оценки и использования доказательств) мысленно расчленяется на составные элементы (признаки, свойства, отношения), каждый из которых затем исследуется в отдельности как часть расчлененного целого, для того, чтобы выделенные в ходе анализа элементы соединялись с помощью синтеза в целое, обогащенное новыми знаниями» [16, с.63]. По сути, близки этой позиции и взгляды И.М. Комарова.

Как интегративный метод определяет криминалистический анализ и В.А. Образцов, отмечая, что в его основе лежит «мысленное расчленение преступления на составляющие, раздельное исследование каждого выделенного элемента, а затем рассмотрение их в комплексе и взаимосвязи применительно к структуре содеянного и механизму следообразования» [14, с.81].

Особой позиции придерживается В.Я. Колдин. Он дает следующее определение криминалистического анализа: это криминалистическое исследование, направленное на обнаружение источников и декодирование релевантной (адекватной – М.И.) информации, обеспечивающей решение криминалистических, процессуальных и материально правовых задач [15, с.193].

Не трудно заметить разницу между этими определениями: приведенные выше в большей степени отражают прикладные аспекты деятельности по расследованию преступления, определение же В.Я. Колдина носит категориальный характер криминалистической терминологии.

Вместе с тем аналитическая проработка этих определений понятия «криминалистический анализ» в полной мере может способствовать обоснованию понятия «криминалистический причинный анализ», как на уровне сущности (т.е. категориальном), так и прикладном, то есть явления, которое наиболее удобно для правоприменителя.

Научная и практическая криминалистическая деятельность, связанная с расследованием преступления, в первую очередь основана на мыслительной деятельности ученого-криминалиста или следователя (следователя). Именно она является источником инициации всех действий по решению той или иной криминалистической задачи. Любая мыслительная деятельность не протекает хаотично, а подчинена определенной логике, имеет структуру, основывается на устоявшихся в соответствующей отрасли научного знания понятиях и научно-практических классификациях. Это же в равной степени относится и к деятельности криминалистической. Фактически приведенный тезис отражает сложившуюся методологию мышления, криминалистическую методологию в нашем случае. «Первичным» объектом, точнее сказать его частью, в криминалистике является

преступная деятельность[1], она всегда изучается первоначально, чтобы в дальнейшем можно было выстроить определенную законную криминалистическую деятельность по противодействию преступлению, его выявлению и расследованию. Наиболее детально в связи с этим изучается механизм преступления как условный криминалистический синоним уголовно-правового понятия – объективная сторона преступления и уголовно-процессуального понятия – обстановка совершения преступления. Важным фактором в процессе установления механизма преступления является определение структуры системы его элементов «деятельности субъекта преступного события – совокупности действий, поступков и иных движений жертвы преступления – комплекса действий, поступков и иных движений лиц, оказавшихся косвенно связанными с преступным событием – отдельных элементов обстановки, используемых участниками преступного события; предмета преступного посягательства» [18, с.39-40], посредством сформировавшихся видов причинно-следственных связей [19].

В соответствии с приведенной аргументацией криминалистический причинный анализ категориально можно определить в качестве мыслительной деятельности, обусловленной криминалистической методологией и направленной на комплексное исследование преступного деяния в целях установления видов причинно-следственных связей в системе элементов механизма преступления для формирования структуры указанной системы как решение важной криминалистической задачи расследования.

Криминалистический причинный анализ, кроме научного предназначения, имеет еще и чисто практическое назначение, так как является инструментом следователя для решения криминалистических задач в процессе расследования преступлений. Цель его использования в следственной практике – установление причинной связи на техническом (анализ элементарных предметных отражений и отрезков причинной связи) и методическом (анализ типовых механизмов событий и преступной деятельности в целом) уровне.

На этом основании, конкретизируя существенные признаки, вытекающие из категориального определения криминалистического причинного анализа, на уровне явления его можно определить как интегральный метод расследования преступления, предназначенный для его мысленного расчленения на криминалистически значимые элементы (способ совершения преступления, следы-последствия преступления, орудия совершения преступления и пр.) с их последующим изучением посредством выдвижения и проверки следственной версии для распознавания структурных причинных связей системы указанных элементов и формирования на их основе целостного представления о механизме преступного деяния.

Выше мы неоднократно обращались к понятию структуры системы элементов механизма преступления, подразумевая под структурой причинно-следственные связи. На основании того, что это понятие (структура причинности) сопровождает весь процесс реализации действий по совершению преступления, от его начала до достижения лицом преступного результата, а затем в процессе расследования преступления она (структура причинности) «воссоздается» (от следствия к причине, в процессе проверки следственной версии) криминалистическими способами и средствами с использованием процессуальных форм, можно предположить ее категориальное криминалистическое значение.

Особенностью действия причины, важной для судебного исследования, является ее связь с отображаемым, то есть передачей информации, что обеспечивается переносом материальной, энергетической и информационной структуры (сигнала) от причины к следствию. Результатом является то, что информационная структура причины изоморфно отражается в структуре следствия, обеспечивая тем самым проверяемость данного обстоятельства на основе изучения обратной связи (преимущественно посредством проверки следственной, экспертной, судебной версии).

Обосновывая данное положение, О.А. Крестовников справедливо отмечает: «Изоморфизм отображения структуры причины в структуре следствия представляет научную основу установления причинных связей в процессе судебного исследования, осуществляемого по следам событий, являющихся предметом доказывания» [20, с.556 - 557].

Мы уже неоднократно характеризовали причинную связь как элемент всеобщей универсальной связи явлений объективной действительности и важность ее «чистого» восприятия вне границ всеобщей связи для точного отображения данных причинности в механизме преступления расследуемого события. В связи с этим важно определить правила, использование которых в практике расследования позволит решить указанную задачу.

[1] Под преступной деятельностью подразумевается совокупность взаимосвязанных последовательных, осмысленных действий и движений лица (лиц), сопряженных с использованием в противоправных целях соответствующих орудий и средств, направленных на реализацию нередко низменных, извращенных потребностей.

Уголовное расследование всегда связано с противоправным деянием, и для его объективного установления, то есть выделения адекватных в правовом отношении связей, посредством использования криминалистических способов и средств требуется построение и проверка следственной версии. Только это криминалистическое средство позволяет решить задачу установления по следствиям исследуемое явление, предмет или процесс. Возможно однозначное объяснение явления (предмета, процесса), когда следователь непосредственно наблюдает порождение следствием причины. Однако практика расследования преступлений сталкивает следователя со множественностью причин, которые с большой долей вероятности могут порождать одно явление, предмет или процесс, как следствие. Это обстоятельство подтверждается опросами сотрудников правоохранительных органов, среди которых 68,9% заявили, что наблюдали однозначное объяснение порождения следствием причины, 30,2% пояснили наблюдение множества причин, исследование которых приводило к установлению одной причины (0,9% затруднились с ответом). Здесь работает обратная связь: чем меньше информации о явлении (предмете, процессе), тем больше следственных версий требуется для его объяснения. Однако в статье мы не ставим цели детально рассмотреть вопрос о следственной версии как криминалистическом средстве установления причинно-следственных связей в расследуемом событии, а только отмечаем важность версии для установления криминалистической структуры причинности, установлении динамики причинения (цепи причинности).

Здесь же отметим необходимость учета ситуационности действия и развития причинной связи, что является условием, порождающим явление множественности следствий.

Обсуждение и заключение

В соответствии с приведенными основаниями можно сформулировать правила, усмотрение которых позволяет посредством расследования исследовать причинную связь согласно тезису «структура причины воспроизводится в структуре следствия в изоморфном отображении». По значимости мы предполагаем выполнение следующих этапов: 1. Выделить в оценке события связи, имеющие уголовно-правовое значение. 2. Установить динамику причинения (взаимодействия причины и следствия во времени и пространстве) и условия, повлиявшие на эту динамику.

Уголовно-правовое значение причинно-следственных связей является доминантой всего процесса доказывания, так как они в значительной степени способствуют правильной классификации содеянного, что является одной из главных целей доказывания, установления «главного факта». Эти связи и их динамика должны быть закреплены процессуальными формами в соответствии с положениями уголовно-процессуальной причинности и отражены в содержании процессуальных следственных действий причинно-следственной связью элементов механизма преступления, то есть криминалистической структурой причинности.

Криминалистическую структуру причинности с учетом изложенных доводов мы можем определить как совокупность связей элементов механизма преступления (причина), подобно отраженную посредством его расследования (следствие).

Это категориальное понятие позволяет рассматривать преступление, его механизм как причину в широком смысле этого слова, а данные расследования, установленные в материалах уголовного дела посредством использования криминалистических способов и средств, как следствие причины, также в широком смысле этого слова.

Расширив содержание этого понятия на основе детализации существенных признаков, можно определить криминалистическую структуру причинности в прикладном аспекте. На наш взгляд, ее можно представить как совокупность связей элементов механизма преступления, которая имеет подобное отражение посредством расследования с использованием криминалистических способов и средств в уголовном деле.

Криминалистическая структура причинности – это совокупность связей, которые определяют систему деятельности субъекта преступного события, действий и поступков жертвы преступления, а также иных лиц, косвенно связанных с преступным событием, отдельных элементов обстановки, используемых участниками преступного события и предмета преступного посягательства, релевантно отраженных расследованием преступного события в процессуальных формах на основе проверки следственных версий посредством использования криминалистических способов и средств.

Таким образом, нами выделены и обоснованы категориальные понятия криминалистической теории причинности – криминалистическая причинность, криминалистический причинный анализ и криминалистическая структура причинности, которые могут быть использованы для научных криминалистических исследований. В соответствии с диалектической цепью «общее – особенное – единичное» сформулированы и их прикладные («особенные») понятия для правоприменителей, которые могут найти свою реализацию, например, в практике расследования преступлений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белкин Р.С. Курс криминалистики: учебное пособие для вузов. 3-е изд., дополненное. М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2001.
2. Клаус Г. Сила слова (гносеологический и прагматический анализ языка). М., 1967.
3. Прянишников Е.А. Терминология уголовно-процессуального законодательства // Правоведение.1968.№6.
4. Белкин Р.С. Курс криминалистики. Т. 1. М., 1997.
5. Пиголкин А.С. Подготовка проектов нормативных актов. М., 1968.
6. Гусев С.С. Наука и метафора. Л., 1984.
7. Штофф В.А. Введение в методологию научного познания. Л., 1972.
8. Блауберг В.В., Садовский В.Н., Юдин Э.Н. Системный подход: предпосылки, трудности, проблемы. М., 1969.
9. Фогараши Б. Логика. М., 1959.
10. Кондауров В.И. Процесс формирования научного знания (онтологический, гносеологический и логический аспекты): монография. М.: ИНФРА-М, 2014.
11. Николов Л. Структуры человеческой деятельности. М., 1984.
12. Краткий словарь по социологии. М., 1988. С. 249;
13. Диалектика познания. М., 1988.
14. Образцов В.А. Выявление и изобличение преступника. М.: Юристъ, 1997.
15. Колдин В.Я. Криминалистический анализ: монография. М.: Юрлитинформ, 2016.
16. Криминалистическая энциклопедия /отв. ред. А.Я. Гинзбург. Алматы, 1995.
17. Комаров И.М. Проблемы повышения эффективности розыскной деятельности по делам об уклонении от несения обязанностей военной службы: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Алматы, 1995.
18. Кустов А.М. Криминалистика и механизм преступления: цикл лекций. М.: Издательство Московского психолого-социального института; Воронеж: Издательство НПО «МОДЕК», 2002.
19. Философия, основные идеи и принципы. М., 1985.
20. Криминалистика: информационные технологии доказывания: учебник для вузов / под ред. В.Я. Колдина. М.: Зерцало-М, 2007.

REFERENCES

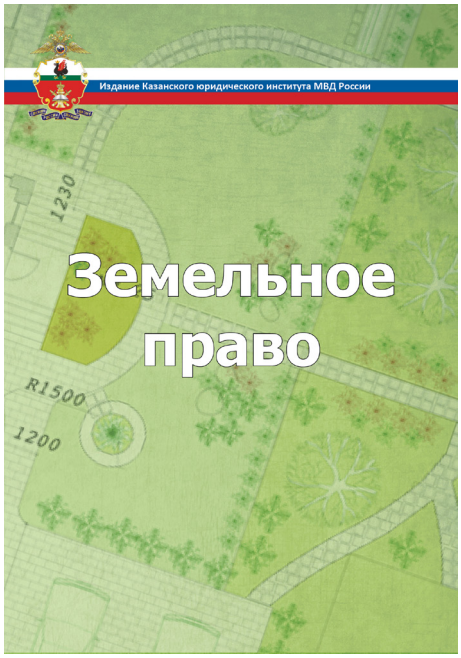
1. Belkin R.S. Kurs kriminalistiki: uchebnoe posobie dlya vuzov. 3-e izd., dopolnennoe. M.: YUNITI-DANA, Zakon i pravo, 2001.
2. Klaus G. Sila slova (gnoseologicheskij i pragmaticheskij analiz yazyka). M., 1967.
3. Pryanishnikov E.A. Terminologiya ugolovno-processual'nogo zakonodatel'stva // Pravovedenie.1968.№6.
4. Belkin R.S. Kurs kriminalistiki. T. 1. M., 1997.
5. Pigolkin A.S. Podgotovka proektov normativnyh aktov. M., 1968.
6. Gusev S.S. Nauka i metafora.L., 1984.
7. SHtoff V.A. Vvedenie v metodologiyu nauchnogo poznaniya. L., 1972.
8. Blauberg V.V., Sadovskij V.N., YUdin EH.N. Sistemnyj podhod: predposylki, trudnosti, problemy.M., 1969.
9. Fogarashi B. Logika.M., 1959.
10. Kondaurov V.I. Process formirovaniya nauchnogo znaniya (ontologicheskij, gnoseologicheskij i logicheskij aspekty): monografiya. M.: INFRA-M, 2014.
11. Nikolov L. Struktury chelovecheskoj deyatel'nosti.M., 1984.
12. Kratkij slovar' po sociologii.M., 1988. S. 249;
13. Dialektika poznaniya.M., 1988.
14. Obrazcov V.A. Vyyavlenie i izoblichenie prestupnika. M.: YUrist», 1997.
15. Koldin V.YA. Kriminalisticheskij analiz: monografiya. M.: YUrlitinform, 2016.
16. Kriminalisticheskaya ehnciklopediya /otv. red. A.YA. Ginzburg.Almaty, 1995.
17. Komarov I.M. Problemy povysheniya ehffektivnosti rozysknoj deyatel'nosti po delam ob uklonenii ot neseniya obyazannostej voennoj sluzhby: avtoref. dis. … kand. yurid. nauk. Almaty, 1995.
18. Kustov A.M. Kriminalistika i mekhanizm prestupleniya: cikl lekcij. M.: Izdatel'stvo Moskovskogo psihologo-social'nogo instituta; Voronezh: Izdatel'stvo NPO «MODEK», 2002.
19. Filosofiya, osnovnye idei i principy. M., 1985.
20. Kriminalistika: informacionnye tekhnologii dokazyvaniya:uchebnik dlya vuzov / pod red. V.YA. Koldina.M.: Zercalo-M, 2007.

Об авторе: Игнатьев Михаил Евгеньевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
e-mail: mgu.ikomarov@mail.ru
© Игнатьев М.Е., 2018
Статья получена: 30.01.2018 Статья принята к публикации: 15.03.2018
Статья опубликована онлайн: 20.03.2018

About the author: Ignatyev Mikhail E., Candidate of Legal Sciences (research doctorate), Docent of Department of Criminalistics at the Moscow State University named after M. V. Lomonosov.
e-mail: mgu.ikomarov@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The author has read and approved the final manuscript.

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ КАЗАНСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ



Земельное право: практикум / сост. Л.К. Фазлиева. – Казань: Казанский юридический институт МВД России, 2017. – 120 с.

ISBN 978-5-906977-12-0

Практикум содержит материалы для проведения семинарских и практических занятий по земельному праву. Основная цель практикума – помочь курсантам систематизировать, конкретизировать и применить на практике полученные во время аудиторных занятий знания.

Практикум снабжен тестовыми заданиями по рассматриваемой теме, задачами, а также ситуационными задачами по отдельным темам, фабулы которых имеют в своей основе рассмотренные судебные и судебно-арбитражные дела, что позволяет добиться приобщения курсантов к практической деятельности. К каждой теме предлагаются вопросы, перечень нормативных актов, основной и дополнительной литературы, необходимых для изучения и освоения курса.

Предназначен для курсантов и преподавателей образовательных организаций системы МВД России.

УДК 34.341.1 DOI: 10.24420/KUI.2018.31.11116

А.С. Лукомская

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ ПОТЕРПЕВШЕГО ОТ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРИ ПРИМЕНЕНИИ ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ

SELECTED ISSUES OF ENSURING THE RIGHTS OF THE VICTIMS OF ENVIRONMENTAL CRIME IN APPLYING A PRE-TRIAL COOPERATION AGREEMENT

Введение: статья посвящена анализу отдельных вопросов обеспечения прав потерпевшего от экологического преступления при применении процессуального порядка заключения досудебного соглашения о сотрудничестве, особого порядка принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве. Целью исследования стало обоснование значения категории преступления при применении порядка заключения досудебного соглашения о сотрудничестве по уголовным делам об экологических преступлениях, определение границ субсидиарного обвинения по уголовным делам об экологических преступлениях, по которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, отнесение соглашения о сотрудничестве к доказательствам. Указанные вопросы исследуются сквозь призму обеспечения прав и законных интересов потерпевших от экологических преступлений.

Материалы и методы: при подготовке статьи использовалась теория дифференциации уголовного судопроизводства; методы эмпирического исследования; методы теоретического исследования; общелогические методы научного исследования.

Результаты исследования: 1. Обосновывается, что применение процессуального порядка заключения досудебного соглашения о сотрудничестве и особого порядка принятия судебного решения по уголовным делам об экологических преступлениях средней тяжести и тяжких, по уголовным делам о тяжких и особо тяжких комплексных экологических преступлениях, выходящих за пределы охранительных норм главы 26 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ), в наибольшей степени отвечает публичным интересам, целям этого института.

2. Границы субсидиарного обвинения при применении заключения досудебного соглашения о сотрудничестве по уголовным делам об экологических преступлениях средней тяжести и тяжких очерчены правом на частичное возмещение вреда, причиненного преступлением, по уголовным делам об экологических преступлениях небольшой тяжести – требованием возместить ущерб или иным образом загладить причиненный экологическим преступлением вред потерпевшему до применения особого порядка принятия судебного решения, предусмотренного главой 40.1 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ).

Обсуждение и заключения: автор предлагает расширить границы сотрудничества, предусмотренные нормами п. 61 ст. 5 УПК РФ и ч. 2 ст. 317.1. УПК РФ, в части закрепления требования полного (экологические преступления небольшой тяжести), частичного (экологические преступления средней тяжести и тяжкие) возмещения ущерба, причиненного преступлением, как условия досудебного соглашения о сотрудничестве.

Ключевые слова: потерпевший, экологическое преступление, упрощенное производство, особый порядок, досудебное соглашение о сотрудничестве.

Для цитирования: Лукомская А.С. Отдельные вопросы обеспечения прав потерпевшего от экологического преступления при применении досудебного соглашения о сотрудничестве // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2018. Т. 9, № 1. С. 103-111. DOI:10.24420/KUI.2018.31.11116

Introduction: the article is focused on the analysis of certain issues of ensuring the rights of the victim of an environmental crime in applying of the procedural order of the conclusion of a pre-trial cooperation agreement, the special order of making a court decision when concluding a pre-trial cooperation agreement. The purpose of the study was to substantiate the significance of the category of crime when applying the procedure for concluding a pre-trial agreement on cooperation in criminal cases on environmental crimes,

determining the boundaries of a subsidiary accusation in criminal cases on environmental crimes for which a pre-trial cooperation agreement was concluded, and referring the cooperation agreement to evidence. These issues are explored through the prism of ensuring the rights and legitimate interests of victims of environmental crimes.

Materials and Methods: when working on the article the theory of differentiation of criminal proceedings was used; methods of empirical research; methods of theoretical research; general logical methods of scientific research were applied.

Results: 1. It is substantiated that the application of the procedural order of the conclusion of a pre-trial cooperation agreement and the special procedure for the adoption of a judicial decision in criminal cases on environmental crimes of medium gravity and serious crimes, in criminal cases on grave and especially serious complex environmental crimes that go beyond the protective norms of Chapter 26 of the Criminal Code of the Russian Federation, most meets public interests, the purposes of this institute.

2. The boundaries of the subsidiary charge when applying the conclusion of a pre-trial agreement on cooperation in criminal matters on environmental crimes of medium gravity and serious are outlined by the right to partial compensation for the harm caused by the crime in criminal cases of environmental crimes of small gravity by requiring compensation for damage or otherwise ameliorating the environmental crime harm to the victim prior to the application of the special procedure for the adoption of a judicial decision provided for in Chapter 40.1. the Russian Federation Code of Criminal Procedure (below – CCP).

Discussion and Conclusions: the author proposes to expand the boundaries of cooperation provided for by the norms of Cl. 61, Art. 5 of the Code of Criminal Procedure and Part 2 of Art. 317.1. of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, regarding the enforcement of the full (environmental crimes of small gravity), partial (environmental crimes of medium gravity and serious) compensation for damage caused by the crime, as a pre-trial cooperation agreement.

Key words: victim, ecological crime, simplified procedure, special order, pre-trial cooperation agreement.

For citation: Lukomskaya A.S. Selected issues of ensuring the rights of the victims of environmental crime in applying a pre-trial cooperation agreement // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2018. T. 9, № 1. P. 103-111. DOI: 10.24420/KUI.2018.31.11116

Введение

Анализ системы правовых средств и способов обеспечения применения норм об ответственности за посягательство на экологический правопорядок и экологическую безопасность не в полной мере отвечает цели защиты прав потерпевшего от экологического преступления в уголовном судопроизводстве России. Исследование отдельных упрощенных форм производства по уголовным делам приводит нас к выводу о том, что они требуют детального рассмотрения с точки зрения защиты прав и законных интересов потерпевших с учетом специфики конкретных видов преступлений. В связи с этим предпринимается попытка рассмотреть отдельные вопросы обеспечения прав и законных интересов потерпевшего от экологического преступления при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве и особого порядка принятия судебного решения по таким уголовным делам, а именно:

- обоснование значения категории экологического преступления при применении досудебного соглашения о сотрудничестве, а также особого порядка принятия судебного решения по таким уголовным делам;

- определение границ субсидиарного обвинения при применении досудебного соглашения о сотрудничестве и особого порядка принятия судебного решения по уголовным делам об экологических преступлениях.

При проведении обозначенного исследования доступные эмпирические данные показывают, что в 2016 г. из 5708 уголовных дел об экологических преступлениях (ст. 246-262 УК РФ), поступивших в отчетном периоде, по 23 делам заключены досудебные соглашения о сотрудничестве (гл. 40.1 УПК РФ), в первом полугодии 2017 г. из 13452 – по 36 уголовным делам[1]. При этом анализ судебной практики позволяет сделать вывод, что досудебное соглашение о сотрудничестве не распространено по большинству из составов экологических преступлений, поскольку общая практика по такой категории дел до настоящего времени полноценно не сложилась. Начальные редакции диспозиций девяти норм из восемнадцати, предусмотренных главой 26 УК РФ за двадцать лет практики применения законодателем не корректировались. Не вызывает противоречий характеристика главы 26 УК РФ как «мертвой», не способствующей охране

[1] Сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4151 (дата обращения: 01.11.2017).

экологического правопорядка в государстве, защите граждан от экологических преступлений [1].

В связи с этим можно рассмотреть особенности заключения досудебного соглашения о сотрудничестве лишь по тем уголовным делам об экологических преступлениях, по которым имеется судебная практика. При этом несложившаяся практика применения норм об уголовной ответственности за посягательства на экологическую безопасность и экологический правопорядок не может служить основанием для отказа от исследования вопросов обеспечения прав потерпевшего от экологического преступления. Теоретическое исследование границ субсидиарного обвинения по уголовным делам об экологических преступлениях при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, а также особом порядке принятия судебного решения по такой категории дел нацелено на совершенствование процессуального порядка разрешения уголовно-правового конфликта, в котором защита прав потерпевшего является одной из первостепенных задач.

Материалы и методы

При проведении исследования использовалась теория дифференциации уголовного судопроизводства, позволяющая выделить с присущими ей отличительными признаками и особенностями специфическую форму упрощенного производства – особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве.

Методы теоретического исследования, в частности анализ и изучение научной и специальной литературы, электронных ресурсов, позволили сформировать представления о существующих исследованиях по вопросам обеспечения прав потерпевшего от экологического преступления при применении досудебного соглашения о сотрудничестве.

В свою очередь, методы эмпирического исследования (наблюдение, измерение, эксперимент, сравнение, анализ, индукция) использовались для изучения фактов экологических преступлений, отраженных в итоговых судебных решениях (в том числе по которым заключалось досудебное соглашение о сотрудничестве), необходимых для решения поставленных задач.

Общелогические методы научного исследования (анализ и синтез, индукция и дедукция, аналогия и моделирование) позволили изучить процессуальный порядок заключения досудебного соглашения о сотрудничестве по уголовным делам об экологических преступлениях, конкретизируя общие представления о нем через специфику преступлений, посягающих на экологический правопорядок и экологическую безопасность.

Указанные методы и методологические приемы использовались в единой системе для максимально эффективного решения поставленных в настоящем исследовании задач.

Обзор литературы

В науке уголовного процесса немало исследований посвящено проблемам упрощенных производств [2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10], при этом авторы обходят вниманием анализ вопросов и проблем защиты прав потерпевшего от экологического преступления при применении процессуального порядка досудебного заключения соглашения о сотрудничестве, такой упрощенной формы производства по уголовному делу, как особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве. В нашем исследовании затрагиваются отдельные вопросы обеспечения интереса потерпевшего от экологического преступления при заявлении ходатайства о досудебном соглашении, его заключении, рассмотрении и вынесении решения:

- подвергается анализу современный подход, согласно которому заключение досудебного соглашения о сотрудничестве возможно по всем категориям экологических преступлений, исходя из чего возникают вопросы об обеспечении защиты прав потерпевших;

- предпринимается попытка определить границы субсидиарного обвинения при применении досудебного соглашения о сотрудничестве по уголовным делам об экологических преступлениях.

Указанными направлениями очерчены пределы исследования отдельных вопросов обеспечения прав потерпевшего от экологического преступления при применении досудебного соглашения о сотрудничестве.

Результаты исследования

Объектом настоящего исследования выступает процессуальный порядок заключения досудебного соглашения о сотрудничестве, особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве с учетом специфики экологических преступлений в контексте обеспечения прав потерпевшего. Проводится анализ современного подхода, согласно которому заключение досудебного соглашения о сотрудничестве возможно по всем категориям экологических преступлений.

Действительно, основания применения процессуального порядка заключения досудебного соглашения о сотрудничестве, особого порядка проведения судебного заседания и вынесения судебного решения по уголовному делу, по которому заключено такое соглашение, отражают цели и задачи института, однако необходимо учитывать категорию

преступления, а также его специфические особенности.

Экологические преступления характеризуются:

- лежащим в основе публичным интересом, посягательством на публичные правоотношения по сохранению благоприятной окружающей среды, рациональному использованию природных ресурсов;

- многообъектностью экологических преступлений;

- специфическими свойствами и многообразием предметов данного вида преступлений: компонентов природной среды и их частей (земля, недра, почва, поверхностные и подземные воды, атмосферный воздух, растительный, животный мир и иные организмы, а также озоновый слой атмосферы и околоземное космическое пространство), природно-антропогенных и антропогенных объектов, природных комплексов;

- спецификой причиняемого вреда окружающей среде и ее компонентам, затрагивающего все сферы общественной жизни;

- несформированностью судебной практики и др.

Также необходимо учитывать, что нормы об ответственности за экологические преступления имеют ссылочный-бланкетный характер, когда диспозиции охранительных норм главы 26 УК РФ отсылают к иной норме уголовного закона и содержат признаки, раскрываемые в нормах экологического законодательства. Большинство экологических преступлений относятся к преступлениям с материальным составом, для которых обязательными признаками объективной стороны являются деяние (действие или бездействие), вредное последствие (экологический и экзогенный вред), причинная связь между деянием и вредным последствием.

При применении процессуального порядка заключения досудебного соглашения о сотрудничестве по уголовным делам об экологических преступлениях необходимо учитывать лежащий в основе публичный интерес, охраняемый нормами об ответственности за экологические преступления.

Согласно Конституции РФ каждый имеет право на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного его здоровью или имуществу экологическим правонарушением (ст. 42)[1].

Институт досудебного соглашения о сотрудничестве имеет целью «…привлекать к сотрудничеству лиц, состоящих в организованных группах и преступных сообществах …. в целях содействия следствию в раскрытии и расследовании преступлений, изобличения соучастников и розыска имущества, добытого в результате преступления»[2].

На современном этапе развития уголовной практики, принимая во внимание публичный интерес по уголовным делам о тяжких и средней тяжести экологических преступлениях, необходимо учитывать уникальность значения сотрудничества подозреваемого или обвиняемого, без которого установление объективной истины было бы невозможно или крайне осложнено, поскольку практика раскрытия и расследования данного вида преступлений сталкивается с серьезными трудностями, связанными с их специфическими особенностями.

Противоправные деяния, относимые законодателем к экологическим преступлениям, разнохарактерны и разноплановы по существенным особенностям элементов состава преступления, различаемых, например, предметами преступных посягательств, свойств конкретных компонентов природной среды, природных и природно-антропогенных и антропогенных объектов, одновременно составляющих специфику конкретного вида преступления, посягающего на экологический правопорядок и экологическую безопасность.

В связи с этим целесообразно применение порядка заключения досудебного соглашения о сотрудничестве с подозреваемым или обвиняемым по уголовным делам об экологических преступлениях, формирующих систему однородных общественных отношений, охраняемых единым комплексом взаимосвязанных уголовно-экологических норм, представленных в главе 26 УК РФ:

- об экологических преступлениях средней тяжести (ст. 246 УК РФ; ч. 2 ст. 247 УК РФ; ч. 2 ст. 248 УК РФ; ч. 3 ст. 250 УК РФ; ч. 3 ст. 251 УК РФ; ч. 3 ст. 254 УК РФ; ч. 2 ст. 258.1. УК РФ; ч. 2 ст. 260 УК РФ; ч. 2 ст. 261 УК РФ; ч. 3 ст. 261 УК РФ);

- о тяжких экологических преступлениях (ч. 3 ст. 247 УК РФ; ч. 3 ст. 252 УК РФ; ч. 3 ст. 258.1. УК РФ; ч. 3 ст. 260 УК РФ; ч. 4 ст. 261 УК РФ);

- особо тяжкие экологические преступления (умышленные деяния, за совершение которых УК РФ предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше десяти лет или более строгое наказание) (в главе 26 УК РФ не предусмотрены).

К таким преступлениям также могут быть отнесены комплексные экологические преступления, выходящие за пределы 26 главы УК РФ, выделяе-

[1] Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ).

[2] Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» (о введении особого порядка вынесения судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве). URL: http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/3035226/#3035226.

мые нами по характеру и степени общественной опасности (ст. 15 УК РФ):

- тяжкие комплексные экологические преступления (ч. 3 ст. 213 УК РФ; ч. 3 ст. 215 УК РФ; ч.2 ст. 225 УК РФ; ч. 3 ст. 243.2 УК РФ; ч. 4 ст. 272 УК РФ; ч. 3 ст. 273 УК РФ; ч. 1 ст. 281 УК РФ; ч. 3 ст. 286 УК РФ; ч. 3 ст. 349 УК РФ; ст. 355 УК РФ);

- особо тяжкие комплексные экологические преступления (п. «в» ч. 2 ст. 205 УК РФ; ч.3 ст. 211 УК РФ; ч. 4 ст. 211 УК РФ; ст. 212 УК РФ; ч.3 ст. 227 УК РФ; ч. 2 ст. 281 УК РФ; ч. 3 ст. 281 УК РФ; ч. 2 ст. 353 УК РФ; ст. 356 УК РФ; ст. 358 УК РФ) [11, с. 125].

Так, согласно доступным для исследования приговорам по уголовным делам о незаконной рубке, а равно повреждении до степени прекращения роста лесных насаждений или не отнесенных к лесным насаждениям деревьев, кустарников, лиан, совершенном в особо крупном размере, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой (ч. 3 ст. 260 УК РФ), досудебные соглашения содержат указания на характер действий, совершаемых подозреваемым (обвиняемым): сообщается о конкретном эпизоде преступления[1]; добровольно указывается дополнительное место совершенной незаконной рубки лесных насаждений[2]; предоставляются сведения о роли каждого из соучастников преступления[3]; сообщаются сведения о распределении функций каждого из соучастников преступления[4]; сообщается значимая информация о совершении иными лицами преступлений в лесопромышленном комплексе, на основании которой с участием обвиняемого проводится комплекс оперативно-розыскных мероприятий, направленных на документирование преступной деятельности лиц[5] и др.

Исследование отдельных материалов судебной практики показывает, что в раскрытии тяжких экологических преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 260 УК РФ, в которых присутствует публичный интерес общества и государства, действительно обосновано заключение досудебного соглашения о сотрудничестве и применение особого процессуального порядка принятия судебного решения. Это связано со спецификой досудебного производства по данной категории уголовных дел. Расследование незаконных рубок лесных насаждений, предусмотренных ч. 3 ст. 260 УК РФ, осложнено проблемами установления видов и форм соучастия, предварительного сговора, момента возникновения умысла, способов совершения преступления и впоследствии ошибок квалификации незаконных рубок лесных насаждений, совершенных в особо крупном размере, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой и др. [12]

В 2015 г. из доступных и проанализированных итоговых судебных решений при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве в судебном рассмотрении дела в 71,43% участвовал представитель потерпевшего, государственного органа в сфере лесопользования, в 2016 г. – 73%, в 2017 г. – 76%, что указывает на необходимость эффективного обеспечения прав общества и государства при заключении досудебного заключения о сотрудничестве.

При отсутствии обязательного требования к частичному возмещению вреда при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве по делам, предусмотренным ч. 3 ст. 260 УК РФ, размер частично возмещенного ущерба по уголовным делам о совершении незаконной рубки лесных насаждений, совершенных в особо крупном размере, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, по которым подозреваемым или обвиняемым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, указанный в итоговом судебном решении, составляет менее 1% и складывается не единообразно. Анализ отдельных итоговых судебных решений 2015 г. свидетельствует о частичном возмещении ущерба подозреваемым или обвиняемым 5000 руб. из общей суммы причиненного преступлением ущерба, оцененного в 1 039 855 руб. (0, 48%)[6]; 200 000 руб. из 3 529

[1] Приговор Осташковского городского суда Тверской области от 13.12.2011 по уголовному делу № 22-219 в отношении Ж., признанного виновным в совершении ч. 3 ст. 260 УК РФ, ч. 3 ст. 260 УК РФ, ч. 3 ст. 260 УК РФ // Росправосудие. URL: https://rospravosudie.com/court-ust-udinskij-rajonnyj-sud-irkutskaya-oblast-s/act-536458264/ (дата обращения: 03.01.2018).

[2] Приговор Усть-Удинского районного суда (Иркутская область) по уголовному делу № 1-118/2016 по обвинению Б. в совершении преступлений, предусмотренных п. «г» ч. 2 ст. 260, п. «г» ч. 2 ст. 260 УК РФ // Росправосудие. URL: https://rospravosudie.com/court-ust-udinskij-rajonnyj-sud-irkutskaya-oblast-s/act-536458264/ (дата обращения: 03.01.2018).

[3] Приговор Дальнереченского районного суда Приморского края от 25.11.2014 по уголовному делу № 1-28/2015 в отношении П., совершившего четыре преступления, предусмотренные ч. 3 ст. 33, ч. 3 ст. 260 УК РФ (в редакции от 07.12.2011 № 420-ФЗ) // Росправосудие. URL: https://rospravosudie.com/court-ust-udinskij-rajonnyj-sud-irkutskaya-oblast-s/act-536458264/ (дата обращения: 03.01.2018).

[4] Приговор Иркутского районного суда Иркутской области от 21.12.2015 по уголовному делу № 1-673/2015 в отношении Г., совершившего преступление, предусмотренное ч. 3 ст. 260 УК РФ // Росправосудие. URL: https://rospravosudie.com/court-ust-udinskij-rajonnyj-sud-irkutskaya-oblast-s/act-536458264/ (дата обращения: 03.01.2018).

[5] Приговор Красноармейского районного суда по уголовному делу № 1-56/2016 от 25.05.2016 по обвинению М. в совершении преступления, предусмотренного ч.3 ст. 260 УК РФ // Росправосудие. URL: https://rospravosudie.com/court-ust-udinskij-rajonnyj-sud-irkutskaya-oblast-s/act-536458264/ (дата обращения: 03.01.2018).

[6] Приговор Дальнереченского районного суда Приморского края от 27.04.2015 по уголовному делу № 1-139/2015 в отношении М., обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 260, ч. 3 ст. 260, ч. 3 ст. 260, ч. 3 ст. 260, ч. 3 ст. 260 УК РФ // Росправосудие. URL: https://rospravosudie.com/court-ust-udinskij-rajonnyj-sud-irkutskaya-oblast-s/act-536458264/ (дата обращения: 03.01.2018).

132,1 руб. (0,57%)[1] и др. В 2016 г. по отдельным исследованным уголовным делам, возбужденным по ч. 3 ст. 260 УК РФ: при причиненном ущербе в сумме 1 692 938 руб. вопрос о частичном возмещении ущерба в досудебном соглашении о сотрудничестве не ставился[2]; при ущербе в сумме 34 453 310 руб. частичное возмещение ущерба подсудимым не рассматривалось, а приговор содержит указание на оставление за потерпевшим права на разрешение иска[3] и др. В 2017 г. по отдельным уголовным делам, возбужденным по ч. 3 ст. 260 УК РФ: ущерб составил 22 957 999 руб., указывается на добровольное частичное возмещение имущественного ущерба[4]; исковые требования Минлесхоза о возмещении имущественного ущерба в размере 14 477 182 рубля, причиненного в результате преступлений, суд удовлетворил в полном объеме, поскольку причиненный России материальный ущерб подтверждается материалами уголовного дела, исковые требования представителя потерпевшего подсудимый Н. в судебном заседании признал. В целях обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска Минлесхоза суд считает необходимым обратить взыскание на имущество Н., на которое был наложен арест в ходе предварительного следствия[5] и др.

Экологические преступления по своим особенностям имеют выраженный публичный характер, однако отдельные составы тяжких и средней тяжести экологических преступлений, предусмотренные главой 26 УК РФ, содержат интерес потерпевшего физического лица, которому экологическим преступлением причинен вред жизни или здоровью:

- экологические преступления средней тяжести (ст. 246 УК РФ; ч. 2 ст. 247 УК РФ; ч. 2 ст. 248 УК РФ; ч. 3 ст. 250 УК РФ; ч. 3 ст. 251 УК РФ; ч. 3 ст. 254 УК РФ; ч. 2 ст. 258.1. УК РФ; ч. 2 ст. 260 УК РФ; ч. 2 ст. 261 УК РФ; ч. 3 ст. 261 УК РФ);

- тяжкие экологические преступления (ч. 3 ст. 247 УК РФ; ч. 3 ст. 252 УК РФ; ч. 3 ст. 258.1. УК РФ; ч. 3 ст. 260 УК РФ; ч. 4 ст. 261 УК РФ).

Несмотря на то что потерпевший прямо заинтересован в раскрытии экологического преступления, относимого уголовным законом к преступлениям средней тяжести или тяжким, вынесении по уголовному делу законного, обоснованного и справедливого решения, необходимо учитывать, что процессуальный порядок заключения досудебного соглашения о сотрудничестве по уголовным делам об экологических преступлениях не выделяет категории преступлений, по которым оно может быть заключено, а также не обеспечивает право потерпевшего на возмещение вреда, причиненного общественно опасным, противоправным, виновным, наказуемым деянием, предусмотренным нормами главы 26 УК РФ. Даже с учетом положительного опыта в поиске новых оптимальных средств борьбы с преступностью ограничение права потерпевшего на возмещение вреда в рамках применения досудебного соглашения о сотрудничестве видится как противоречащее назначению уголовного судопроизводства в целом.

Норма пункта 61 ст. 5 УПК РФ, определяющая досудебное соглашение о сотрудничестве как соглашение об условиях ответственности подозреваемого или обвиняемого в зависимости от его действий после возбуждения уголовного дела или предъявления обвинения, а также положения ст. 317.1. УПК РФ не обеспечивают достижение частного интереса потерпевшего по уголовному делу об экологическом преступлении.

Учитывая, что институт досудебного соглашения о сотрудничестве применяется с целью раскрытия экологических преступлений, совершенных в соучастии, выделение материалов уголовного дела в отношении сотрудничающего обвиняемого порождает ситуацию, в которой требования потерпевших впоследствии подлежат рассмотрению разными составами суда, по выделенному и основному делу. В результате возникают следующие проблемы:

- снижение размера вреда, подлежащего возмещению соучастниками;

[1] Приговор Дальнереченского районного суда Приморского края от 25.11.2014 по уголовному делу № 1-28/2015 в отношении П., совершившего четыре преступления, предусмотренные ч. 3 ст. 33, ч. 3 ст. 260 УК РФ (в редакции от 07.12.2011. № 420-ФЗ) // Росправосудие. URL: https://rospravosudie.com/court-ust-udinskij-rajonnyj-sud-irkutskaya-oblast-s/act-536458264/ (дата обращения: 03.01.2018).

[2] Приговор Черкесского районного суда Кабардино-Балкарской Республики от 15 декабря 2016 г. по уголовному делу 1-75/2016 в отношении С., совершившего преступление, предусмотренное ч.3 ст. 260 УК РФ // Росправосудие. URL: https://rospravosudie.com/court-cherekskij-rajonnyj-sud-kabardino-balkarskaya-respublika-s/act-554596374/ (дата обращения 14.01.2018).

[3] Приговор Катав-Ивановского городского суда Челябинской области от 27 декабря 2016 г. по уголовному делу № 1-171/2016 в отношении Л., обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 260 УК РФ, ч. 3 ст. 260 УК РФ, ч. 3 ст. 260 УК РФ, ч. 3 ст. 260 УК РФ, ч. 3 ст. 260 УК РФ, ч. 3 ст. 260 УК РФ, ч. 3 ст. 260 УК РФ, ч. 3 ст. 260 УК РФ // Росправосудие. URL: https://rospravosudie.com/court-katav-ivanovskij-gorodskoj-sud-chelyabinskaya-oblast-s/act-535773840/ (дата обращения 14.01.2018).

[4] Приговор по уголовному делу № 1-113/2017 от 20 апреля 2017 г. в отношении Ф., обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 260 УК РФ, ч. 3 ст. 260 УК РФ, ч. 3 ст. 260 УК РФ, ч. 3 ст. 260 УК РФ, ч. 3 ст. 260 УК РФ, ч. 3 ст. 260 УК РФ, ч. 3 ст. 260 УК РФ, ч. 3 ст. 260 УК РФ // Росправосудие. URL: https://rospravosudie.com/court-sud-rajona-imeni-lazo-xabarovskij-kraj-s/act-555685075/ (дата обращения: 14.01.2018).

[5] Приговор Кирово-Чепецкого районного суда Кировской области по уголовному делу № 1-274 (41701330068019237) от 18 сентября 2017 г. в отношении Н., обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных ч.3 ст. 260, ч. 3 ст. 260, ч. 3 ст. 260, ч. 3 ст. 260, ч. 3 ст. 260, ч. 3 ст. 260, ч. 3 ст. 260 УК РФ // Росправосудие. URL: https://rospravosudie.com/court-kirovo-chepeckij-rajonnyj-sud-kirovskaya-oblast-s/act-559359676/ (дата обращения: 14.01.2018).

- возложение обязанности возмещения вреда на сотрудничающего подсудимого единолично, в отрыве от соучастников;

- отказ от рассмотрения иска по выделенному уголовному делу в связи с тем, что по основному делу этот вопрос еще не решен и др. [13]

Обосновывается, что применение досудебного соглашения о сотрудничестве по уголовным делам об экологических преступлениях средней тяжести и тяжких должно предусматривать существенное усиление процессуальных гарантий потерпевшего, повышение уровня защищенности его прав и свобод как участника упрощенной формы процессуального производства.

Как справедливо отмечают О.В. Карпов и И.В. Маслов, «в главе 40.1 УПК РФ термины «потерпевший», «гражданский истец» не употребляются. Таким образом, заключение соглашения с подозреваемым, обвиняемым может повлечь существенное нарушение прав и законных интересов, указанных участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения, так как возможность заключения соглашения не ставится в зависимость от возмещения вреда, причиненного преступлением» [14].

При этом, на наш взгляд, такую зависимость по делам об экологических преступлениях уместно рассматривать применительно к преступлениям небольшой тяжести.

Разделяя формы защиты прав потерпевшего, учитывая, что дознаватель, следователь, суд не имеют самостоятельной цели защиты прав потерпевшего и призваны обеспечивать его права, объективно требуется очертить границы субсидиарного обвинения (п. 16 ч. 2 ст. 42 УПК РФ) по уголовным делам об экологических преступлениях небольшой тяжести, по которым применяются нормы института досудебного соглашения о сотрудничестве.

Мы исходим из того, что сумма причиненного экологическим преступлением ущерба является составной частью предъявленного обвинения, с которой осужденный соглашается. Заявляя на досудебной стадии ходатайство о порядке главы 40.1 УПК РФ, обвиняемый соглашается с фактическими обстоятельствами содеянного, характером и размером вреда, причиненного экологическим преступлением. Таким образом, применение порядка досудебного соглашения о сотрудничестве по уголовным делам об экологических преступлениях небольшой тяжести должно предусматривать не только учет мнения потерпевшего по заявленному ходатайству, но и требование к лицу, обвиняемому в совершении экологического преступления небольшой тяжести, возместить ущерб или иным образом загладить причиненный экологическим преступлением вред потерпевшему.

С учетом частного интереса потерпевшего физического лица в качестве обеспечительной меры может выступать требование к лицу, подозреваемому или обвиняемому в совершении экологического преступления, отнесенного законодателем к преступлениям небольшой тяжести, возместить ущерб или иным образом загладить причиненный экологическим преступлением вред потерпевшему до применения особого порядка принятия судебного решения, предусмотренного главой 40.1 УПК РФ. Такое условие по делам об экологических преступлениях обеспечит реализацию конституционного права потерпевшего на возмещение вреда, причиненного экологическим преступлением.

Обсуждение и заключения

Полагаем, что требуется выделение конкретного перечня составов экологических преступлений, при расследовании которых заключение досудебного соглашения о сотрудничестве в наибольшей степени отвечает целям этого института. Целесообразно применение порядка заключения досудебного соглашения о сотрудничестве с подозреваемым или обвиняемым по уголовным делам об экологических преступлениях, формирующих систему однородных общественных отношений, охраняемых единым комплексом взаимосвязанных уголовно-экологических норм, представленных в главе 26 УК РФ, в следующих случаях;

- об экологических преступлениях средней тяжести (ст. 246 УК РФ; ч. 2 ст. 247 УК РФ; ч. 2 ст. 248 УК РФ; ч. 3 ст. 250 УК РФ; ч. 3 ст. 251 УК РФ; ч. 3 ст. 254 УК РФ; ч. 2 ст. 258.1. УК РФ; ч. 2 ст. 260 УК РФ; ч. 2 ст. 261 УК РФ; ч. 3 ст. 261 УК РФ);

- о тяжких экологических преступлениях (ч. 3 ст. 247 УК РФ; ч. 3 ст. 252 УК РФ; ч. 3 ст. 258.1. УК РФ; ч. 3 ст. 260 УК РФ; ч. 4 ст. 261 УК РФ);

- особо тяжкие экологические преступления (умышленные деяния, за совершение которых УК РФ предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше десяти лет или более строгое наказание) (в главе 26 УК РФ не предусмотрены).

К таким преступлениям также могут быть отнесены комплексные экологические преступления, выходящие за пределы 26 главы УК РФ, выделяемые нами по характеру и степени общественной опасности (ст. 15 УК РФ):

- тяжкие комплексные экологические преступления (ч. 3 ст. 213 УК РФ; ч. 3 ст. 215 УК РФ; ч.2 ст. 225 УК РФ; ч. 3 ст. 243.2 УК РФ; ч. 4 ст. 272 УК РФ; ч. 3 ст. 273 УК РФ; ч. 1 ст. 281 УК РФ; ч. 3 ст. 286 УК РФ; ч. 3 ст. 349 УК РФ; ст. 355 УК РФ);

- особо тяжкие комплексные экологические преступления (п. «в» ч. 2 ст. 205 УК РФ; ч.3 ст. 211 УК РФ; ч. 4 ст. 211 УК РФ; ст. 212 УК РФ; ч.3 ст. 227

УК РФ; ч. 2 ст. 281 УК РФ; ч. 3 ст. 281 УК РФ; ч. 2 ст. 353 УК РФ; ст. 356 УК РФ; ст. 358 УК РФ)[1].

Применение процессуального порядка досудебного соглашения о сотрудничестве по уголовным делам об экологических преступлениях небольшой тяжести должно предусматривать не только учет мнения потерпевшего по заявленному ходатайству, но и требование к лицу, подозреваемому или обвиняемому в совершении экологического преступления небольшой тяжести, возместить ущерб или иным образом загладить причиненный экологическим преступлением вред потерпевшему до применения особого порядка принятия судебного решения, предусмотренного главой 40.1 УПК РФ.

Анализ имеющейся судебной практики по уголовным делам о совершении экологических преступлений указывает на обоснованную необходимость расширения границ сотрудничества, предусмотренных нормами п. 61 ст. 5 УПК РФ и ч. 2 ст. 317.1 УПК РФ, в части закрепления требования полного (экологические преступления небольшой тяжести), частичного (экологические преступления средней тяжести и тяжкие) возмещения ущерба, причиненного преступлением, как условия досудебного соглашения о сотрудничестве.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовно-правовая охрана экологического правопорядка и экологической безопасности: монография / под науч. ред. докт. юрид. наук, проф. Л.Г. Татьяниной. М.: Юрлитинформ, 2017. С. 17.
2. Арестова Е.Н. Особенности производства дознания в сокращенной форме // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.01.2018).
3. Каретников А.С. Нужен ли особый порядок судебного рассмотрения уголовных дел в отношении лиц, заключивших досудебное соглашение о сотрудничестве? // Законность. 2013. № 10, 11.
4. Качалова О.В. Доказывание при сокращенной форме дознания // Уголовный процесс. 2013. № 6.
5. Карлов А.Л. Доказательственное значение ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве в случае отказа в его удовлетворении // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2017. Т. 7, № 3. С. 110-114.
6. Качалова О.В. Истина и сокращенные производства в российском уголовном процессе // Бюллетень Международной ассоциации содействия правосудию. 2015. № 1.
7. Печников Г.А. Сокращенная форма дознания и объективная истина в уголовном процессе // Дознание в сокращенной форме: вопросы законодательной регламентации и проблемы правоприменения. Волгоград, 2013.
8. Неретин Н.Н. Спорные моменты, возникающие при рассмотрении уголовного дела в особом порядке принятия судебного решения // Российский судья. 2013. № 12.
9. Рыбалов К.А. Условия применения особого порядка судебного разбирательства // Современное право. 2011. № 6.
10. Тисен О., Ткачев И. Сравнительный анализ правовой регламентации досудебного соглашения о сотрудничестве и особого порядка судебного разбирательства в российском уголовном судопроизводстве // Уголовное право. 2011. № 1.
11. Лукомская А.С. Уголовно-правовая охрана экологического правопорядка и экологической безопасности: монография / под науч. ред. докт. юрид. наук, проф. Л.Г. Татьяниной. М.: Юрлитинформ, 2017. 184 с.
12. Качина Н.В., Мирончик А.С. Незаконная рубка лесных насаждений (ст. 260 УК РФ): ошибки применения и пути их преодоления // Адвокатская практика. 2014. № 4. С. 51 - 57.
13. Тисен О.Н. Ошибки при рассмотрении гражданского иска по уголовному делу в отношении субъекта досудебного соглашения о сотрудничестве // Уголовное право. 2016. № 4. С. 110 - 115.
14. Карпов О.В., Маслов И.В. Досудебное соглашение о сотрудничестве: проблемы правового регулирования и вопросы порядка применения // Уголовный процесс. 2009. № 9. С. 9.

REFERENCES

1. Ugolovno-pravovaya ohrana ehkologicheskogo pravoporyadka i ehkologicheskoj bezopasnosti: monografiya / pod nauch. red. dokt. yurid. nauk, prof. L.G. Tat'yaninoj. M.: YUrlitinform, 2017. S. 17.

[1] Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» (о введении особого порядка вынесения судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве). URL: http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/3035226/#3035226.

2. Arestova E.N. Osobennosti proizvodstva doznaniya v sokrashchennoj forme // Dostup iz SPS «Konsul'tantPlyus» (data obrashcheniya:).
3. Karetnikov A.S. Nuzhen li osobyj poryadok sudebnogo rassmotreniya ugolovnyh del v otnoshenii lic, zaklyuchivshih dosudebnoe soglashenie o sotrudnichestve? // Zakonnost'. 2013. № 10, 11.
4. Kachalova O.V. Dokazyvanie pri sokrashchennoj forme doznaniya // Ugolovnyj process. 2013. № 6.
5. Karlov A.L. Dokazatel'stvennoe znachenie hodatajstva o zaklyuchenii dosudebnogo soglasheniya o sotrudnichestve v sluchae otkaza v ego udovletvorenii // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2017. T. 7, № 3. S. 110-114.
6. Kachalova O.V. Istina i sokrashchennye proizvodstva v rossijskom ugolovnom processe // Byulleten' Mezhdunarodnoj associacii sodejstviya pravosudiyu. 2015. № 1.
7. Pechnikov G.A. Sokrashchennaya forma doznaniya i ob"ektivnaya istina v ugolovnom processe // Doznanie v sokrashchennoj forme: voprosy zakonodatel'noj reglamentacii i problemy pravoprimeneniya. Volgograd, 2013.
8. Neretin N.N. Spornye momenty, voznikayushchie pri rassmotrenii ugolovnogo dela v osobom poryadke prinyatiya sudebnogo resheniya // Rossijskij sud'ya. 2013. № 12.
9. Rybalov K.A. Usloviya primeneniya osobogo poryadka sudebnogo razbiratel'stva // Sovremennoe pravo. 2011. № 6.
10. Tisen O., Tkachev I. Sravnitel'nyj analiz pravovoj reglamentacii dosudebnogo soglasheniya o sotrudnichestve i osobogo poryadka sudebnogo razbiratel'stva v rossijskom ugolovnom sudoproizvodstve // Ugolovnoe pravo. 2011. № 1.
11. Lukomskaya A.S. Ugolovno-pravovaya ohrana ehkologicheskogo pravoporyadka i ehkologicheskoj bezopasnosti: monografiya / pod nauch. red. dokt. yurid. nauk, prof. L.G. Tat'yaninoj. M.: YUrlitinform, 2017. 184s., S. 125.
12. Kachina N.V., Mironchik A.S. Nezakonnaya rubka lesnyh nasazhdenij (st. 260 UK RF): oshibki primeneniya i puti ih preodoleniya // Advokatskaya praktika. 2014. № 4. S. 51 - 57.
13. Tisen O.N. Oshibki pri rassmotrenii grazhdanskogo iska po ugolovnomu delu v otnoshenii sub"ekta dosudebnogo soglasheniya o sotrudnichestve // Ugolovnoe pravo. 2016. № 4. S. 110 - 115.
14. Karpov O.V., Maslov I.V. Dosudebnoe soglashenie o sotrudnichestve: problemy pravovogo regulirovaniya i voprosy poryadka primeneniya // Ugolovnyj process. 2009. № 9. S. 9.

Об авторе: Лукомская Анастасия Сергеевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса Института права, социального управления и безопасности Удмуртского государственного университета.
e-mail: nastasia5555@mail.ru
© Лукомская А.С., 2018
Статья получена: 03.11.2017 Статья принята к публикации: 15.03.2018
Статья опубликована онлайн: 20.03.2018

About the author: Lukomskaya Anastasia S., Candidate of Law (research doctorate), Associate Professor of the Criminal Procedure Department of the Institute of Law, Social Management and Security of the Udmurt State University.
e-mail: nastasia5555@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The author has read and approved the final version of the manuscript.

УДК 343.102 DOI: 10.24420/KUI.2018.31.11117

Э.Д. Шайдуллина

ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРИОСТАНОВЛЕНИЯ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ В СВЯЗИ С ВРЕМЕННЫМ ТЯЖЕЛЫМ ЗАБОЛЕВАНИЕМ ПОДОЗРЕВАЕМОГО (ОБВИНЯЕМОГО)

LAW-ENFORCEMENT QUESTIONS OF SUSPENSION OF PRELIMINARY INVESTIGATION IN CONNECTION WITH A TEMPORARY SERIOUS ILLNESS OF SUSPECTED (ACCUSED)

Введение: в статье рассмотрены актуальные вопросы, возникающие у следователей (дознавателей) в случаях необходимости приостановления предварительного расследования в связи с временным тяжелым заболеванием подозреваемого либо обвиняемого.

Материалы и методы: статья подготовлена на основании изучения действующего законодательства, статистических данных, теоретических позиций по рассматриваемой теме, материалах уголовных дел, мнения практических сотрудников, осуществляющих предварительное расследование по уголовным делам. При написании статьи использован основной метод познания – диалектический, а также частные научные методы – сравнительно-правовой, статистический и формально-логический.

Результаты исследования: в статье проведен анализ условий, необходимых при принятии решения о приостановлении предварительного расследования на основании временного тяжелого заболевания подозреваемого (обвиняемого). В частности, исследованы те медицинские документы, которые используются следователями либо дознавателями в практической деятельности в качестве обоснования приостановления производства по уголовному делу. На основании проведенного анализа сделаны выводы и сформулированы предложения по оптимизации правоприменительной деятельности в рассматриваемой сфере.

Обсуждение и заключения: делается вывод, что медицинское заключение и справка от врача являются разными медицинскими документами о состоянии здоровья пациента. Должностным лицам, осуществляющим предварительное расследование, необходимо действовать в соответствии с действующим уголовно-процессуальным законодательством и руководствоваться при принятии решения о приостановлении уголовного дела по п. 4 ч. 1 ст. 208 Уголовно-процессуального кодекса РФ исключительно медицинским заключением либо комиссионным заключением судебно-медицинской (судебно-психиатрической) экспертизы.

Ключевые слова: приостановление предварительного расследования, медицинское заключение, временное тяжелое заболевание, досудебное производство.

Для цитирования: Шайдуллина Э.Д. Правоприменительные вопросы приостановления предварительного расследования в связи с временным тяжелым заболеванием подозреваемого (обвиняемого) // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2018. Т. 9, № 1. С. 112-117. DOI: 10.24420/KUI.2018.31.11117

Introduction: the article studies the topical issues of investigators when it is necessary to suspend the investigation in connection with a temporary serious illness of the suspect (accused).

Materials and Methods: article is prepared on the basis of the current legislation, theoretical opinions of scientists and opinions of investigators. When writing article the main method of knowledge – dialectic and also private scientific methods – comparative legal, statistical and formal logic are used.

Results: the analysis of the conditions necessary for making decision on suspension of investigation at a temporary serious illness of suspected (accused) is made. For example, medical documents which are used by investigators as justification of suspension of production on criminal case in such cases are investigated. Basing on the taken analysis the author draws the conclusions and drafts proposals on operation optimization of enforcement activities in the examined area.

Discussion and Conclusions: the author states that the medical conclusion and the doctor's note are different medical documents on the state of health of the patient. Investigators need to act according to the existing

criminal procedure legislation and follow in making decisions on suspension of criminal case according to paragraph 4 part 1 Art. 208 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation exclusively the medical conclusion or the commission conclusion of forensic medical examination.

Key words: suspension of preliminary investigation, medical conclusion, temporary serious illness, prejudicial production.

For citation: Shaidullina E.D. Law-enforcement questions of suspension of preliminary investigation in connection with a temporary serious illness of suspected (accused) // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2018. T. 9, № 1. P. 112-117. DOI: 10.24420/KUI.2018.31.11117

Введение

Следователи, дознаватели, расследуя уголовные дела, ориентируются прежде всего на доведение производства до конечного итогового решения. Однако в правоприменительной деятельности нередко возникают случаи [1], когда завершить предварительное расследование в установленный законодателем срок не получается ввиду отсутствия по определенным причинам возможности участия обвиняемого (подозреваемого) в ходе досудебного производства. В связи с этим Уголовно-процессуальный кодекс РФ (далее – УПК РФ) устанавливает в статье 208 основания временного перерыва в производстве по уголовному делу[1]. В теории уголовного судопроизводства он носит название «приостановление предварительного расследования». Согласно п. 4 ч. 1 ст. 208 УПК РФ одним из оснований приостановления производства по уголовному делу является временное тяжелое заболевание подозреваемого или обвиняемого, удостоверенное медицинским заключением, препятствующее его участию в следственных и иных процессуальных действиях. На первый взгляд может показаться, что все достаточно понятно и не должно вызывать каких-либо сомнений. Однако, имея опыт следственной работы, взаимодействуя в ходе своей практической деятельности со следователями и дознавателями, автор статьи считает возможным утверждать, что в правоприменительной практике до сих пор нет единого подхода к соблюдению всех условий для приостановления уголовного судопроизводства по рассматриваемому основанию. В целях разрешения практических неточностей проанализируем условия приостановления предварительного расследования в случае временного тяжелого заболевания подозреваемого либо обвиняемого.

Обзор литературы

В настоящее время вопросы приостановления предварительного расследования ввиду временного тяжелого заболевания подозреваемого (обвиняемого) в теории уголовного судопроизводства обсуждаются прежде всего в специальных изданиях. В частности, вопросы перерыва в расследовании уголовного дела по данному основанию рассматриваются Б.Т. Безлепкиным[2], А.Н. Шевчуковым[3] и другими теоретиками. В научных статьях данный аспект рассматривался В. Стельмахом [2], М.Ю. Павликом и О.Р. Шепелевой [3], а также Е.Н. Арестовой , А.В. Борбат, А.С. Есиной [4]. Диссертационные исследования приостановления расследования ввиду временного тяжелого заболевания проводились А.В. Кочетовой [5], А.А. Нечаевым [6], В.В. Рябчиковым [7], К.А. Сергеевым [8] и другими соискателями. Однако в последнее время данная проблематика не освещается в теоретическом плане. Это может быть обусловлено разрывом между теорией и практикой (как уже говорилось, на первый взгляд может показаться, что данное основание достаточно полно описано законодателем и не требуется каких-либо разъяснений). Неоднозначные подходы в теории уголовного судопроизводства, разная правоприменительная практика применения исследуемого основания приостановления предварительного расследования привела нас к проведению своего исследования отдельных проблемных аспектов и написанию данной статьи.

Материалы и методы

В настоящей статье используются действующее законодательство, статистические данные МВД России за последние 5 лет, исследование уголовных дел, приостановленных ввиду временного тяжелого заболевания подозреваемого либо обвиняемого, результаты интервьюирования действующих следователей и дознавателей, их руководителей. В статье в качестве основного использован диалектический метод познания объективной действительности. В качестве частных научных методов автором использованы такие методы, как сравнительно-правовой, статистический и формально-логический.

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 29.07.2017) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921; Собрание законодательства РФ. 2017. № 31 (ч. I). Ст. 4800.

[2] Безлепкин Б.Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). М.: Проспект, 2017. 608 с.

[3] Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под науч. ред. Г.И. Загорского. М.: Проспект, 2016. 1215 с.

Результаты исследования

Анализ статистических данных ГИАЦ МВД России[1] за последние 5 лет показал, что процентная доля уголовных дел, приостановленных следователями ввиду временного тяжелого заболевания подозреваемого (обвиняемого), составляет в среднем 0,3%, а дознавателями – 9%, от общего количества уголовных дел, приостановленных по всем основаниям. Этот показатель, на наш взгляд, может быть обусловлен тем, что в правоприменительной практике до сих пор нет единого понимания, что же следует относить к временному тяжелому заболеванию подозреваемого (обвиняемого), какими медицинскими документами оно должно быть подтверждено, на какой промежуток времени возможно приостановление по данному основанию.

В результате следователям проще продлевать сроки предварительного следствия, пока подозреваемый либо обвиняемый не сможет участвовать в расследовании уголовного дела. Что же касается дознания, сроки расследования здесь более ограничены, ввиду чего приостановление по данному основанию является необходимостью соблюдения разумности сроков дознания.

Остановимся на обозначенных вопросах более подробно.

Для начала определимся с понятием «заболевание». Это нарушение нормальной жизнедеятельности, возникающее в ответ на действие патогенных факторов, нарушения работоспособности, социально полезной деятельности, продолжительности жизни организма и его способности адаптироваться к постоянно изменяющимся условиям внешней и внутренней сред при одновременной активизации защитно-компенсаторно-приспособительных реакций и механизмов[2].

Понимание «временного тяжелого заболевания» является оценочным, и однозначный ответ на вопрос, какое именно заболевание следует считать тяжелым, отсутствует как в теории уголовного процесса, так и в правоприменительной деятельности.

Так, например, М.Ю. Павлик и О.Р. Шепелева подчеркивают: «Заболевание, при наличии которого у подозреваемого (обвиняемого) предварительное следствие может быть приостановлено, должно быть тяжелым в том смысле, когда лицо не может передвигаться или ему установлен постельный режим либо в силу своего физического недомогания не может совершать активные действия. Однако существуют и такие заболевания, которые считаются тяжелыми с медицинской точки зрения и даже неизлечимыми, но которые вполне позволяют больным вести нормальную активную жизнь и принимать участие в следственных действиях. Примерами таких заболеваний могут служить сахарный диабет, сердечная недостаточность, гепатит, язва и др. При отсутствии обострений и острых приступов лица, страдающие этими заболеваниями, могут принимать участие в проводимом расследовании» [3, с. 142].

В. Стельмах выделяет ряд условий определения степени тяжести заболевания:

- в результате заболевания утрачивается или значительно снижается способность лица воспринимать характер и значение следственного действия;

- вследствие заболевания организм лица находится в ослабленном состоянии и производство следственного действия может спровоцировать значительное ухудшение состояния здоровья;

- заболевание не должно быть психическим [2, с.95-96].

Б.Т. Безлепкин, наоборот, акцент делает на психическом заболевании подозреваемого или обвиняемого, подчеркивая, что при решении вопроса о приостановлении расследования по данному основанию «имеется в виду как психическое, так и иное заболевание. Достаточно установить, что обвиняемый или подозреваемый заболел тяжким, но излечимым психическим заболеванием, которое не дает основания признать его невменяемым, но препятствует его участию в следственных действиях и не позволяет закончить расследование. К числу иных тяжких заболеваний относятся те, при которых больному на продолжительное время устанавливается постельный режим. Вопрос о приостановлении предварительного расследования решается в каждом конкретном случае в зависимости от того, может ли обвиняемый участвовать в следственных действиях» [9, с.315].

Определение признака «временности» тяжелого заболевания, на наш взгляд, корректно определяет В. Стельмах, указывая следующее: «Заболевание должно носить временный характер, т.е. быть принципиально излечимым современными методами в относительно короткий срок. <…> несмотря на временный характер, оно должно быть более или менее длительным» [2, с.96].

Иными словами, например, острая респираторно-вирусная инфекция продолжительностью от двух до трех дней не может быть основанием для приостановления уголовного дела по данному основанию, даже если подозреваемому (обвиняемому) был прописан постельный режим и он не мог прийти к следователю (дознавателю).

Исходя из приведенных позиций, можем выделить следующие условия определения временного

[1] Сайт ЦСИ ФКУ «ГИАЦ МВД России». URL: http: // 10.5.0.16 (дата обращения 13.10.2017).
[2] Большой энциклопедический словарь медицинских терминов / под ред. Э.Г. Улумбекова. М., 2012. С. 613.

тяжелого заболевания при решении вопроса о приостановлении предварительного расследования:

1) заболевание может быть в виде расстройства как физического, так и психического состояния лица;

2) заболевание должно препятствовать явке подозреваемого (обвиняемого) к следователю (дознавателю) для участия в следственных и иных процессуальных действиях;

3) хроническое заболевание должно быть в стадии обострения либо череды острых приступов;

4) психическое заболевание не исключает дееспособности подозреваемого (обвиняемого);

5) заболевание носит временный характер, то есть излечивается либо по истечении времени завершается обострение протекания хронического заболевания.

Следующим проблемным вопросом является установление перечня медицинских документов, необходимых для подтверждения временного тяжелого заболевания у подозреваемого или обвиняемого. В п. 4 ч. 1 ст. 208 УПК РФ указано, что требуется медицинское заключение. В свою очередь, опрос следователей и дознавателей, анализ уголовных дел показал, что зачастую в качестве юридического подтверждения временного тяжелого заболевания лица используются обычные справки от лечащего врача, что, по нашему мнению, является грубым нарушением действующего законодательства.

Обратимся к приказу Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 2 мая 2012 г. № 441н «Об утверждении порядка выдачи медицинскими организациями справок и медицинских заключений» (далее по тексту – приказ № 441н)[1].

В соответствии с пунктом 7 настоящего приказа справки выдаются лечащим врачом или другими врачами-специалистами, принимающими непосредственное участие в медицинском обследовании и лечении гражданина, на основании записей в медицинских документах гражданина либо по результатам медицинского обследования в случаях, если проведение такого обследования необходимо. При этом справки оформляются в произвольной форме с проставлением штампа медицинской организации или на бланке медицинской организации (при наличии), подписываются врачом (фельдшером, акушеркой), заверяются личной печатью врача и печатью медицинской организации, в оттиске которой должно быть идентифицировано полное наименование медицинской организации, соответствующее наименованию, указанному в уставе медицинской организации (п. 10 приказа № 441н).

Медицинские заключения выдаются гражданам по результатам проведенных медицинских освидетельствований, медицинских осмотров, диспансеризации, решений, принятых врачебной комиссией, а также в иных случаях, когда законодательством Российской Федерации предусматривается наличие медицинского заключения (п. 12 приказа № 441н).

Такие медицинские документы выдаются на основании медицинского обследования гражданина, в том числе комиссионного, и содержат комплексную оценку состояния здоровья гражданина, включая:

а) описание проведенного обследования и (или) лечения, их результатов;

б) оценку обоснованности и эффективности лечебно-диагностических мероприятий, в том числе назначения лекарственных препаратов;

в) обоснованные выводы:

- о наличии (отсутствии) у гражданина заболевания (состояния), факторов риска развития заболеваний;

- о наличии медицинских показаний или медицинских противопоказаний для применения методов медицинского обследования и (или) лечения, санаторно-курортного лечения, осуществления отдельных видов деятельности, учебы;

- о соответствии состояния здоровья работника поручаемой ему работе, соответствия учащегося требованиям к обучению;

г) иные сведения, касающиеся состояния здоровья гражданина и оказания ему медицинской помощи (п. 13 приказа № 441н).

Данные документы оформляются в произвольной форме с проставлением штампа медицинской организации или на бланке медицинской организации (при наличии), подписываются врачами-специалистами, участвующими в вынесении медицинского заключения, руководителем медицинской организации, заверяются личными печатями врачей-специалистов и печатью медицинской организации, в оттиске которой должно быть идентифицировано полное наименование медицинской организации, соответствующее наименованию, указанному в уставе медицинской организации. В случае вынесения медицинского заключения врачебной комиссией медицинской организации медицинское заключение также подписывается членами и руководителем врачебной комиссии (п. 14 приказа № 441н).

Нами были проанализированы другие ведомственные акты, регламентирующие порядок выда-

[1] Об утверждении порядка выдачи медицинскими организациями справок и медицинских заключений: приказ Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 02.05.2012 № 441н // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 20.10.2017).

чи медицинских заключений[1], на основании которых делается единственный вывод: медицинское заключение дается по итогам комплексного обследования лица несколькими врачами-специалистами. При этом выводы подтверждаются не только подписями врачей, но и подписью руководителя медицинской организации. На наш взгляд, в этом заключается ключевое отличие медицинского заключения от медицинской справки. Ввиду изложенного, использование медицинской справки в качестве основания приостановления расследования по уголовному делу в связи с временным тяжелым заболеванием подозреваемого (обвиняемого) является незаконным.

Альтернативой медицинскому заключению, по нашему мнению, может стать исключительно заключение комиссионной судебно-медицинской или судебно-психиатрической экспертизы. Это обусловлено тем, что производство экспертизы подразумевает комплексное обследование лица.

Следует также отметить, что в подзаконных правовых актах, регламентирующих ведомственный контроль и прокурорский надзор за процессуальной деятельностью следователей и дознавателей, следует предусмотреть пункт, акцентирующий внимание руководителей следственных органов, начальников органов дознания, начальников подразделения дознания и прокуроров на наличии в качестве юридического основания в материалах уголовного дела, приостановленного по п. 4 ч. 1 ст. 208 УПК РФ, именно медицинского заключения либо заключения комиссионной судебно-медицинской (судебно-психиатрической) экспертизы.

Обсуждение и заключение

Подводя итоги проведенному исследованию, остановимся на следующих основных выводах и предложениях:

1. Приостановление предварительного расследования в связи с временным тяжелым заболеванием подозреваемого (обвиняемого) возможно при наличии следующих условий понимания данного основания:

1) заболевание может быть в виде расстройства как физического, так и психического состояния лица;

2) заболевание должно препятствовать явке подозреваемого (обвиняемого) к следователю (дознавателю) для участия в следственных и иных процессуальных действиях;

3) хроническое заболевание должно быть в стадии обострения либо череды острых приступов;

4) психическое заболевание не исключает дееспособности подозреваемого (обвиняемого);

5) заболевание носит временный характер, то есть излечивается либо по истечении времени завершается обострение протекания хронического заболевания.

2. Юридическим основанием приостановления расследования в связи с временным тяжелым заболеванием подозреваемого (обвиняемого) являются исключительно медицинское заключение, выданное медицинским учреждением вследствие комплексного обследования лица, либо заключение комиссионной судебно-медицинской (судебно-психиатрической) экспертизы.

3. Должностным лицам, осуществляющим ведомственный контроль и прокурорский надзор за процессуальной деятельностью следователей и дознавателей, следует акцентировать свое внимание на законности и обоснованности принятия решения о приостановлении расследования по п. 4 ч. 1 ст. 208 УПК РФ.

Полагаем, что приведенные в статье выводы и рекомендации будут способствовать созданию единообразного понимания требований норм УПК РФ, регламентирующих приостановление предварительного следствия (дознания), а также позволят исключить правоприменительные ошибки, которые могут допустить следователи и дознаватели при принятии решения о приостановлении расследования уголовных дел в связи с временным тяжелым заболеванием подозреваемых или обвиняемых.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахта А.С., Нуриев И.Н. Поведение участников уголовного судопроизводства в ходе предварительного расследования как одна из причин нарушения разумного срока // Труды Академии управления МВД России. 2017. № 4 (44). С.36-40.

2. Стельмах В. Особенности приостановления предварительного расследования в связи с временным тяжелым заболеванием подозреваемого или обвиняемого, препятствующим его участию в следствен-

[1] Об утверждении Федеральных авиационных правил «Требования к членам экипажа воздушных судов, специалистам по техническому обслуживанию воздушных судов и сотрудникам по обеспечению полетов (полетным диспетчерам) гражданской авиации»: приказ Минтранса РФ от 12.09.2008 № 147 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 20.10.2017); Об определении форм документов, заполняемых врачами-специалистами, врачами, руководящими работой по медицинскому освидетельствованию граждан, при первоначальной постановке граждан на воинский учет, при призыве граждан на военную службу, при медицинском осмотре граждан, не пребывающих в запасе, призванных на военную службу, перед направлением их к месту прохождения военной службы, при контрольном медицинском освидетельствовании граждан, получивших отсрочку или освобождение от призыва на военную службу по состоянию здоровья, и граждан, заявивших о несогласии с заключением об их годности к военной службе по результатам медицинского освидетельствования, и правил их заполнения: приказ Министра обороны РФ от 16.09.2015 № 533 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 20.10.2017).

ных и иных процессуальных действиях // Уголовное право. 2014. № 4. С. 95 - 98.
3. Павлик М.Ю., Шепелева О.Р. О совершенствовании уголовно-процессуальных норм, регулирующих основания приостановления предварительного следствия // Ленинградский юридический журнал. 2015. № 3. С. 136 - 143.
4. Арестова Е.Н., Борбат А.В., Есина А.С. О некоторых проблемах совершенствования оснований, процессуального порядка и сроков приостановления дознания // Российский следователь. 2017. № 2. С. 25 - 28.
5. Кочетова А.В. Актуальные вопросы института приостановления производства по уголовному делу: дис. … канд. юрид. наук. Челябинск, 2006. 262 с.
6. Нечаев А.А. Приостановление предварительного расследования в уголовном процессе России: автореферат дис. … канд. юрид. М., 2007. 25 с.
7. Рябчиков В.В. Приостановление и возобновление предварительного расследования: дис. … канд. юрид. наук. Владимир, 2006. 198 с.
8. Сергеев К.А. Приостановление предварительного расследования: дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2002. 188 с.
9. Безлепкин Б.Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). М.: Проспект, 2017. 608 с.

REFERENCES

1. Bahta A.S., Nuriev I.N. Povedenie uchastnikov ugolovnogo sudoproizvodstva v hode predvaritel'nogo rassledovaniya kak odna iz prichin narusheniya razumnogo sroka // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. 2017. № 4 (44). S.36-40.
2. Stel'mah V. Osobennosti priostanovleniya predvaritel'nogo rassledovaniya v svyazi s vremennym tyazhelym zabolevaniem podozrevaemogo ili obvinyaemogo, prepyatstvuyushchim ego uchastiyu v sledstvennyh i inyh processual'nyh dejstviyah // Ugolovnoe pravo. 2014. № 4. S. 95 - 98.
3. Pavlik M.YU., SHepeleva O.R. O sovershenstvovanii ugolovno-processual'nyh norm, reguliruyushchih osnovaniya priostanovleniya predvaritel'nogo sledstviya // Leningradskij yuridicheskij zhurnal. 2015. № 3. S. 136 - 143.
4. Arestova E.N., Borbat A.V., Esina A.S. O nekotoryh problemah sovershenstvovaniya osnovanij, processual'nogo poryadka i srokov priostanovleniya doznaniya // Rossijskij sledovatel'. 2017. № 2. S. 25 - 28.
5. Kochetova A.V. Aktual'nye voprosy instituta priostanovleniya proizvodstva po ugolovnomu delu: dis. … kand. yurid. nauk. CHelyabinsk, 2006. 262 s.
6. Nechaev A.A. Priostanovlenie predvaritel'nogo rassledovaniya v ugolovnom processe Rossii: avtoreferat dis. … kand. yurid. M., 2007. 25 s.
7. Ryabchikov V.V. Priostanovlenie i vozobnovlenie predvaritel'nogo rassledovaniya: dis. … kand. yurid. nauk. Vladimir, 2006. 198 s.
8. Sergeev K.A. Priostanovlenie predvaritel'nogo rassledovaniya: dis. … kand. yurid. nauk. Ekaterinburg, 2002. 188 s.
9. Bezlepkin B.T. Kommentarij k Ugolovno-processual'nomu kodeksu Rossijskoj Federacii (postatejnyj). M.: Prospekt, 2017. 608 s.

Об авторе: Шайдуллина Эльвира Дамировна, кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры уголовного процесса Казанского юридического института МВД России
e-mail: elya-hi@bk.ru
© Шайдуллина Э.Д., 2018
Статья получена: 22.01.2018 Статья принята к публикации: 15.03.2018
Статья опубликована онлайн: 20.03.2018

About the author: Shaidullina Elvira D., Candidate of Law Sciences, Deputy Chief of Department of Criminal Process of Kazan Law Institute of MIA Of Russia
e-mail: elya-hi@bk.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The author has read and approved the final manuscript.

УДК 325.1 DOI: 10.24420/KUI.2018.31.11118

А.А. Сливний, Е.П. Шляхтин

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ КАК ВОЗМОЖНАЯ ФОРМА ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОГО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ОРГАНИЗАЦИИ НЕЗАКОННОЙ МИГРАЦИИ

CAUTION AS A POSSIBLE FORM OF OPERATIONAL-INVESTIGATIVE PREVENTION OF ILLEGAL MIGRATION

Введение: в статье рассмотрена проблематика оперативно-розыскной профилактики организации незаконной миграции, предпринята попытка решения существующей в настоящее время проблемы отсутствия у органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, эффективных механизмов профилактического воздействия на лиц, занимающихся приготовлением к совершению организации незаконной миграции и иных преступлений. Целью исследования является поиск эффективных правовых возможностей профилактического воздействия на указанных лиц и формирование соответствующих предложений в законодательство.

Материалы и методы: в ходе исследования проанализированы действующие нормативные правовые акты, а также проведено обобщение результатов анкетирования сотрудников оперативных подразделений.

Результаты исследования: предлагается предоставить право органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, объявлять официальное предостережение о недопустимости действий, создающих условия для совершения правонарушений, при отсутствии оснований для привлечения лица к установленной законом ответственности.

Ключевые слова: профилактика преступлений; незаконная миграция; организация незаконной миграции; предупреждение незаконной миграции; предупреждение организации незаконной миграции; оперативно-розыскное предупреждение преступлений; специальные меры профилактики преступлений; предостережение о недопустимости действий, создающих условия для совершения правонарушений

Для цитирования: Сливний А.А., Шляхтин Е.П. Предостережение как возможная форма оперативно-розыскного предупреждения организации незаконной миграции // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2018. Т. 9, № 1. С. 118-123. DOI: 10.24420/KUI.2018.31.11118

Introduction: the authors consider the problems of operational-investigative prevention of illegal migration. An attempt to solve the current problem of the lack of bodies, carrying out operatively-search activity, effective mechanisms of preventive effects on persons engaged in the preparation for the committing organization of illegal migration and other crimes was taken. The aim of this work is the search for efficient legal possibilities of preventive influence on these individuals and the formation of appropriate proposals to the legislation.

Materials and Methods: the main methods of the research were the survey of employees of the operational divisions and the analysis of existing legal acts. The study proposes to grant the right to the bodies implementing operative investigative activities, to declare an official warning about the inadmissibility of actions creating conditions for committing offences in the absence of grounds for imposition of the statutory liability.

Key words: prevention of crime; illegal migration; illegal immigration; the prevention of illegal migration; preventing illegal migration; operational-investigative prevention of crime; special measures for prevention of crimes; the warning about the inadmissibility of actions creating conditions for committing crimes

For citation: Slivniy A.A., Shlyahtin E.P. Caution as a possible form of operational-investigative prevention of illegal migration // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2018. V. 9, № 1. P. 118-123. DOI: 10.24420/KUI.2018.31.11118

Введение

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации установлено, что деятельность, связанная с организацией незаконной миграции, относится к числу основных угроз государственной и общественной безопасности[1].

В настоящее время у оперативных подразделений полиции нет эффективных механизмов профилактического воздействия на лиц, осуществляющих приготовление к совершению преступлений, в том числе к организации незаконной миграции.

Указанными обстоятельствами обусловлена высокая актуальность проблемы эффективного оперативно-розыскного предупреждения организации незаконной миграции в современных условиях.

Обзор литературы

Ряд вопросов, связанных с различными аспектами противодействия организации незаконной миграции, стал предметом анализа в диссертационных исследованиях В.Е. Малышева, С.Ю. Бирюкова, А.В. Сухарниковой [1, 2, 3], а также в трудах некоторых других ученых [4, 5].

Труды указанных ученых внесли значительный вклад в систему научных знаний о противодействии организации незаконной миграции, однако в основном они посвящены уголовно-процессуальным и криминалистическим аспектам противодействия преступности рассматриваемого вида. Вопросы оперативно-розыскного противодействия организации незаконной миграции исследовались недостаточно, что подтверждается, в частности, отсутствием в настоящее время эффективных, научно обоснованных методик выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия преступлений, предусмотренных статьей 322.1 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ), осуществляемых с использованием методов оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД).

Учеными неоднократно предпринимались попытки исследовать проблемы оперативно-розыскной профилактики незаконной миграции, но число научных публикаций на указанную тему по-прежнему невелико.

Особенно стоит отметить работы А.В. Богданова, Е.Н. Хазова, И.И. Ильинского, С.В. Иванцова [7, 8, 9, 10], в которых рассматриваются возможности проведения различных оперативно-розыскных и иных мероприятий в целях противодействия организованному совершению нарушений миграционного законодательства.

Материалы и методы

В ходе исследования проведено анкетирование 240 сотрудников оперативных подразделений МВД России по вопросам, касающимся сферы противодействия организации незаконной миграции. Кроме того, в ходе исследования по специально разработанной анкете изучено 176 уголовных дел, возбужденных по признакам преступлений, предусмотренных статьями 322.1 УК РФ, а также 44 материала доследственных проверок, по которым были приняты решения об отказе в возбуждении уголовных дел. В работе использованы статистические данные о результатах борьбы с преступностью, аналитические обзоры результатов деятельности оперативных подразделений, научные труды, опубликованные в ведомственных изданиях МВД России. При подготовке работы использован личный опыт работы авторов в оперативных подразделениях МВД России.

Результаты исследования

В ходе проведенного нами исследования эффективных мер оперативно-розыскного характера общей профилактики организации незаконной миграции выявлено не было.

Мы разделяем мнение, согласно которому в целях общей профилактики организации незаконной миграции наибольшей эффективностью обладают меры административно-правового, уголовно-правового, экономического и социального характера, что подтверждается как материалами практики, так и правотворчеством.

По нашему мнению, более эффективной может быть индивидуальная оперативно-розыскная профилактика организации незаконной миграции, которая будет заключаться, во-первых, в выявлении лиц, осуществляющих приготовление к организации незаконной миграции, и, во-вторых, в оказании профилактического воздействия на указанных лиц.

[1] О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 // Официальный интернет-портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru (дата обращения 13.01.2018).

Основная проблема индивидуальной оперативно-розыскной профилактики преступлений рассматриваемого вида заключается в том, что после выявления лиц, имеющих намерения осуществить организацию незаконной миграции, у органов, осуществляющих ОРД, нет эффективных механизмов воздействия на указанных лиц до того, как они совершат преступление, что подтверждают 100% опрошенных в ходе исследования сотрудников оперативных подразделений.

Согласно статистическим данным о состоянии преступности, 100% уголовных дел, возбужденных по статье 322.1 УК РФ и совершенных на территории Российской Федерации в период 2015-2017 годов, возбуждены по факту оконченного состава преступления, что позволяет сделать вывод о слабой эффективности существующей системы профилактики организации незаконной миграции.

Также следует отметить, что лица, осуществляющие приготовление к совершению преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 322.1 УК РФ (организация незаконной миграции без квалифицирующих признаков), на основании ч. 2 ст. 30 УК РФ не подлежат уголовной ответственности, в результате чего предупреждение и пресечение их преступной деятельности посредством применения мер уголовно-правого характера вообще невозможно.

Анкетирование сотрудников оперативных подразделений, осуществляющих противодействие организации незаконной миграции,показало, что среди форм профилактического воздействия, которые предусмотрены Федеральным законом «Об основах системы профилактики правонарушений» и могли бы быть использованы в ходе оперативно-розыскного предупреждения организации незаконной миграции, в качестве наиболее эффективных, названы объявление официального предостережения (предостережения) о недопустимости действий, создающих условия для совершения правонарушений, либо недопустимости продолжения антиобщественного поведения (100%), внесение представления об устранении причин и условий, способствующих совершению правонарушения (46%), и профилактическая беседа (20%).

Таким образом, возможным решением проблемы было бы предоставление органам, осуществляющим ОРД, полномочий объявления официального предостережения о недопустимости действий, создающих условия для совершения правонарушений, либо недопустимости продолжения антиобщественного поведения.

В соответствии с ч. 1 статьи 20 Федерального закона от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» официальное предостережение о недопустимости действий, создающих условия для совершения правонарушений, либо недопустимости продолжения антиобщественного поведения объявляется лицу, в отношении которого применяются меры индивидуальной профилактики правонарушений, при отсутствии оснований для привлечения его к уголовной или административной ответственности, и содержит обязательное для исполнения требование о недопустимости таких действий либо недопустимости продолжения антиобщественного поведения.

В соответствии с действующей редакцией ст. 15 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»от 12.08.1995 № 144-ФЗ[1] права объявления официального предостережения (предостережения) о недопустимости действий, создающих условия для совершения правонарушений, либо недопустимости продолжения антиобщественного поведения у органов, осуществляющих ОРД, в настоящее время нет.

Исключением являются органы Федеральной службы безопасности России, которые на основании п. «г.2» ч. 1 ст. 13 Федерального закона от 03.04.1995 № 40-ФЗ «О Федеральной службе безопасности»[2] имеют право объявлять физическому лицу обязательное для исполнения официальное предостережение о недопустимости действий, создающих условия для совершения преступлений, дознание и предварительное следствие по которым отнесено законодательством Российской Федерации к ведению органов Федеральной службы безопасности, при отсутствии оснований для привлечения к уголовной ответственности.

Необходимо отметить, что в соответствии со ст. 151 Уголовно-процессуального кодекса РФ дознание и предварительное следствие по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ст. 322.1 УК РФ«Организация незаконной миграции», относится как к ведению органов Федеральной службы безопасности, так и органов внутренних дел.

Объявленные официальные предостережения являются обязательными для исполнения. В случае неисполнения требования, изложенного в официальном предостережении (предостережении) о

[1] Об оперативно-розыскной деятельности: Федеральный закон РФ от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 06.07.2016) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.12.2017).
[2] О Федеральной службе безопасности: Федеральный закон РФ от 03.04.1995 № 40-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 28.06.2017) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.12.2017).

недопустимости действий, создающих условия для совершения правонарушений, либо недопустимости продолжения антиобщественного поведения, лицо, которому оно было объявлено, может быть привлечено к ответственности в соответствии с законодательством Российской Федерации.

По нашему мнению, официальные предостережения в целях предупреждения организации незаконной миграции могут быть вынесены в адрес физических лиц, если в их действиях не усматривается признаков уголовно-наказуемого деяния, в случаях:

- размещения рекламы об услугах по легализации нелегальных иммигрантов на территории Российской Федерации;

- приискания для реализации преступных намерений лиц, не осведомленных о преступной деятельности (распространителей рекламы, технических специалистов, офисных сотрудников, водителей);

- открытия офиса юридического лица, созданного для приема нелегальных иммигрантов;

- в иных случаях подготовки к совершению организации незаконной миграции при отсутствии квалифицирующих признаков, предусмотренных ч. 2 ст. 322.1 УК РФ.

К числу субъектов оперативно-розыскного предупреждения организации незаконной миграции ученые относят не только МВД и ФСБ России, которым подследственны уголовные дела о преступлениях, предусмотренных ст. 322.1 УК РФ, но и оперативные подразделения Федеральной службы исполнения наказаний РФ [11], Службы внешней разведки [12] и таможенных органов РФ [10, с.111].

При указанных обстоятельствах нам представляется не вполне целесообразным, когда право объявления официального предостережения (предостережения) о недопустимости действий, создающих условия для совершения правонарушений, принадлежит только одному субъекту оперативно-розыскного предупреждения организации незаконной миграции.

Таким образом, в целях повышения эффективности оперативно-розыскного предупреждения совершения преступлений рассматриваемого вида мы предлагаем включить в действующее законодательство нормы, позволяющие органам, уполномоченным осуществлять ОРД, объявлять официальное предостережение (предостережение) о недопустимости действий, создающих условия для совершения правонарушений, при отсутствии оснований для привлечения лица к установленной законом ответственности.

Обсуждение и заключения

Сформулированное нами предложение по профилактической работе не только отвечает объективной потребности сотрудников оперативных подразделений в эффективных правовых механизмах воздействия на лиц, намеревающихся совершить преступление, но и полностью соответствует действующему законодательству.

Мы считаем, что предоставление органам, уполномоченным осуществлять ОРД, права объявлять официальное предостережение (предостережение) о недопустимости действий, создающих условия для совершения правонарушений, повысит эффективность оперативно-розыскного противодействия не только организации незаконной миграции, но и иных видов преступлений, в том числе преступлений в сфере экономики, преступлений экстремистской и коррупционной направленности, сведения о совершении которых могут поступать в оперативные подразделения.

Принятие предлагаемой нами меры предоставит возможность органам, уполномоченным осуществлять ОРД, более эффективно воздействовать на объекты индивидуальной профилактики, что в конечном счете будет в большей степени способствовать задаче предупреждения преступлений, предусмотренной Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Малышев Е.В. Взаимодействие оперативных подразделений органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, при раскрытии организации незаконной миграции. Владимир: Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2008.

2. Бирюков С.Ю. Особенности расследования организации незаконной миграции. Волгоград: Волгоградская академия МВД России, 2008.

3. Сухарникова А.В. Методика расследования преступлений, совершаемых в сфере организации незаконной миграции. М.: Московский университет МВД России, 2010.

4. Гусев В.А. Права оперативных подразделений полиции: законодательство и практика: монография. М.: Издательский дом Шумиловой И.И., 2014.

5. Железняк Н.С. О необходимости корректировки положении статьи 15 Федерального закона «Об опера-

тивно-розыскной деятельности» // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2017. № 2 (27). С. 7-12.
6. Богданов А.В., Турбина О.В., Хазов Е.Н. Оперативно-розыскная деятельность по противодействию организованной преступности в сфере миграции на территории России // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 2.С. 140-144.
7. Богданов А.В., Хазов Е.Н. Оперативно-розыскная деятельность по противодействию незаконной миграции как виду организованной преступности // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов: тезисы докладов Международной научно-практической конференции. М., 2015.С. 198-199.
8. Богданов А.В., Хазов Е.Н. Роль, место и значение оперативно-розыскной деятельности по противодействию организованной преступности в сфере незаконной миграции на территории России // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 5. С. 142-145.
9. Богданов А.В., Ильинский И.И., Иванцов С.В., Хазов Е.Н. Роль оперативных подразделений криминальной полиции по предупреждению и раскрытию преступлений в сфере незаконной миграции на территории современной России // Международный журнал конституционного и государственного права. 2016. № 2. С. 110-114.
10. Малышев В.Е. Некоторые вопросы правового регулирования взаимодействия при выявлении и предупреждении организации незаконной миграции // Вестник Владимирского юридического института. 2007. № 3(4). С. 30.
11. Куракин А.В., Акимова С.А. Деятельность органов государственной власти по предупреждению незаконной миграции // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 4. С. 161.

REFERENCES

1. Malyshev E.V. Vzaimodejstvie operativnyh podrazdelenij organov, osushchestvlyayushchih operativno-rozysknuyu deyatel’nost’, pri raskrytii organizacii nezakonnoj migracii. Vladimir: Vladimirskij yuridicheskij institut Federal’noj sluzhby ispolneniya nakazanij, 2008.
2. Biryukov S.YU. Osobennosti rassledovaniya organizacii nezakonnoj migracii. Volgograd: Volgogradskaya akademiya MVD Rossii, 2008.
3. Suharnikova A.V. Metodika rassledovaniya prestuplenij, sovershaemyh v sfere organizacii nezakonnoj migracii. M.: Moskovskij universitet MVD Rossii, 2010.
4. Gusev V.A. Prava operativnyh podrazdelenij policii: zakonodatel’stvo i praktika: monografiya. M.: Izdatel’skij dom SHumilovoj I.I., 2014.
5. ZHeleznyak N.S. O neobhodimosti korrektirovki polozhenii stat’i 15 Federal’nogo zakona «Ob operativno-rozysknoj deyatel’nosti» // Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2017. № 2 (27). S. 7-12.
6. Bogdanov A.V., Turbina O.V., Hazov E.N. Operativno-rozysknaya deyatel’nost’ po protivodejstviyu organizovannoj prestupnosti v sfere migracii na territorii Rossii // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2015. № 2.S. 140-144.
7. Bogdanov A.V., Hazov E.N. Operativno-rozysknaya deyatel’nost’ po protivodejstviyu nezakonnoj migracii kak vidu organizovannoj prestupnosti // Problemy bor’by s prestupnost’yu i podgotovki kadrov dlya pravoohranitel’nyh organov: tezisy dokladov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. M., 2015.S. 198-199.
8. Bogdanov A.V., Hazov E.N. Rol’, mesto i znachenie operativno-rozysknoj deyatel’nosti po protivodejstviyu organizovannoj prestupnosti v sfere nezakonnoj migracii na territorii Rossii // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2014. № 5. S. 142-145.
9. Bogdanov A.V., Il’inskij I.I., Ivancov S.V., Hazov E.N. Rol’ operativnyh podrazdelenij kriminal’noj policii po preduprezhdeniyu i raskrytiyu prestuplenij v sfere nezakonnoj migracii na territorii sovremennoj Rossii // Mezhdunarodnyj zhurnal konstitucionnogo i gosudarstvennogo prava. 2016. № 2. S. 110-114.
10. Malyshev V.E. Nekotorye voprosy pravovogo regulirovaniya vzaimodejstviya pri vyyavlenii i preduprezhdenii organizacii nezakonnoj migracii // Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta. 2007. № 3(4). S. 30.
11. Kurakin A.V., Akimova S.A. Deyatel’nost’ organov gosudarstvennoj vlasti po preduprezhdeniyu nezakonnoj migracii // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2016. № 4. S. 161.

Об авторах: Сливний Алексей Артурович, начальник отдела экономической безопасности и противодействия коррупции УМВД России по Всеволожскому району Ленинградской области, г. Всеволожск.
e-mail: lexa19851@yandex.ru
Шляхтин Евгений Павлович, начальник кафедры оперативно-розыскной деятельности Казанского юридического института МВД России
e-mail: kentavr.kaz@mail.ru
© Сливний А.А., 2018
© Шляхтин Е.П., 2018
Статья получена: 23.01.2018 Статья принята к публикации: 15.03.2018
Статья опубликована онлайн: 20.03.2018

About the authors: Slivniy Alexei A., Head of Department of Economic Safety and Counteraction of Corruption Administration of Ministry of Internal Affairs of Russia in the Vsevolozhskiy District of the Leningrad region.
e-mail: lexa19851@yandex.ru
Shlyahtin Evgeny P., Head of the Chair of Detective Activity of the Kazan Law Institute of MIA Russia.
e-mail: kentavr.kaz@mail.ru

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.
The authors have read and approved the final version of the manuscript.

Заявленный вклад авторов

Сливний Алексей Артурович – в ходе подготовки статьи проведено анкетирование сотрудников УЭБиПК и УУР ГУ МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области по вопросам оперативно-розыскной профилактики организации незаконной миграции.

Шляхтин Евгений Павлович – проведено анкетирование по указанным вопросам сотрудников Центра по противодействию экстремизма и УУР МВД по Республике Татарстан, а также слушателей Казанского юридического института МВД России.

Впоследствии результаты анкетирования были обобщены и совместно проанализированы авторами работы.

Contributorship

Slivniy Alexey A. – during the preparation of the article a questionnaire was conducted by the Bureau of Economic Security and Anti-Corruption Management and Bureau of Criminal Investigation Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the city of St. Petersburg and the Leningrad Region on the issues of operational search for the prevention of illegal migration.

Shlyakhtin Eugeny Pavlovich – questionnaires on the above issues which were made by the staff of the Center for Combating Extremism and the MIA of the Ministry of Internal Affairs in the Republic of Tatarstan, as well as listeners of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Subsequently, the results of the questionnaire were summarized and jointly analyzed by the authors of the work.

УДК 343.14 DOI: 10.24420/KUI.2018.31.11119

Т.И. Гарипов

ИНСТИТУТ ПОНЯТЫХ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ: БЫТЬ ИЛИ НЕ БЫТЬ?

INSTITUTE OF WITNESSES IN CRIMINAL PROCEDURE OF RUSSIA: TO BE OR NOT TO BE?

Введение: в статье рассматривается вопрос целесообразности существования института понятых в уголовном процессе России как необходимого условия обеспечения достоверности доказательств, полученных в ходе досудебного производства.

Материалы и методы: основу исследования составляет диалектический метод познания государственно-правовой действительности. В качестве частно-научных методов автором были использованы сравнительно-правовой, формально-логический, специально-юридический и другие методы познания.

Результаты исследования: в статье внимание уделено развитию и современному состоянию института понятых в уголовном процессе России; проведен ретроспективный анализ российского законодательства, регламентировавшего участие понятых в производстве процессуальных действий; изучен зарубежный опыт имплементации института понятых в национальные законодательства иностранных государств; критически оценены доводы ученых-процессуалистов о необходимости сохранения института понятых в уголовном судопроизводстве России.

Обсуждение и заключения: автором обосновывается необходимость упразднения института понятых в уголовно-процессуальном законодательстве или исключения института понятых из уголовно-процессуального законодательства ввиду архаичности и несоответствия данного института общемировой тенденции к унификации и деформализации процедур досудебного производства по уголовному делу.

Ключевые слова: понятой, следственные действия, допустимость доказательств, досудебное производство, деформализация законодательства.

Для цитирования: Гарипов Т.И. Институт понятых в уголовном судопроизводстве России: быть или не быть? // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2018. Т. 9, № 1. С. 124-128. DOI:10.24420/KUI.2018.31.11119

Introduction: the article discusses the expediency of the existence of the institution of witnesses in the criminal process of Russia as a necessary condition for ensuring the reliability of evidence obtained during pre-trial proceedings.

Materials and Methods: the basis of the study is dialectical method of cognition of state-legal reality. As private scientific methods, the author used comparative-legal, formal-logical, special-legal and other methods of cognition.

Results: the article focuses on the development and the current state of the institution of witnesses in the criminal process of Russia; a retrospective analysis of Russian legislation regulating the participation of witnesses in the conduct of procedural actions was carried out; foreign experience of implementing the institution of witnesses in the national legislation of foreign states was studied; the arguments of the scientist-processivists on the need to preserve the institution of witnesses in the criminal proceedings of Russia appraised.

Discussion and Conclusions: the author justifies the need to abolish the institution of witnesses from the criminal procedural legislation, in view of its archaic nature and the inconsistency of the worldwide trend towards unification and deformalization of pre-trial proceedings in a criminal justice.

Key words: witness, investigative actions, admissibility of evidence, pre-trial proceedings, deformation of legislation

For citation: Garipov T.I. Institute of witnesses in criminal procedure of Russia: to be or not to be? // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2018. V. 9, № 1. P. 124-128. DOI: 10.24420/KUI.2018.31.11119

Введение

Уголовно-процессуальная деятельность в досудебных стадиях уголовного судопроизводства во многом обусловлена необходимостью быстрого реагирования соответствующих должностных лиц на совершенное запрещенное уголовным законом деяние. Уголовно-процессуальный закон призван содействовать органам предварительного расследования и дознания в достижении целей уголовного судопроизводства, одной из которых является защита прав и законных интересов граждан и организаций, пострадавших от преступлений. Вместе с тем наличие пробелов и коллизий в процессуальных нормах часто влечет за собой появление существенных системных недостатков в работе правоохранительных органов.

Обзор литературы

В научной литературе уделялось достаточное внимание вопросам функционирования уголовно-процессуального института понятых в уголовном процессе. Так, о необходимости участия понятых в ходе производства следственных действий в своих работах неоднократно заявлял С.А. Шейфер [1, с.52]. Отдельные аспекты уголовно-процессуальной регламентации статуса понятого в досудебных стадиях уголовного судопроизводства в своих исследованиях затронули Ф.Н. Багаутдинов [2], В.М. Быков [3], А. Михайлов [4], М.А. Пешков [5], В.Г. Ульянов [6] и другие авторы. Так как институт понятых достаточно продолжительное время существует в российском законодательстве, теоретическая база более ранних исследований довольно обширна. Мнения ученых относительно исследуемого института носят противоречивый характер. С одной стороны,исследователи предлагают сохранить данный институт и пересмотреть подход к регламентации участия понятого в следственном действии [2], с другой стороны – в более поздних публикациях встречаются и достаточно категоричные оценки, характеризующие институт понятых как «архаизм российского уголовного судопроизводства» [4].

Результаты исследования

В действующем Уголовно-процессуальном кодексе РФ 2001 г. (далее – УПК РФ) законодатель посчитал необходимым сохранение института понятых как участника уголовного процесса. Тем самым он признал существенную роль этого участника в депонировании доказательств в досудебных стадиях, несмотря на эпизодический характер его участия в следственных действиях. Основная задача понятого в ходе участия в следственном действии – удостоверить факт и результаты его производства, а также выступать в качестве пассивного контролера «от народа» за деятельностью следователя, дознавателя и предотвращать злоупотребления со стороны лица, производящего расследование. Очевидно, что законодатель руководствовался исключительно благими намерениями создания гарантий защиты прав и законных интересов участников процесса, сохраняя институт понятых в новом УПК РФ 2001 г. Однако говорить о таком решении как об абсолютно верном не следует. В настоящее время, когда во всем мире наблюдается тенденция к унификации правовых систем и упрощению процессуальных форм досудебного производства, данный институт представляется нам архаичным пережитком инквизиционного уголовного процесса постсоветского периода, что не соответствует современным реалиям борьбы с преступностью. Тем более, зачастую практическими сотрудниками не только органов предварительного расследования, но и суда институт понятых рассматривается лишь как «процессуальный фарс», очень редко имеющий какое-либо существенное значение при производстве следственных действий.

Так, в Толковом словаре С.И. Ожегова под понятым понимается «лицо, привлекаемое следователем, или тем, кто производит дознание, при осмотре, опознании, обыске, описи имущества для засвидетельствования фактов»[1]. Стоит отметить, что данный институт в современном его виде существует лишь в уголовно-процессуальном законодательстве стран бывшего СССР, что говорит об определенной правовой преемственности социалистической системы права. Однако в истории российского государства понятые как участники производства по делу появляются еще в Соборном уложении 1649 г.: «сторонние люди будут в понятых», «понятых, сторонних людей, добрых, кому можно верити» [7, с.51]. Позже институт понятых в полной мере реализовался в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г.: «Понятыми к осмотру или освидетельствованию приглашаются из ближайших жителей: в городах – хозяева домов, лавок, промышленных и торговых заведений, а также их управляющие и поверенные; в местечках и селениях кроме выше упомянутых лиц землевладельцы, волостные и сельские должностные лица и церковные старосты. В случаях, не терпящих отлагательства, судебный следователь может пригласить и другие лица, пользующиеся общественным доверием»[2].

[1] Ожегов С.И. Словарь русского языка: ок. 53 000 слов / под общ. ред. проф. Л. И. Скворцова. 24-е изд., испр. М.: Оникс, Мир и образование, 2007. С.751.

[2] Уставы С., утвержденные 20 ноября 1864 г.: Учреждение судебных установлений и Устав уголовного судопроизводства // Российское законодательство X–XX веков. Т. 8. С.254.

Тем не менее, в современных правовых условиях институт понятых не является столь прогрессивным в мировой практике уголовного судопроизводства. Так, во многих развитых странах подобный институт отсутствует вовсе: в США, ФРГ, Франции и Великобритании аналогичные институты законодателю неизвестны. В данных странах предварительное расследование частично осуществляют органы полиции, деятельность которых направлена в первую очередь на раскрытие преступления, установление виновного лица и похищенного имущества. Такая деятельность, как правило, не связана с осуществлением доказывания в установленной процессуальной форме. Кроме того, в случае необходимости сотрудники полиции могут дать показания в суде в качестве свидетелей, тем самым подтверждая те или иные обстоятельства. Суд доверяет представителям власти и закона, не нуждаясь при этом в дополнительных гарантиях со стороны «гражданских лиц», удостоверяющих законность произведенных процессуальных действий, а также оценивает представленные доказательства, основываясь на собственном усмотрении. Стоит отметить, что в ст. 57 УПК Франции предусмотрено обязательное участие проживающего в жилище лица при производстве обыска, в исключительных случаях при отсутствии названного лица обыск в жилище может быть произведен офицером судебной полиции с участием в обыске двух свидетелей, фиксирующих ход и результаты данного следственного действия.

В конце 2011 года Президент РФ Д.А. Медведев в ходе встречи с руководством МВД России подчеркнул необходимость пересмотра института понятых в уголовном процессе: «Институт понятых сложился, когда не было других способов фиксации доказательств. Это рудимент прошлого, с учетом прошлого, с учетом мирового опыта нам действительно нужно его скорректировать»[1]. Восприняв данное высказывание как призыв к действию, законодатель 4 марта 2013 года принимает Федеральный закон №23-ФЗ[2], которым в ст. 170 УПК РФ вносятся изменения, касающиеся участия понятых в ходе производства некоторых следственных действий. Согласно указанным изменениям, при производстве большинства следственных действий следователь вправе привлекать к участию понятых по собственному усмотрению, однако применение в таком случае технических средств фиксации хода и результатов следственного действия стало обязательным. Подобные изменения позволили не привлекать понятых к участию в осмотре места происшествия, избавив следователей и дознавателей от дополнительных обязанностей по поиску указанных лиц на месте происшествия (что приводило к необоснованному затягиванию данного следственного действия, а то и вовсе к фальсификации протокола осмотра). Однако в целом институт понятых в результате данных преобразований не изменил своей сущностной характеристики. Очевидно, что необходимо дальнейшее совершенствование данного института.

В то же время не все исследователи разделяют подобную точку зрения. Так, Ф.Н. Багаутдинов, обосновывая необходимость сохранения института понятых в российском уголовном процессе, пишет: «В современный период с учетом состояния нашего следствия, дознания и правосудия, которые еще далеки до идеального, рано отказываться от института понятых. Нарушений в ходе следствия допускается немало. Поэтому речь должна идти не об упразднении института понятых, а о его совершенствовании» [2, с.50-53]. Такое мнение не является единственным в среде ученых. Так, в литературе встречаются аналогичные точки зрения. Например, В.Г. Ульянов высказался против отмены обязательного участия понятых в ходе производства осмотра места происшествия: «Изъятие института понятых при проведении осмотра места происшествия, как мне представляется, повлечет за собой и нарушения баланса процессуальных возможностей сторон. Достигнутое с большим трудом равновесие процессуального положения обвинения и защиты на стадии предварительного расследования и дознания может быть разрушено. Это повлечет за собой автоматически нарушение принципа состязательности сторон» [6, с.1093-1097]. Некоторые «защитники» названного института идут дальше и вовсе предлагают сделать участие понятых обязательным во всех без исключения следственных действиях [3, с.57-60]. Компромиссное отношение к рассматриваемому вопросу встречаем у С.А. Шейфера, который полагал, что полный отказ от института понятых является ошибочным, многовековая практика применения этого института продемонстрировала его эффективность в удостоверении объективности полученных доказательств. И в тоже время в случаях возникновения опасности для жизни и здоровья понятых в ходе участия в следственном действии допускается возможность его производства и в их отсутствии, но с обя-

[1] Вступительное слово на встрече с руководящим составом Министерства внутренних дел 22 октября 2011 г. в Твери. URL: http://президент.рф/ transcripts/13176.1 (дата обращения: 27.10.2017).
[2] О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 04.03.2013 № 23-ФЗ (ред. от 28.12.2013) // Российская газета. 2013. 6 марта. № 48.

зательной фиксацией хода и результатов с помощью технических средств [1, с.52].

Вместе с тем встречаются мнения о необходимости исключения института понятых из уголовного судопроизводства России. Так, А. Михайлов пишет: «С переходом к состязательному процессу институт понятых потерял свою актуальность как уникальное средство обеспечения безусловной достоверности доказательств. Анализ практики участия понятых при производстве следственных действий выявляет ряд противоречий и даже несуразностей… В современном же состязательном процессе единственное мерило достоверности фактов – свободное убеждение судьи или присяжных, сформированное в ходе анализа доказательств в суде» [4, с.29-31]. Некоторые исследователи и вовсе институт понятых именуют «правовым пиршеством», на которое у государства попросту нет экономических ресурсов в свете затянувшегося в России экономического кризиса [5, с.162-167].

В целом, исследователи разделились на два лагеря по отношению к институту понятых. Более умеренные высказывания касаются лишь упоминания о необходимости совершенствования данного института, в частности путем создания специализированной базы данных о гражданах, желающих добровольно участвовать в следственных действиях в качестве понятых.

Как бы ни были привлекательны идеи о необходимости обеспечения объективности и достоверности собранных по уголовному делу доказательств, нам представляется очевидным, что институт понятых как правовая модель обеспечения такой объективности исчерпал себя в полном объеме. В эпоху всеобщей компьютеризации и цифровой экономики, интенсивного развития технологий и криминалистической техники законодательная регламентация достоверности полученного доказательства от лица, не имеющего отношения к уголовному делу и зачастую вообще не имеющего какой-либо заинтересованности относительно сущности производимых следователем, дознавателем действий, является шагом назад в развитии отечественного уголовно-процессуального законодательства. Участие понятых в следственных действиях, ежедневно производимых следователем, дознавателем, зачастую в лучшем случае ограничивается лишь пассивным наблюдением, а в худшем, в силу отсутствия интереса со стороны понятого, формальным подписанием протокола следственного действия. Парируя доводы о необходимости понятых для обеспечения надлежащего качества следственной работы, а также предупреждения нарушений уголовно-процессуального законодательства при производстве следственных действий, отметим, что за процессуальной деятельностью следователя, дознавателя осуществляется одновременно ведомственный и судебный контроль, а также прокурорский надзор, при этом субъектам контроля и надзора УПК РФ предоставляет значительные по своему объему полномочия.

Также стоит упомянуть о сложностях, которые возникают у следователей и дознавателей при производстве следственных действий с обязательным участием понятых. Зачастую их поиск и привлечение к участию затягивается при производстве следственных действий в ночное время или в отдаленной, малонаселенной местности. Тем более, далеко не все граждане готовы сознательно исполнить свой гражданский долг и выделить определенное время на участие в качестве понятого: многие ссылаются на нехватку времени, а также отказываются от участия, мотивируя это страхом «быть затасканным по судам».

Обсуждение и заключения

По нашему глубокому убеждению, институт понятых в уголовном процессе нуждается в полном его упразднении. Вопрос о достоверности полученных доказательств должен разрешаться судом на основании его собственного усмотрения, совести и закона. Ставить же в зависимость достоверности доказательств от формально незаинтересованного лица, не владеющего необходимыми знаниями и информацией по уголовному делу, – необоснованный «процессуальный фарс». Законодателю в первую очередь следует учитывать мировой опыт становления и развития уголовно-процессуальных институтов. Так, например, в США и других государствах англо-саксонской правовой семьи при возникновении у суда сомнений в достоверности показаний участников процесса либо иных доказательств в судебном заседании может быть допрошен офицер полиции, непосредственно раскрывавший данное преступление либо производивший отдельные розыскные и следственные действия по нему. К сожалению, в РФ подобная практика признана неконституционной[1], хотя прямых запретов в УПК РФ на допрос следователя, производившего предварительное расследование по тому же уголовному делу в ходе судебного разбирательства, нет.

[1] По жалобе гражданина Демьяненко Владимира Николаевича на нарушение его конституционных прав положениями статей 56, 246, 278 и 355 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 06.02.2004 № 44-О // СПС «КонсультантПлюс».

В заключение следует отметить, что институт понятых в том виде, в котором он существует в уголовном судопроизводстве России, на наш взгляд, не соответствует своему первоначальному назначению. Задуманный в качестве элемента социального контроля за деятельностью органов предварительного расследования, данный институт превратился в архаичный символ формализма и бюрократии современного уголовного процесса. Нам представляется, что институт понятых должен быть упразднен, а на смену ему необходимы иные процессуальные формы депонирования и обеспечения достоверности доказательств, такие как современные технические средства фиксации хода и результатов следственного действия, а также показания лиц, непосредственно участвовавших в его производстве.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шейфер С.А. Проблемы допустимости доказательств требуют дальнейшей разработки // Государство и право. 2001. № 10.
2. Багаутдинов Ф.Н. Институт понятых: совершенствовать, а не упразднять // Законность. 2012. № 4. С. 50 - 53.
3. Быков В.М. Участие народа в правосудии начинается с понятого // Мировой судья. 2014. №6. С.57-60.
4. Михайлов А. Институт понятых – архаизм российского уголовного судопроизводства // Законность. 2003. № 4. С. 29 - 31.
5. Пешков М.А. Участие понятых в некоторых следственных действиях в уголовном процессе Российской Федерации стало необязательным // Новый юридический журнал. 2013. № 3. С. 162 - 167.
6. Ульянов В.Г. Обязательно ли участие понятых при производстве следственных действий? // Право и политика. 2012. № 6. С. 1093 - 1097.
7. Томсинов В.А. Соборное уложение 1649 года как памятник русской юриспруденции // Соборное уложение 1649 года: Законодательство царя Алексея Михайловича / сост., автор пред. и вступ. статей В. А. Томсинов. М.: Зерцало, 2011. 422 с.

REFERENCES

1. SHejfer S.A. Problemy dopustimosti dokazatel’stv trebuyut dal’nejshej razrabotki // Gosudarstvo i pravo. 2001. N 10.
2. Bagautdinov F.N. Institut ponyatyh: sovershenstvovat’, a ne uprazdnyat’ // Zakonnost’. 2012. N 4. S. 50 - 53.
3. Bykov V.M. Uchastie naroda v pravosudii nachinaetsya s ponyatogo // Mirovoj sud’ya. 2014. №6. S.57-60.
4. Mihajlov A. Institut ponyatyh – arhaizm rossijskogo ugolovnogo sudoproizvodstva // Zakonnost’. 2003. N 4. S. 29 - 31.
5. Peshkov M.A. Uchastie ponyatyh v nekotoryh sledstvennyh dejstviyah v ugolovnom processe Rossijskoj Federacii stalo neobyazatel’nym // Novyj yuridicheskij zhurnal. 2013. N 3. S. 162 - 167.
6. Ul’yanov V.G. Obyazatel’no li uchastie ponyatyh pri proizvodstve sledstvennyh dejstvij? // Pravo i politika. 2012. N 6. S. 1093 - 1097.
7. TomsinovV.A. Sobornoe ulozhenie 1649 goda kak pamyatnik russkoj yurisprudencii // Sobornoe ulozhenie 1649 goda: Zakonodatel’stvo carya Alekseya Mihajlovicha / Sostavitel’, avtor predisloviya i vstupitel’nyh statej V. A. Tomsinov. M.: Zercalo, 2011. 422 s.

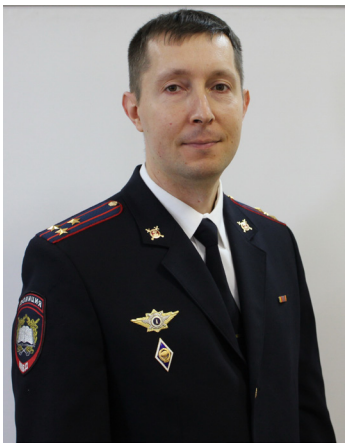
Об авторе: Гарипов Тимур Ильгизович, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного процесса Казанского юридического института МВД России.
e-mail: chipmunk.gti@gmail.com
© Гарипов Т.И., 2018
Статья получена: 16.02.2018 Статья принята к публикации: 15.03.2018
Статья опубликована онлайн: 20.03.2018

About the author: Garipov Timur I., Research Doctorate in Law, Head Teacher of the Department of Criminal Procedure of Kazan Law Institute of MIA of Russia.
e-mail: chipmunk.gti@gmail.com

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The author has read and approved the final version of the manuscript.

УДК 101.1:316 DOI: 10.24420/KUI.2018.31.11120

Ю.Л. Сироткин



ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЙ АСПЕКТ ПОЛЕМИКИ ВОКРУГ КНИГИ И.А. ИЛЬИНА «О СОПРОТИВЛЕНИИ ЗЛУ СИЛОЮ» (БЕРЛИН, 1925) В РУССКОМ ЗАРУБЕЖЬЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 20-Х ГОДОВ XX ВЕКА

THE SPIRITUAL AND MORAL ASPECT OF THE DEBATE AROUND THE BOOK OF I. ILYIN, "ABOUT THE RESISTANCE TO EVIL BY FORCE" (BERLIN, 1925) IN THE RUSSIAN DIASPORA OF THE SECOND HALF OF 20-IES OF THE TWENTIETH CENTURY

Введение: актуальность проблематики преодоления зла с использованием силовых средств предопределяется усиливающейся угрозой зла в специфических проявлениях, свойственных социальным реалиям XXI века. Осложняет ситуацию углубляющаяся пропасть между Миром и Духом. Поэтому поиски оптимальных подходов к решению проблемы сориентированы предметно-практической сферой социальной деятельности. Основанием современных интерпретаций преодоления зла является раскрытие смысловых приоритетов развернувшейся во второй половине 20-х гг. полемики вокруг книги И.А. Ильина «О сопротивлении злу силою», в которой приняли участие представители российской эмиграции различных политических взглядов и идеологических предпочтений.

Материалы и методы: в ходе подготовки статьи использованы аналитический, сравнительно-исторический, сравнительно-сопоставительный методы научного исследования.

Результаты исследования: раскрыты духовно-нравственные положения И.А. Ильина, по которым развернулась дискуссия; проанализированы аргументы участников дискуссии, обусловленные их духовно-нравственными критериями оценки применения силы в борьбе со злом, адекватной источнику угрозы. Раскрываются заложенные И.А. Ильиным духовно-нравственные основания новой парадигмы борьбы со злом посредством необходимости и обязанности борьбы с его проявлениями силой, пропорциональной исходящей от зла угрозы, с акцентом на преодолении зла во внутреннем мире человека.

Обсуждение и заключения: выделяются объективные факторы жизни и общественной деятельности представителей российской эмиграции, предопределившие характер полемики и обусловившие ее остроту. Расставляются смысловые акценты полемических выступлений участников дискуссии.

Ключевые слова: зло, сопротивление, эмигрантская среда, духовность, человек, государство.

Для цитирования: Сироткин Ю.Л. Духовно-нравственный аспект полемики вокруг книги И.А. Ильина «О сопротивлении злу силою» (Берлин, 1925) в русском зарубежье второй половины 20-х годов XX века // Вестник Казанского юридического института МВД России. Т. 9, № 1. С. 129-137. DOI: 10.24420/KUI.2018.31.11120

Introduction: the relevance of the problem of overcoming evil with the use of force is determined by the growing threat of evil in the specific manifestations peculiar to social realities of the XXI century. The situation is complicated by the deepening chasm between World and Spirit. Therefore, the search for optimal ways to solve problems was oriented by a subject-practical sphere of social activities. The original basis of modern interpretations of overcoming evil is to reveal the meaning of the priorities of controversy concerning the book of I.A. Ilyin, "About the resistance to evil by force" which included Russian immigrants of various ideological predilections.

Materials and Methods: when working on the article analytical, comparative – historical, comparative methods of scientific research were used.

Results: the study revealed the main spiritual and moral provisions of Ivan Ilyin, basing on which a discussion was initiated; various arguments of the participants based on their spiritual and moral criteria for assessing the use of force adequate source of threat in the fight against evil were analyzed. Spiritual and

moral bases of the new paradigm of the struggle against evil through the necessity and duty of combating its manifestations by force proportional to the threat emanating from the evil, with an emphasis on overcoming evil in the inner world of man established by Ivan Ilyin.

Discussion and Conclusions: there are objective factors of life and social activity of representatives of Russian emigration, determined the nature of the controversy and made it acute. The author puts Semantic accents of polemical speeches. It is noted that the soul of man, resisting evil, must constantly take care of the spiritual purification, as another righteous path that would replace the unjust ways of the force and the sword, does not exist.

Key words: evil, resistance, emigrant environment, spirituality, people, the state.

For citation: Sirotkin Yu.L. The spiritual and moral aspect of the debate around the book of I. Ilyin, "About the resistance to evil by force" (Berlin, 1925) in the Russian diaspora of the second half of 20-ies of the twentieth century // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2018. V. 9, № 1. P. 129-137. DOI: 10.24420/KUI.2018.31.11120

Введение

Выход в Берлине в 1925 г. книги Ивана Александровича Ильина (1883 – 1954) «О сопротивлении злу силою» [1], ставшей впоследствии классическим произведением русской философской мысли, вызвал бурную полемику в эмигрантской среде, которая сложилась во второй половине 20-х гг. XX в. Центрами эмигрантской жизни того времени были Париж, Берлин и Прага. Впрочем, география рассеивания русской эмиграции не ограничивалась перечисленными центрами, равно как и география откликов на книгу. Интеллектуальная среда русского зарубежья не могла остаться в стороне от такой жгучей проблемы, как борьба со злом. Слишком свежи были в памяти воспоминания о революции и гражданской войне, вызвавших массовый исход из России.

Острота поднятых в этой, по словам П.Б. Струве, «трудной книге на сложную и жестко-трудную нравственно-политическую тему» проблем не утратила злободневности и в начале XXI в. Новейшее время со всей остротой его конфликтов обозначило потребность и необходимость в обращении к духовно-нравственным истокам преодоления зла, переводя проблему сопротивления и победы над злом в сферу Духа. «И.А. Ильин, – отмечает современный исследователь, – поселяет добро и зло во внутренний, духовно-душевный мир человека. Преодоление и изживание зла в самом себе – задача, требующая внутренних духовных усилий человека. Не внешние поступки и обстоятельства делают человека добрым, а его внутренняя позиция и точка зрения» [2, с.493]. Актуальность данной проблематики возрастает, как в связи с усиливающейся террористической активностью экстремистских организаций различного толка, так и с обострившейся потребностью поиска духовно-нравственных оснований эволюции современного общества и человека. Проблема выбора средств сопротивления злу сочетает в себе философско-этическую отвлеченность и практико-конкретную значимость, равно как книга И.А. Ильина выходит за пределы философского трактата и имеет предметно-практическую направленность, что придает ей непреходящую актуальность и делает эту книгу настольной. Она задает направление поиска ответа на вопрос: как преобразоваться духовно, чтобы остановить агрессивные посягательства зла? Духовная сила необходима человеку для борьбы со злом. Именно в высокой духовности видится сила, способная остановить распространение зла. Дело человека – в преодолении зла в самом себе, т.е. в преображении. Дело государства – борьба со злом имеющимися в его распоряжении средствами. Пробуждающийся инстинкт национального самосохранения требует высокой духовности перед лицом вызовов, угрожающих существованию народа в пределах его государственности.

Результаты исследования

По свидетельству А.В. Карташева, книга И.А. Ильина вызвала «шумную и озлобленную полемику», которая в основе имела преимущественно «политические» толкования принципиальных положений автора, озвученных им в том числе в многочисленных выступлениях перед эмигрантской аудиторией в городах рассеивания. И.А. Ильин предложил социально-политическое и философско-религиозное обоснование идеи сопротивления злу силой в свете православного христианского учения, что составляет духовно-этический план оценки борьбы со злом. Социально-политический по преимуществу и в меньшей степени философско-религиозный аспекты полемики исследованы Н.П. Полторацким [3], представившим ее в классической интерпретации pro et contra. В предлагаемой статье акцент смещен в сторону духовно-нравственного контента дискурса. Многие критики оказались не готовы

к такой дискуссии. Поэтому их отклики в большинстве своем выглядели весьма поверхностно; исследователи были не в состоянии выйти из плена революционно-демократических доктрин, что и засвидетельствовал в своем обзоре Н.П. Полторацкий.

Пик полемики пришелся на вторую половину 20-х гг. XX в. Эмигрантская среда того времени была противоречива: она состояла не только из не сломленных тяготами эмиграции героев, но и тех, кто плел интриги, занимался инсинуациями, а то и просто злобно-клеветническими наветами. Психологическая атмосфера эмиграции первой волны еще ждет своего исследования, тогда как эмигрантская среда, в частности общественно-политическая мысль российского зарубежья, изучается достаточно интенсивно [4,5,6,7,8,9]. Источниковедческая база дает возможность в рамках необходимого обозначить гуманитарные и философские предпочтения русской эмиграции. К тому времени, несмотря на идеологический плюрализм, сложились два общественно-политических течения: республикан-ско-демократическое и монархически-реставрационное. В религиозном обосновании духовного возрождения России сомнений не было.

Обратим внимание на ряд объективных факторов, во многом предопределивших характер полемики. Во-первых, это была политическая эмиграция (большинство русских эмигрантов проживало во Франции и Германии, а также в славянских странах – Чехии, Словакии, Болгарии и Сербии). Время существования политических диаспор относительно коротко. Поэтому преобладающим настроением было ожидание возвращения, которое за редким исключением (сменовеховцы, евразийцы и ряд других мелких политических групп) в этот период времени сохранялось. Во-вторых, попытки интеграции в европейское сообщество с достаточно жесткой шкалой приоритетов и ценностей сопровождались ростом национализма, в частности обострившейся потребностью национальной (само) идентификации. В-третьих, русская эмиграция складывается как альтернативный путь развития России после 1917 г. и как самостоятельное социокультурное явление: «это была модель культурного развития, сформировавшаяся как антитеза большевистскому эксперименту, имеющая свою оригинальную стратегию развития российского послереволюционного общества» [9, с.77].

Думающая и пишущая эмиграция была настроена антибольшевистски, но ее антибольшевизм был лишен национальной окраски. Поэтому национальный патриотизм не был характерен для представителей республиканско-демократического крыла российской эмиграции, ориентирующихся в основном на либеральную идеологию в соответствующей времени и его духу интерпретации.

Напомним важнейшие духовно-этические положения И.А. Ильина, вокруг которых развернулась полемика.

1. И.А. Ильин сформулировал оригинальные представления о духовном начале человека, которое «требует для своего осуществления на земле именно личного, свободного, добровольного, невынужденного и невынудимого обращения души к предмету (под «предметом» философ имеет в виду «духовный предмет», который заключает в себе истину, добродетель, любовь, свободу, право и т.д. – прим. Ю.С.) и Богу» [1, с.235]. Эту мысль философ неоднократно повторяет [1, с.270 и т.д.]. Никакие государственные меры, основанные на повелении или запрещении, не могут «заменить или создать свободного приятия человеком даруемого ему содержания» [1, с.239]. Поэтому «духовное обращение человека или совершается изнутри из его свободы, в глубине его самобытного духовного естества, или не совершается вовсе» [Там же]. Это «исконное, основное убеждение», которому И.А. Ильин всегда следовал.

2. И.А. Ильин называл «нелепостью» отрицание государственного дела. В то же время предупреждал об опасности и гибельности его преувеличения. Государство «второочередно», но необходимо и ответственно. И.А. Ильин убедительно показал необходимость «принять государство». Опорой государства является меч. Тот, кто не признает меча, разрушает государство. Меч – это не нравственно-лучшее, но духовно-необходимое. Книга в целом посвящена поиску «необходимых пределов» государственной мощи.

3. И.А. Ильин всегда четок и определенен: «Но если выразить кратко самое главное, то надо будет сказать: если русский человек для строительства России нуждается в чем-нибудь, то прежде всего и больше всего в воспитании волевого характера – в личности и в массах, в школе и политике, в быту и в суде; если что-нибудь могло и может повредить этому делу и ослабить его в жизни – то идеи мироотвержения, непротивленчества и аполитизма» [1, с.268]. Там, где злая воля проявляется как «духовно слепая злоба, ожесточенная, агрессивная, бесстыдная, безбожная, духовно растлевающая и перед средствами не останавливающая, – сопротивление злу пресекающей силой становится не правом человека, а его обязанностью» [1, с.270]. Такой человек обладает подлинной любовью к добру,

для которого «вопрос о победе добра над злом есть вопрос его личного бытия и небытия» [1, с. 272]. Современный исследователь отмечает, что сопротивление должно оказываться внешнему злу, проявляющемуся в насилии, и внутреннему злу, берущему свое начало в «человеческом духовно-душевном мире» [1, с.464]. Добро, как и зло, находится внутри человека. Добро составляет основу духовности человека. Зло – антидуховно. Применение силы – это наименьшее зло. Критериями применения силы в борьбе со злом остаются моральные принципы. И.А. Ильин обозначил этические пределы ненасильственного разрешения конфликтов и сосуществования добра и зла в общественном пространстве. «Тезис Ильина, – резюмирует Н.П. Полторацкий, – о нашей обязанности бороться со злом, принимая на себя ответственность за неправедные пути, когда не остается путей праведных, его призыв к трагическому приятию героической борьбы, – есть ответ на запросы духа, а не политики» [3, с.502].

4. И.А. Ильин формулирует положение о духовном компромиссе, который заключается в принятии «своей личной неправедности в борьбе со злодеем» [1, с.280]. Компромисс меченосца состоит в том, что «он сознательно и добровольно приемлет волею нравственно неправедный исход как духовно необоримый» [1, с.280]. Это означает, что он берет на себя неправедность и принимает вину за свое решение. Это неправедный, хотя и духовно необходимый путь. Нравственная безысходность изживается поступком. Моральная вина отстраняет человека от блага. Человек осознает это. Поэтому положение человека является нравственно-трагичным. Сильный человек видит трагичность своего положения и изживает трагизм, беря на себя неправедность. Осознание духовного необходимо для принятия вины. Трагедия зла и борьбы с ним требуют подвига. Необходим духовный героизм, достаточно сильный и зрячий, чтобы, совершив неправедный поступок, увидеть его духовную необходимость и снова совершить его в силу духовной необходимости. Героизм меченосца – это «героизм сознательно и убежденно принятой неправедности» [1, с.281]. Трагическая дилемма свидетельствует не о праведности меченосца, но о его правоте. « Взявший меч готов убить, но он должен быть готов к тому, что убьют его самого» [1, с.283]. Вести борьбу не лучшими, но благородными средствами призваны лучшие люди.

5. Дух, по Ильину, определяет любовь. Одухотворенная любовь обусловливает сопротивление злу. Такая любовь составляет единство с добром. Одухотворенная любовь определяется религиозным освящением и персонифицирует каждого человека из множества людей. В соответствии с этим злодействующие люди должны умереть. Это не сентиментальная гуманность. Духовность ограничивает пространство ее распространения. Абстрактная любовь уничтожает себя. Духовная воля определяет пределы фальшивой гуманности. Образы Архангела Михаила и Георгия Победоносца заключают христианское представление о любви, которое не обязывает демонстрировать «умиленную любовь к пострадавшему». Обиженный должен простить личную обиду. Но это не означает, что, простив обиду, он уничтожил зло. Непротивление не означает несопротивление злу вообще, так как «карается зло, его самоутверждение». «Есть люди, по отношению к которым должна быть подавлена последняя вспышка жалости» [1, с.243].

6. В отличие от западноевропейской традиции, обосновывающей ведение борьбы со злом ради справедливости, И.А. Ильин говорит о необходимости сопротивления злу, тем самым закладывая новую традицию сопротивления злу силою, имеющую духовное обоснование. Эта традиция распространяется, в частности, на аналитику войн, что засвидетельствовал П. Робинсон [10, с.497 - 519].

Полемика вокруг основных положений философии сопротивления носила острый характер, нередко переходящий границы общепринятых норм, и становясь просто неприличной ввиду бездоказательности обвинений. И.П. Демидов называет философа «новоявленным, тактическим последователем большевиков» [1, с.305]. Автор упрекает И.А. Ильина в том, что для него толпа – это «демократия». Подобную критику П.Б. Струве справедливо назвал «явным и объективным недомыслием» [1, с.300]. Участники дискуссии сводили политические счеты. З.Н. Гиппиус понимает книгу как политическую. Отсюда и ее оценки как политического трактата и вытекающие из этого суждения реставрационная политика – «гиблое дело», «дешевость философской постройки», «использование религии для политики» [1, с.313, 419 и т.д.]. З.Н. Гиппиус неоднократно высказывалась по поводу книги И.А. Ильина. Причем ее отклики носили явно эмоциональный характер, лишенный аналитической глубины, что является примером некорректности и несвойственно не только научным исканиям, но и дискуссиям, проводящимся в диалогическом пространстве культуры. В частности, утверждается, что «у Ильина нет определений» [1, с.374], что «это не философ пишет книги ... это буйствует одержимый» [1, с.376] и т.д. З.Н.

Гиппиус не одинока в навешивании ярлыков. Е.Д. Кускова назвала «О сопротивлении злу силою» (Сопротивление – прим. Ю.С.) «религией мести». Прочно забытый ныне Л.М. Добронравов относит миропонимание И.А. Ильина к «православно-утилитарным» [1, с.324]. Именно таких участников полемики авторитетное «Возрождение» назвало «малокомпетентными не только в чисто богословском, но и в философском и историческом отношениях» [1, с.332]. Можно ли дискутировать с такими оппонентами? Ответ оказывается излишним. Отклики анонимов не следует принимать во внимание, потому что это злобные пасквили, не содержащие никаких доводов, подкрепляющих их претензии на убедительность.

Политическая интерпретация философских проблем снизила градус научной полемики и в то же время обозначила прагматичность «абстрактных» идей, развитых в Сопротивлении, их жизненность и повседневность, возможность использования как руководства к действию. Вовлеченные в полемику являлись участниками революционных событий и наглядно убедились в том, что, как написал В.М. Чернов, «если сопротивление злу силою и мечом в самом деле необходимость, то человеку принадлежит не право, а обязанность вступить на этот путь (...), ибо без этого на свете скоро остались бы одни злодеи и их напуганные рабы» [1, с.349]. Это не «зады» революции; это человеческая потребность в безопасности и свободе. В.М. Чернов пытается убедить читателей в том, что И.А. Ильин «просто никакой философ» [1, с.351], а его книга основана на «дидактических рассуждениях» [1, с.352]. Словно не было докторской диссертации на тему «Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека» (М., 1918). В заметке В.М. Чернова много нарочитых упрощений. Чего стоит фраза – «любвеобильный палач, исполняющий смертный приговор любвеобильного судьи» [1, с.361]. Безусловно, это полемический перехлест, нередко используемый в публицистике с целью дискредитации автора и употребляемый по причине отсутствия более весомых аргументов, равно как и упреки в софистичности рассуждений, которая проявляется в игре разными значениями понятий «зло» и «добро» [1, с.358], в рассогласовании идеалов «полноты добра» и «нравственного совершенства» с «физическим понуждением» [1, с.359]. Сравнение аргументации И.А. Ильина, оправдывающего меч, с рассуждениями революционеров о карающей длани Революции, выглядят более чем натянутыми. Вовсе надуманным представляется утверждение В.М. Чернова о том, что И.А. Ильин «повторяет зады революции ... посильно пытаясь соответственно их «освоить» согласно потребности контрреволюции» [1, с.364]. Упреки в «белом фашизме» – все, что мог предложить В.М. Чернов в критике Сопротивления. Впрочем, с тех пор у определенной части философствующей и политической публики в ходу аналогичные приемы [11]. Как и «политика двойных стандартов», которой небезуспешно пользовались оппоненты И.А. Ильина и которая, по мнению А.Д. Белимовича, «уничтожает всякое доверие к ее носителям и ссылкам на христианство» [1, с.450].

В рассмотренных откликах обращает на себя внимание отсутствие определенности в понимании философско-этических категорий «добро» и «зло», их верификации и дефиниций. Для авторов критических заметок зло – понятие неопределенное; верифицированное в смыслах «собственного мнения» и политических пристрастий, в то время как дискурс И.А. Ильина составляет конкретное зло и его проявления. В этом видится сила, убедительность и доказательность аргументаций философа. Следует обратить внимание и на другую сторону развернувшейся полемики. Обобщая приведенные суждения о Сопротивлении, равно как и те, которые остались за пределами предлагаемого обобщения, современный исследователь резюмирует: «В целом общее мнение выступавших против Ильина заключалось в том, что он сумел изобразить насилие более важным, чем необходимое зло, и придал ему качества нравственного добра» [10, с.514]. Эти и подобные суждения, по мнению Пола Робинсона, «фактически представляют в ложном свете книгу Ильина» [10].

Иной акцент полемика приобрела в откликах А.В. Карташева и В.В. Зеньковского. А.В. Карташев сформулировал вопрос о необходимости сопротивления злу, взглянув на проблему с философской и религиозно-православной стороны. И что же увидел известный богослов? Уничтожающую критику индивидуалистического «эгоизма-нейтрализма», смысл которого состоит в заботе о личном спасении и отвержении ответственности каждого за все совершающееся, хотя бы и не им. Дилемму между греховным попустительством злу и греховной борьбой с ним И.А. Ильин решает на основе анализа двойственного характера акта любви: греховный акт оказывается долгом, несмотря на свою греховность. Этот оригинальный ответ сформулирован «на основе необычно тонкого глубокого анализа», – считает А.В. Карташев [1, с.368]. И.А. Ильин высоко ценил мнение А.В. Карташева, в чем признавался в письме к П.Б. Струве [1, с.590].

В.В. Зеньковский справедливо отмечает, что книга И.А. Ильина – это попытка прикоснуться «к вопросу об основах нового мировоззрения, которое должно быть построено в итоге всего пережитого нами» [1, с.426]. Так видится Сопротивление с позиций философии культуры. Это необычный ракурс. Современная культура «внутренне разорвана». В противоположном направлении – как преодоление ее фрагментарности – идет «построение религиозной культуры». Религиозная культура означает освящение жизни, ее внутреннее преображение. Разорванность культуры – это результат «Просвещенства», которое «само было связано с расстройством целостности духовной жизни» [1, с.428]. В.В. Зеньковский склонен видеть в книге И.А. Ильина «христианский натурализм, т.е. признание данного, временного, ограниченного за освященное и преображенное, за вечное и универсальное» [1, с.430]. В трактовке В.В. Зеньковского «участие христиан в войне есть крестный путь» [1, с.435]. Поэтому оправдания войне не существует. Значит, «кощунственно и недопустимо звучат слова о «православном мече», но глубокий смысл имеет церковное слово о «христолюбивом воинстве» [1]. Идея о «христолюбивом воинстве» не риторика, а желание увидеть в нем «духовный строй». В.В. Зеньковский считает подмену этих понятий недопустимым. (Заметим в скобках, что один из участников полемики – А.Д. Билимович – считает неправомерным противопоставление «христолюбивого воинства» и «православного меча». Ссылаясь на многочисленные примеры из русской истории, он утверждает их тождественность [1, с.451]). Обратим внимание на еще одно высказанное В.В. Зеньковским уточнение, касающееся любви. «Не от ума идут озарения, – цитирует он руководителей духовной жизни, – а от сердца, которое не устраняет ясного сознания внутреннего спокойствия и сосредоточенного внимания» [1, с.437]. Человек живет лишь в меру его любви к Богу. Это не мистическая логика. Христианство связывает разум «со всей духовной жизнью, высшее цветение которой она видит в любви» [1, с.438]. «Зрение любви» обозначает вершину морального сознания как конструкта мировоззрения. Участие в жизни мира является «для христианина крестом; бремя мира становится легко и иго его становится благом – но лишь через силу любви» [1, с.439]. Мироотношение на основе любви связывается с потребностью служить Родине.

Показательны отклики на книгу И.А. Ильина церковных иерархов. Митрополит Антоний (Храповицкий) назвал книгу И.А. Ильина «весьма глубокомысленной и интересной» [1, с.368], а ее автора «почтенным философом». Критиков Сопротивления иерарх попрекнул ангажированностью и «полуграмотностью». Антоний, как и подобает митрополиту, с особой скрупулезностью исследовал обращение автора к религиозным текстам и нашел его весьма корректным. Митрополит Антоний предлагает свое прочтение книги И.А. Ильина: если не казнить нераскаявшихся злодеев, то они будут казнить мирных граждан. Поэтому если война и казнь – это грех, то это грех всех. Правота И.А. Ильина видится в том, что существуют «жизненные положения», в которых не следует искать «не праведности и не святости, а наименьшего зла и наименьшей неправедности», – цитирует Антоний Сопротивление [1, с.371]. Митрополит Антоний приветствовал появление такой книги, сказав об авторе: «Он глубоко и всесторонне понимает христианское учение о степенях совершенства и смотрит правде в глаза без замалчивания» [1, с.372]. Архиепископ Анастасий Иерусалимский отозвался о книге И.А. Ильина как о «глубокоинтересной и поучительной, отличающейся добросовестностью в исследовании основных вопросов жизни» [1, с.390], а споры и суждения, вызванные ее публикацией, – «лучшим свидетельством ее внутренней силы» [1, с.400]. «Наши интеллигенты, – писал он И.А. Ильину, – неохотно отказываются от своих предубеждений и тех, кто не хочет кланяться с ними старым кумирам, готовы преследовать с таким же фанатизмом, с каким невежественная чернь гнала некогда Сократа» [1, с.401].

Н.А. Бердяев откликнулся на книгу И.А. Ильина обширной статьей «Кошмар злого добра. (О книге И. Ильина «О сопротивлении злу силою»)», опубликованной в журнале «Путь» (№ 4, июнь – июль 1926) и занявший номер со страницы 78 по 87. Так как «Путь» выходил под редакцией Н.А. Бердяева, не приходится сомневаться в программности излагаемых в ней положений. Автор высказывается по четырем категориям: государство, свобода, человек и любовь. Мы остановимся на ряде положений духовно-этического порядка. Н.А. Бердяев назвал книгу И.А. Ильина «кошмарной и мучительной» по причине того, что она «ввергает в застенок моральной инквизиции» [1, с.378]. Это «удушение добром», которое превращается в демоническое добро и становится «моральным извращением» [1, с.379]. Автор заразился «ядом большевизма», но «во имя целей противоположных» [1]. (Поэтому произведения И.А. Ильина были изъяты из обращения, а само имя философа оказалось в СССР под запретом

вплоть до 1989 г.). Упрек в отвлеченно-формальном характере исследования И.А. Ильина лишен оснований потому, что в основе книги лежат универсальные и внеисторические категории добра и зла. Попытка Н.А. Бердяева доказать, что взгляды И.А. Ильина на государство, человека и свободу являются антихристианскими, также не может быть признана состоятельной. Смешение представлений о «Царстве Божьем и царстве кесаря», вероятно, естественно. Цели государства и Церкви соотносимы, но не идентичны. Один из участников полемики Ю. Айхенвальд достаточно определенно вывел аксиому взаимоотношений Церкви и государства: «Однажды навсегда дано признать, что христианство и государство не покрываются друг другом и что государство не может и не хочет быть идеальным воплощением христианского добра. (...) Государству религия нужна только в меру, добро ему нужно не полное, и христианство, понятое всерьез, государству не по росту» [1, с.387]. В этом нетрудно убедиться, сославшись на пример царствования Алексея Михайловича, получившего «титул» Тишайшего, заслужившего авторитет религиознейшего государя и времени его царствования, названного «бунташным веком». Достижение симфонии Церкви и государства – идеал и исходная основа для философских построений и историософских изысканий. Функция Церкви – преодолевать зло в человеке путем внутреннего переустройства; функция государства – сдерживать проявления зла доступными ему средствами.

Люди, убивающие во имя добра и любви, – самые опасные преступники. В этом Н.А. Бердяев, безусловно, прав. Вместе с тем подобное утверждение никак не может быть отнесено к положениям философии Добра в силу отсутствия в Сопротивлении противоположного утверждения.

Следующий тезис, развиваемый Н.А. Бердяевым, гласит: «И. Ильин не любит человека и отрицает любовь к человеку» [1, с.388]. Тогда ради кого осуществляется сопротивление злу? Ради абсолютного добра? Разумеется, для торжества добра и для человека, который этому способствует. Добро – этическая категория. Человек вне морали утрачивает способность стать личностью и становится на путь распада и деградации индивидуального начала. Обвинения И.А. Ильина в том, что он «не столько хочет творить добро, сколько истреблять зло» [1, с.389] безосновательны потому, что сопротивление злу имеет своим результатом торжество добра [12]. Сопротивлением И.А. Ильин «зовет нас к продолжению борьбы за Россию, к духовному возрождению российской нации и будит в нас веру и бодрость» [13, с.172].

Обсуждение и заключения

Как видим, Н.П. Полторацкий оказался прав, когда заметил: «Критика была не на уровне книги, против которой была направлена» [3, с.527]. Вместе с тем полемика свидетельствует о том, что сопротивление злу необходимо и обязательно ради торжества добра. Показательна в этом отношении предложенная интерпретация духовно-этического аспекта полемики вокруг книги И.А. Ильина «О сопротивлении злу силою». Тезисы Сопротивления о том, что душа человека, прибегающая к сопротивлению злу, должна постоянно заботиться о духовном очищении и что нет другого праведного пути, который заменил бы неправедный путь силы и меча, остались непоколебимы.

В заключение изложенных и далеких от полноты соображений по поводу духовно-нравственного аспекта полемики вокруг книги И.А. Ильина «О сопротивлении злу силою», обращаясь ко всем тем, кто убежден, что автор «ломится в открытую дверь», выскажу уверенность в том, что самый длинный путь познания – это путь к очевидности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ильин И.А. Собр. соч.: в 10 т. Т. 5. М.: Русская книга, 1995. 608 с.
2. Оффермане В. Добро и зло // Ильин И.А. О сопротивлении злу силою. М.: Айрис-пресс, 2005. С. 492 – 495.
3. Полторацкий Н.П. И.А. Ильин и полемика вокруг его идей о сопротивлении злу силой // Ильин И.А. Собр. соч.: в 10 т. Т.5. М.: Русская книга, 1995. С. 479 – 553.
4. Кравец В.С. Либеральная интеллигенция русского зарубежья 20-х годов XX века о национально-государственном строительстве в постбольшевистской России: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д., 2000. 28 с.
5. Маторина И.И. Проблемы высылки группы «старой» интеллигенции из РСФСР в 1922 г.в контексте взаимоотношений «старой» интеллигенции и советской власти: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Н. Новгород, 2002. 24 с.

6. Онегина С.В. Пореволюционные политические движения российской эмиграции 1925 – 1945 гг.: варианты российской государственной доктрины: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1997. 27 с.
7. Сабенникова И.В. Русская эмиграция (1917 – 1939): сравнительно-типологическое исследование. Тверь: Золотая Буква, 2002. 429 с.
8. Сабенникова И.В. Российская эмиграция (1917 – 1939): сравнительно-типологическое исследование: автореф. дис. ... д-ра ист.наук. М., 2003. 46 с.
9. Сабенникова И.В. Российская эмиграция 1917 – 1939 годов: структура, география, сравнительный анализ // Российская история. 2010. № 3. С. 58 – 80.
10. Робинсон П. «О сопротивлении злу силою»: Иван Ильин и необходимость войны // Ильин И.А. О сопротивлении злу силою. М.: Айрис-пресс, 2005. С. 497 – 519.
11. Троицкий К.Е. Сопротивление злу силою Ивана Ильина как «духовный имморализм» // Вопросы философии. 2017. № 2. С. 154 – 165.
12. Сироткин Ю.Л. Торжество добра в этической системе И.А. Ильина (1882 – 1954) // Правовое и духовно-нравственное воспитание российского офицерства: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (14 ноября 2014 г.). Самара: Самарский юридический институт ФСИН России. 2015. С. 258 – 262.
13. Горянинов И. В защиту памяти профессора И.А. Ильина // Ильин И.А.: pro et contra. СПб.: РХГИ, 2004. С. 169 – 172.

REFERENCES

1. Il’in I.A. Sobr. soch.: v 10 t. T. 5. M.: Russkaya kniga, 1995. 608 s.
2. Offermans V. Dobro i zlo // Il’in I.A. O soprotivlenii zlu siloyu. M.: Ajris-press, 2005. S. 492 – 495.
3. Poltorackij N.P. I.A.Il’in i polemika vokrug ego idej o soprotivlenii zlu siloj // Il’in I.A. Sobr. soch.: v 10 t. T.5. M.: Russkaya kniga, 1995. S. 479 – 553.
4. Kravec V.S. Liberal’naya intelligenciya russkogo zarubezh’ya 20-h godov HKH veka o nacional’no-gosudarstvennom stroitel’stve v postbol’shevistskoj Rossii: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Rostov n/D., 2000. 28 s.
5. Matorina I.I. Problemy vysylki gruppy «staroj» intelligencii iz RSFSR v 1922 g.v kontekste vzaimootnoshenij «staroj» intelligencii i sovetskoj vlasti: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. N. Novgorod, 2002. 24 s.
6. Onegina S.V. Porevolyucionnye politicheskie dvizheniya rossijskoj ehmigracii 1925 – 1945 gg.: varianty rossijskoj gosudarstvennoj doktriny: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. M., 1997. 27 s.
7. Sabennikova I.V. Russkaya ehmigraciya (1917 – 1939): sravnitel’no-tipologicheskoe issledovanie. Tver’: Zolotaya Bukva, 2002. 429 s.
8. Sabennikova I.V. Rossijskaya ehmigraciya (1917 – 1939): sravnitel’no-tipologicheskoe issledovanie: avtoref. dis. ... d-ra ist.nauk. M., 2003. 46 s.
9. Sabennikova I.V. Rossijskaya ehmigraciya 1917 – 1939 godov: struktura, geografiya, sravnitel’nyj analiz // Rossijskaya istoriya. 2010. № 3. S. 58 – 80.
10. Robinson P. «O soprotivlenii zlu siloyu»: Ivan Il’in i neobhodimost’ vojny // Il’in I.A. O soprotivlenii zlu siloyu. M.: Ajris-press, 2005. S. 497 – 519.
11. Troickij K.E. Soprotivlenie zlu siloyu Ivana Il’ina kak «duhovnyj immoralizm» // Voprosy filosofii. 2017. № 2. S. 154 – 165.
12. Sirotkin YU.L. Torzhestvo dobra v ehticheskoj sisteme I.A. Il’ina (1882 – 1954) // Pravovoe i duhovno-nravstvennoe vospitanie rossijskogo oficerstva: materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem (14 noyabrya 2014 g.). Samara: Samarskij yuridicheskij institut FSIN Rossii. 2015. S. 258 – 262.
13. Goryaninov I. V zashchitu pamyati professora I.A. Il’ina // Il’in I.A.: pro et contra. SPb.: RHGI, 2004. S. 169 – 172.

Об авторе: Сироткин Юрий Львович, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры философии, политологии, социологии и психологии Казанского юридического института МВД России.
e-mail: syurij75@gmail.com
© Сироткин Ю.Л., 2018
Статья получена: 09.01.2018 Статья принята к публикации: 15.03.2018
Статья опубликована онлайн: 20.03.2018

About the author: Sirotkin YUrij L., Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Department of Philosophy, Political Science, Sociology and Psychology of the Kazan Law Institute of MIA of Russia.
e-mail: syurij75@gmail.com

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The author has read and approved the final version of the manuscript.

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ КАЗАНСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ

Образцы документов по гражданскому делу о возмещении вреда, причиненного жизни и здоровью сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации: учебно-практическое пособие / Н.Ю. Комлев, Л.К. Фазлиева; под ред. доктора педагогических наук, доцента Ф.К. Зиннурова. – Казань: КЮИ МВД России, 2017. – 84с.

ISBN 978-5-906977-20-5

Учебно-практическое пособие представляет собой образцы документов по гражданскому делу о возмещении вреда, причиненного жизни и здоровью сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации. Данное пособие является наглядным примером составления процессуальных и иных документов, находящихся в гражданском деле при расследовании причинения вреда жизни и здоровью сотрудника ОВД России.

Предназначено для курсантов слушателей, обучающихся в образовательных организациях МВД России, преподавателей, а также сотрудников правоохранительных органов.

УДК 32.019.51+340"364" DOI: 10.24420/KUI.2018.31.11121

Р.Ф. Набиев

СПЕЦПРОПАГАНДА В СТАЛИНГРАДЕ (АВГУСТ 1942 – ФЕВРАЛЬ 1943)

SPECIAL PROPAGANDA: WAR OF IDEOLOGIES IN STALINGRAD (AUGUST 1942 – FEBRUARY 1943)

Введение: Сталинградская битва как эпохальное событие привлекла к себе внимание (в том числе историков и писателей) уже в ходе сражения. Однако глубокий и системный анализ технологий спецпропаганды (СП) на Сталинградском фронте используется в современных работах лишь фрагментарно. Автор рассматривает действенность некоторых форм и методов СП, уделяя особое внимание динамике изменения ее тематики на фоне развития боевой обстановки.

Материалы и методы: архивные материалы: военная периодика: фотографии и статьи. Репродукции плакатов, листовок и писем. Воспоминания участников событий и военные мемуары, специальная литература и аналитические статьи. Работа создана на стыке таких наук, как педагогика, психология, военное дело, политология, информатика. Методы работы включают как общенаучные методы, так и специфические, присущие указанным наукам. Автор использовал и ряд методов и принципов партийно-политической работы, применявшихся в рассматриваемое время, которые редко вспоминаются современными историками. Среди этих методов в первую очередь следует отметить «метод исторического материализма» и «принцип партийности».

Результаты исследования: наступления немецких войск в 1941-1942 гг. – это не только результат сочетания качественного офицерства, техники и оружия. Временные победы обеспечивались и аппаратом пропагандистов. Поражение гитлеровцев также определялось проигрышем в идеологическом противоборстве. Победили советские политработники в результате длительной и многопрофильной работы, в ходе которой оперативно менялись и динамично совершенствовались формы и методы воздействия на противника. Характерной особенностью СП стал перенос основных усилий с идеологической работы на средства и методы психологического воздействия.

Ключевые слова: Идеологическая борьба, пропаганда, агитация, солдаты, листовки, плен, психология, политработники, письма

Для цитирования: Набиев Р.Ф. Спецпропаганда в Сталинграде // Вестник Казанского юридического института МВД России. Т. 9, № 1. С. 138-145. DOI: 10.24420/KUI.2018.31.11121

Introduction: the Battle of Stalingrad as a milestone event came into notice including historians and writers during its battle. But deep and system analysis of the technologies of special propaganda on the Stalingrad battlefield is used nowadays fragmentarily. The author consider efficacy of some forms and methods giving special attention to the change of its subject matter on the back of the development of the battle conditions.

Materials and Methods: during the work on the study archives like photographs and articles, reproduction of posters, letters and leaflets, remembrance of participants, war-time memoirs, specialist literature and analytical articles were used. The work is prepared across pedagogy, psychology, military science, politology and informatics. Methods include both common scientific ones and specific peculiar to the listed sciences. The author used the range of methods and principles of party and political work which were applied in the concerned period which modern historians use rare. it is important to note the method of historical materialism and principle of party spirit.

Results: attack of German forces in 1941-1942 is not only a result of conjunction of thorough officership, equipment and weapon. Temporary achievements were assured be propaganda apparat. The defeat of the Nazis was defined by a ideologic failure. Soviet political workers won as a result of a long and multidisciplinary work, during which the forms and methods of influencing the enemy were rapidly changed and dynamically improved. A characteristic feature of the special propaganda was the transfer of the main efforts from ideological work to the means and methods of psychological influence.

Key words: Ideological struggle, propaganda, agitation, soldiers, leaflets, captivity, psychology, letters, military political officer

For citation: Nabiev R.F. Special propaganda: war of ideologies in Stalingrad // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2018. V. 9, № 1. P. 138-145. DOI: 10.24420/KUI.2018.31.11121

Введение

В основе национал-социалистической подготовки немецкого солдата лежал тезис о превосходстве германской нации и армии. Причем это направление было одним из наиболее традиционных и древних в Германии. Так, еще до объединения Германии (в 1838 г.) патриотами был инициирован общегерманский проект установки памятника Арминию, победившему римские легионы. Проект стал одним из ряда инициатив, сплотивших различные слои немецкого общества: повсюду создавались общества помощи возведению памятника. Идея воинской доблести германцев стала одной из главных основ стремления немцев к объединению. Величественный проект был завершен уже в едином государстве кайзером Вильгельмом I в 1875 г. Германия возродилась как воплощение устремлений прусского милитаризма.

Военные успехи прусской армии в значительной степени зависели от тех идей, которые сплачивали бойцов вокруг лидеров, укрепляли моральный дух, настраивали на победу. Это были давние воинские традиции тевтонов, дух товарищества (Kameradschaft), боевого братства (Kampfbruderschaft), уверенность в своих командирах, превосходстве над врагом.

Широкую известность приобрела фраза, которую молва приписала Отто фон Бисмарку, о том, что исход войны определяется сельским (прусским) учителем, который воспитывает будущих солдат-победителей.

Не следует забывать и то, что в Первой мировой войне германские войска не были разгромлены и не сдавались массово врагу добровольно. Поэтому пропаганда реваншизма имела большой успех среди патриотически настроенной части немцев.

Эклектическая смесь элементов религиозного, нацистского воспитания и воинских традиций была успешной в условиях военных побед, но в Сталинграде иллюзия о превосходстве немецкой нации, солдата и оружия была развеяна, и важная заслуга в этом принадлежит продуманной и целенаправленной работе политработников.

В ходе противостояния двух огромных армий в Сталинградской битве спецпропаганда, адресованная солдатам противника, довольно быстро меняла направленность, формы, методы работы и средства воздействия. Примечательно, что эти изменения примерно соответствуют этапам Сталинградской битвы, выделенным советскими военными историками, и этапам, определенным для ППР в целом [5]. Таким образом, периодизация пропагандистского противостояния может подразделяться на следующие этапы:

1) успешное наступление германской армии (июль-август);

2) замедляющееся продвижение 6-й полевой армии в черте города и нарастание сопротивления бойцов 62-й общевойсковой армии (сентябрь – 19 ноября);

3) окружение и разгром армии Паулюса в Сталинградском котле (19.11.1942 – 2.02.1943).

Значимость выявления закономерностей развития ППР в Сталинграде примечательна тем, что примерно по той же схеме можно оценивать развитие ППР в течение всей Великой Отечественной войны (этап обороны, равновесия, этап наступления).

Результаты исследования

Первый этап (июль-август). Исходя из многочисленных свидетельств участников событий, на начальном этапе Сталинградской битвы противостояния пропагандистских систем практически не было. Немецкие войска стремительно наступали, обгоняя отходящие советские части, и пробивались через подходящие к ним подкрепления, которые не успевали занять оборонительные рубежи. Советская спецпропаганда поначалу работала по устаревшим идеологическим шаблонам. Седьмой отдел Главного политического управления РККА (Рабоче-крестьянской красной армии) явно недостаточно привлекал немецких коммунистов, газета «Die Warheit» («Правда») не пользовалась популярностью у солдат вермахта, они не доверяли советской информации [1].

Закаленный в боях солдат вермахта давно прошел «порог чувствительности», характерный для цивильного человека, верил в «гений фюрера», превосходство германской расы и армии по отношению к недочеловекам (der Untermensch). Почти все они были воспитаны в среде гитлерюгенда, несмотря на формальное внепартийное положение, в армии значительна была прослойка членов NSDAP (Национал-социалистическая рабочая партия Германии) [1].

По мнению командного состава, советская пропагандистская машина в условиях германского наступления работала вхолостую. Исходя из текущих

результатов противостояния, это действительно было так. Немцы не сдавались добровольно в плен, а попав, не теряли веры в победу. Однако здесь следует учитывать два важных аспекта: 1) пропагандистская работа, ориентированная на противника, в принципе не рассчитана на немедленный результат; 2) немецкий солдат был невосприимчив к нашему стилю пропаганды.

Из допросов пленных и донесений с передовой следовало, что традиционные «лозунги» коммунистической СП не воспринимались огрубевшей в походах солдатской средой [2]. К тому же советские военные политработники обычно не учитывали, что лидеры NSDAP до прихода к власти широко использовали социалистические лозунги, а затем девальвировали их. В 1942 году для многих немцев социалистические идеи были уже «вчерашним днем», «отработанным материалом». Лозунги типа «Рот фронт» или «Левый марш» Бертольда Брехта были для них пустым звуком.

Это обусловлено тем, что основная масса солдат обладала профессионально деформированной психикой и мировоззрением. Иллюстрацией того, с какой средой приходилось работать пропагандистам, может служить следующий пример: сотрудники советских похоронных команд сообщали, что почти у всех убитых немецких солдат в карманах были фотографии с убийствами и издевательствами над людьми. Статус «сверхчеловека» поддерживался на всей территории Райха, и молодежь давно привыкла к тому, что встречный обыватель стягивал шляпу за 100 м, увидев немецкого солдата [3]. К тому же в ходе триумфального победоносного наступления любой здоровый и успешный солдат в принципе не склонен выслушивать морализм побеждаемых [1].

Он (солдат вермахта) живет в особой среде боевых товарищей со своими корпоративными нормами поведения вне гражданского и международного права. Бытовые условия ему были созданы весьма неплохие (в целом лучше, чем у советского младшего офицера). Тем более, накануне вторжения в СССР они были освобождены Гитлером от условностей права и морали. Немецкий солдат с каждой победой убеждался в превосходстве над «низшей расой» и был совершенно равнодушен к традиционным для советских политработников идеям классовой борьбы, пролетарского интернационализма, строительства коммунизма. К тому же уже 23.08.1942 передовыми танковыми частями был достигнут желаемый рубеж (Волга), который считался реальным рубежом победы в войне.

В августе 1942 года «Фелкишер беобахтер» (Völkischer Beobachter) разместила футуристическую статью о жизни немецкого помещика, бывшего солдата, который в 50-х годах якобы отдыхал в своем фольварке на берегу Волги, попивая кофе в лучах заката и вспоминая былые подвиги. Подобные настроения не были единичными, что и отмечают исследователи [4].

Из бесед с немецкими военнопленными советские специалисты с удивлением узнали, что солдаты вермахта не подвергались специальной политической муштровке. Они были поражены слабостью и несистемностью убеждений немцев [1; 5]. Получалось, что хаотически сложившееся мировоззрение солдата базировалось преимущественно на временных военных успехах вермахта и армейских традициях.

Отметим еще один фактор, который был упущен из сферы внимания специалистов в советское время. Наши фронтовики не раз отмечали пьяные атаки немцев, которые бесстрашно шли даже в штыковую (дело в том, что русская штыковая атака при равных условиях обычно заканчивалась трагически для противника, а значительная часть погибших в рукопашной схватке не имела смертельных ранений – причиной их гибели был шок). Разгадку смелости немцев раскрыли уже в наше время: при порицании употребления спиртного фронтовиков активно снабжали наркотиками типа pervitin [6].

В ходе непрерывных боевых действий в условиях отступления и господства люфтваффе в небе нашим пропагандистам, разумеется, не удавалось организовать занятия и беседы с солдатами противника, в ходе которых они могли бы подробно разбирать ложные посылы фашистской идеологии. Таким образом, советская СП на этапе отступления постепенно отказывалась от идеологического противоборства, к которому готовились политработники до войны.

В числе действенных положений советской СП оказались не коммунистические лозунги и призывы к «пролетарскому интернационализму», а «практические» опасения, которые живут у каждого солдата, рискующего жизнью вдали от дома.

Главными аргументами для немецких солдат и офицеров стали исторические примеры и очевидные обстоятельства:

1. Ни одно войско за тысячелетия никогда не побеждало эту страну извне.

2. Все военные авторитеты Германии (О. Бисмарк, К. Клаузевиц и др.) высказывались против войны с Россией.

2. С каждым новым военным успехом коммуникации вермахта растягиваются (а значит, растет и уязвимость), сопротивление советских войск растет, а зима приближается, и ее приход Гитлер не может отменить.

3. Ресурсы СССР огромны, и немцам предстоит встретиться со свежими дивизиями, которые идут из глубины страны [1; 7; 8].

4. Страх перед смертью и увечьем вследствие ранения. На немецком «Восточном фронте» высока была вероятность погибнуть и невозможно было избежать ранения или контузии. С каждым новым днем сопротивление РККА росло, росли и потери, а следовательно, и статистическая вероятность ранения любого бойца [9]. Этот страх накапливался, но еще не набрал «критической массы» на первом этапе.

5. «Союзники открывают второй фронт». Катастрофичность этого события была очевидна не только офицерам, но и солдатам. Оно делало бесполезными любые частные победы. Пусть союзники пока еще воевали в Африке, но все же этот второй фронт оттягивал часть сил «стран оси». Усиливавшиеся бомбардировки немецких городов англо-американской авиацией использовались СП как фактор неизбежного возмездия [1].

Второй этап характеризуется резким снижением темпа наступления 6 ПА. Пропагандисты с обеих сторон могли теперь использовать весь имеющийся технический и методический арсенал. В большей степени немецкая спецобработка проявлялась в моменты наступлений.

В то же время нарастало влияние советской СП. Особенно – на фланговых участках, где фронт удерживали союзники – румыны, итальянцы, венгры... Их обеспечение и вооружение было хуже, поэтому они легче принимали довод о том, что единственный надежный способ не погибнуть за чужие интересы и вернуться домой – это сдаться в плен.

Основные направления советской СП оставались теми же, что и на первом этапе, но возросла оснащенность и уверенность в победе, усиливалось давление на психику немецкого солдата. При сопоставлении печатных изданий с обеих сторон обращает на себя внимание то, что советские плакатные образы часто были своеобразным ответом на сюжеты из гитлеровских листовок. И часто очень удачно.

Приближалась зима, к которой германские войска опять оказались не готовы, а советский народ ожидал с нарастающей надеждой.

Увеличилось количество тревожных писем из Германии, где сообщалось об ухудшающихся условиях жизни цивильных немцев [10; 11; 12], ужасающих бомбардировках немецких городов, которые оказывали подавляющее моральное воздействие на население и через них – на солдат [13]. Солдаты из частей, которые направлялись из европейских армий на Восточный фронт, писали домой прощальные письма. «Война» на Западе была совсем иной – «цивилизованной». Служба там часто считалась отдыхом после Восточного фронта.

Победы войск стран «Оси» на других фронтах сменились поражениями. И каждое из них демонстрировало движение совсем не к тому итогу войны, которое обещали А. Гитлер и Й. Геббельс. Анализируя материалы допросов пленных, И. Сталин отмечал, что немцы могут терпеть лишения, но боятся повторения версальского мира [13]. В это слабое место и целила советская политическая пропаганда.

Все более успешной становилась работа, направленная на стимуляцию страха перед смертью и увечьем вследствие ранения [1; 7].

Статистику потерь видел воочию каждый солдат, и на это была направлена наша СП: «Ты будешь убит или станешь инвалидом, а твоя жена гуляет в тылу со снабженцами или офицерами СС». На фоне известной половой свободы немецких женщин и особых законов по сохранению чистоты расы этот посыл был весьма действенен. Активно эксплуатировалась любовь к детям и близким, которые не дождутся своих отцов и сыновей с Восточного фронта. Позже выяснилась чрезвычайная действенность листовки «Papi ist Tot!».

Интересные сведения по медицинской статистике вермахта были оценены авторами лишь недавно. Они приобретают совершенно новое качество при их оценке через призму действенности вышерассмотренного направления СП.

Отмечается, в частности: «Если в 1941 году немецкий раненый в среднем занимал койко-место 17,7 дней, то теперь [осень 1942 г. – Р.Н.] – 24,97 дня...» [14]. Эти цифры, по нашему мнению, свидетельствуют о том, что в 1941 году немецкий солдат верил в победу и стремился воевать, а осенью 1942 года не стремился на фронт совершенно, предчувствуя дальнейшее ухудшение ситуации, а вовсе не победу, о близости которой твердил Геббельс.

Примечателен в этом отношении приказ Гитлера солдатам и офицерам 6-й ПА от 17.11.1942 «О прорыве к Волге в районе Сталинграда», содержащий многозначную фразу: «…Мне известны трудности борьбы за Сталинград и упавшая боевая численность войск» [15].

В связи с культом фюрера в Германии одним из основных объектов для идеологических атак был Адольф Гитлер. Отношение к нему среди солдат порой напоминало почитание национального святого, более того, присяга военных была адресована лично ему. Крушение его ореола – по существу, разрушение идейной основы воинского долга. Поэтому прилагались большие усилия для того, чтобы опорочить лидера. Для разрушения внешнего образа привлекались лучшие художники: карикатуры группы художников Кукрыниксов обладали большой действенно-

стью и использовались в агитационных материалах. Они беспощадно высмеивали и разрушали все базовые устои немецко-фашистского порядка.

Постепенно выяснялось, что агитация и пропаганда не были бесполезной работой, хотя результаты не были скорыми. Накопление антигитлеровских настроений шло медленно. В критические минуты, когда нужно было оправдать свое решение сдаться, солдат часто говорил о том, что Гитлер их предал, что он – истерическая бездарность. Повторялись и прочие штампы, которыми его ежедневно пичкала советская пропаганда [3].

Если идеологические проповеди не имели существенного влияния на немецких солдат, то фанатическое упорство «русских» в боях днем оказывало влияние на психику. Глубокий невроз солдат и офицеров стал типичным явлением на передовой. Явное расстройство психики наблюдалось и у офицеров, да и у самого В. Паулюса. Советские пропагандисты скрупулезно считали и доводили до немцев их потери. К концу второго этапа немецкие солдаты еще не сдавались добровольно, но в атаку многие уже шли неохотно и при первых выстрелах залегали за каким-либо укрытием [11].

Третий этап. Ситуация и ее оценки изменились внезапно для немецких войск. В первой половине ноября было предпринято последнее мощное наступление, 17 ноября Гитлер еще нацеливает войска на последний рывок в районе заводов, а 19 ноября многие поняли, что победы не будет.

После разгрома деблокирующей группы Манштейна давно подмеченная зависимость действенности СП от успешности боев начала приносить плоды в Сталинграде [1]. Все большее количество солдат вермахта начинало осознавать, что советская информация и раньше была более точной и правдивой, чем геббельсовская.

К тому же в дело вступили высокопрофессиональные агитаторы – немецкие коммунисты. Перед солдатами через громкоговоритель выступали даже лидеры Коминтерна – Вильгельм Пик и Вальтер Ульбрихт [1; 16]. В разработке материалов для газеты «Die Wahrheit» принимали участие Э. Вайнерт, Ф. Вольф, И. Бехер, В. Бредеш [1; 17]. Агитаторы-антифашисты при помощи звукопередающих установок в пух и прах разносили идейные основы фашистского «социализма», потому что теперь солдат не мог их не слышать, а командиры не могли увести их. Пропагандистам из министерства Геббельса нечего было противопоставить немецкой основательности аргументов, излагаемых профессиональными революционерами.

Изменилось коренным образом и звуковое сопровождение. С первых дней войны авиация была единственным родом войск, в котором немцы обладали неоспоримым преимуществом. В значительной мере именно она и обеспечивала вермахту победы на земле. Гул своей авиации раньше всегда оправдывал надежды пехоты в самых тяжелых ситуациях. После 19.11.1942 в небе над городом самолеты с крестами летать перестали. Для наземных войск тихое небо стало сильным деморализующим фактором [18]. Иногда пролетали советские самолеты, советская артиллерия парализовала боевую активность окруженных войск.

Постепенно основным психологическим «якорем» в обращениях к окруженным стало обращение к чувствам солдата: любви к детям и близким, которым он нужен. Зная о высоком чувстве воинского и гражданского долга немецкого солдата, советская СП ему внушала, что его долг – выжить ради послевоенной Германии, которая будет единой, демократической и мирной.

Для третьего периода характерен постоянный прирост доли форм и методов психологического давления среди стандартного набора пропагандистских штампов. Позже пленные признавались, что самое тяжелое воздействие на них оказывала фраза, которая повторялась круглосуточно многие недели. На фоне наступившей тишины громкоговорители спокойно и мрачно твердили: «Stalingrad – Massengrab». По свидетельству пленных, в сочетании со стуком метронома и упоминанием гибели немца каждые 7 секунд эта фраза, как китайская пытка водой, сводила с ума [9]. Они не упоминали, но мы обнаружили, что эта рифма ранее обыгрывалась министерством пропаганды: «Stalingrad er tatt» (‘Сталинград плачет’). Теперь эта рифма играла уже в обратную сторону.

Отметим, что в черте города немцы в плен сдавались редко. Во-первых, трудно рассчитывать на снисхождение после тех зверств, которые были совершены за эти месяцы, во вторых, солдаты с обеих сторон мгновенно расстреливали любое движение на противоположной стороне. В этих условиях в городе немцы часто не успевали сдаться. Сдача в плен шла хорошими темпами на западном фасе котла, где отношение к немецким солдатам не было столь жестким, и наши солдаты относились к пленным более мягко. Более того, на западном направлении фиксировались массовые сдачи целых подразделений и частей (это были в основном союзники). Выяснилось, что наша СП была действенной, а прежняя критика в ее адрес была напрасной: количество стало переходить в качество.

В самом городе сопротивление солдат вермахта держалось на чувстве боевого товарищества и братства по оружию (Waffenbruder) и страхе возмездия за совершенные злодеяния. Главным идейным оправданием продолжения борьбы окруженных

становилась идея «жертвенности». Сначала солдат призывали держаться до деблокады, потом – для удержания советских войск, которые хлынули бы в разрыв, образовавшийся на Восточном фронте. Надо признаться, что, скорее всего, так и было бы, поэтому военная целесообразность удержания позиций влияла на мотивацию обороняющихся.

В речи по поводу 10-й годовщины прихода к власти нацистов, произнесенной 30 января 1943 года, Геббельс стал восхвалять «великие жертвы героев», принесенные солдатами под Сталинградом. Их непоколебимая вера в фюрера и в Райх налагает обязательства на всех немцев – как на фронте, так и на родине. Этот тезис подхватили писатели, например, поэт Генрих Лерш (Heinrich Lersch) писал: «Они погибли, чтобы жила Германия». Этот тезис через посредство мемуаров и приближенных Геббельса при К. Аденауэре продолжил жизнь и в наши дни [19]. Но еще в 1942 г. антифашисты развенчали его: окруженные спасали не Германию, а режим Гитлера.

Сегодня тема Сталинградской битвы остается важнейшим аргументом в политических дискурсах с немцами. Многие осознают, что завершение войны в 1943 году спасло бы жизни многих миллионов людей по обе стороны фронта, а Германию – от разрушения и унижений. Немецкий исследователь в наши дни может писать честно о подмене понятий Геббельсом, который выставлял германские войска на далекой Волге защитниками Европы от агрессии большевиков [12, 20].

На самом деле устойчивость обороны на восточном фасе кольца (на территории города) была обусловлена в основном страхом. Это не только боязнь возмездия, но и боязнь СС. На территории, занимаемой 6-й армией, были подразделения и части полевой жандармерии и СС. Они не указываются в боевых сводках, но упоминания о них изредка встречаются, а археологи находят их атрибуцию на территории города. После окружения они стреляли в немецких солдат, пытавшихся сдаваться в плен. Среди пленных не отмечались солдаты в форме Waffen-SS. Вероятно, перед сдачей в плен они переодевались в форму вермахта.

Стойко оборонять опорные пункты солдат заставлял еще и страх перед морозом: «Если отступить, то потеряешь и теплый оборудованный подвал со всеми запасами, а это – мучительная смерть на морозе». Думается, что если бы войска Паулюса попытались и смогли вырваться из кольца на запад в декабре или январе, они просто замерзли бы на морозе. В городе у них была надежда отсидеться в тепле до эвакуации самолетом. Солдаты, как правило, с запозданием узнавали, что это пустая надежда: транспортные самолеты были сбиты, а аэродромы разбомблены и захвачены советскими войсками. Надежды на счастливый исход «в огне холодного ада» медленно угасли примерно за месяц [10].

С конца декабря основным мотивом сопротивления, по всей видимости, осталась идея боевого братства (Kampfbruderschaft), которая ослаблялась по мере выбытия боевых товарищей из строя.

Последним духовным оплотом для окруженных, больных, раненых и голодных солдат вермахта стала вера в бога, к которому чем чаще стали обращаться солдаты, тем больше разрушались прежние идейные устои. Армия, попиравшая все христианские заповеди, в дни гибели обращала свои надежды к богу. Этот поворот в сознании был неожиданным для советских специалистов, которые, как нам кажется, не нашли возможности использовать эту тему в своих целях.

Но они смогли использовать веру в воинскую честь офицера. С учетом уважения немецких солдат к высшему командному составу было составлено обращение маршала Г. Жукова к окруженным, которое он подписал лично, гарантируя достойное отношение. Оно произвело большое впечатление. Он же подписал инструкцию для своих войск, в которой обязал их действовать в соответствии с Женевской конвенцией об обращении с военнопленными. Реакция была довольно быстрой – поток пленных возрос. К сожалению, многие из немецких солдат были уже неизлечимо больны и обморожены. Лишь ничтожная часть солдат окруженной группировки смогла выжить, дойти до стационарных концлагерей [1].

Для многих из них стало новым шоком добросовестное отношение к ним персонала лагерей. Идейно воспитанный обслуживающий персонал лагерей шел на реальные жертвы и риски для излечения и перевоспитания бывших врагов. При этом многие медсестры, помогая больным, сами заражались, некоторые умирали (например, в Елабуге). Военнопленные, оказавшиеся способными оценить подобное отношение, впоследствии стали гражданской опорой демократическим преобразованиям новой Германии [21].

Но не были уничтожены и те, которые не расстались со своими взглядами и утверждали, что такое отношение и должны оказывать «недочеловеки» (Untermensch) настоящим героям-арийцам, те, что в декабре 1955 года принесли коллективную клятву немецкому народу при возвращении в Vaterland (Отечество), что якобы в войне против СССР они строго придерживались международных правил ведения войны. При этом каждый знал, что это была «война, в ходе которой немцы нарушили все действовавшие тогда конвенции» [11]. «Коллективное лжесвидетельство!» – так назвал эту клятву Воль-

фрам Ветте. Коллективная ложь не смирившихся с поражением стала основой для отбеливания фашистов в эпоху холодной войны [22, 20]. Таким образом, идеологический фронтир сталинградского противостояния находит отклик в душах европейцев и в наши дни.

Обсуждение и заключения

На протяжении боевого противодействия РККА и вермахта спецпропаганда динамично меняла методы и акценты в тематике работы, которые все более смещались от идеологического воздействия к психологической войне. Предметом психологических атак становились такие чувства, как страх, зависть, желание есть, спать, любовь к близким, корпоративная неприязнь фронтовиков к тыловикам. Пропагандисты последовательно разрушали мифы, на которых базировалась идеологическая и психологическая устойчивость немецкого солдата: вера в «гений фюрера», уверенность в превосходстве немецкого порядка, командования и оружия, вера в быстрое и победоносное завершение войны. Успех (и неуспех) пропагандистского воздействия находился в прямой зависимости от военных побед и поражений. Сама Сталинградская трагедия сразу после завершения и на многие десятилетия стала темой пропаганды и воспитания: символом стойкости и трудной победы многонациональной Советской Армии, с одной стороны, и символом мученической гибели за ложные идеалы – с другой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бурцев М.И. Прозрение. М.: Воениздат, 1981.
2. Patterson T. The Forgotten Secrets of Stalingrad // The Independent. 2012. 5 November.
3. Kipp M. «Grossreinemachen im Osten». Feindbilder in deutschen Feldpostbriefen im Zweiten Weltkrieg. F-a-M.: Campus Verlag, 2014.
4. Hellbeck J. Die Stalingrad-Protokolle: Sowjetische Augenzeugen berichten aus der Schlacht. Frankfurt-a-M., 2012.
5. Сталинград: «Ни шагу назад!» Беседа с историком Йохеном Хелльбеком. URL: http://inosmi.ru/russia/20121127/202681815.html (дата обращения: 4.02.2013).
6. Наркотики в вермахте. URL: http: //pro-tank.ru/blog/682-drugs-in-wermacht (дата обращения: 4.02.2017).
7. Как работала советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны. URL: http://russian7.ru/post/kak-rabotala-sovetskaya-propaganda-v-g/ (дата обращения: 15.11.2016).
8. Набиев Р.Ф., Хрусталева О.Н. Фронтир идеологий: партийно-политическая работа в Сталинградской битве // Вестник Калининградского юридического института МВД РФ. 2018. № 1.
9. Шретер Х. Сталинград: Великая битва глазами военного корреспондента: 1942-1943 гг. / пер. А.С. Нечаева; под ред. Ю.И. Шенгелая. М.: Центрполиграф, 2010.
10. Busch R. Survivors of Stalingrad: eyewitness accounts from the 6th army, 1942-1943. Hardcover, 2016.
11. Neitze S., Welzer H. Soldaten. Protokolle vom Kämpfen, Töten und Sterben. Frankfurt am Main, 2011.
12. Wette W. Der Mythos einer Schlacht. Wie «Stalingrad» in Deutschland und Russland gedeutet, stilisiert und missbraucht wurde // Die Zeit. 2003. № 5.
13. Совершенно секретно. 23.09.1942. Беседа Сталина и Уилки. URL: http://eurasian-defence.ru/node/22886 (дата обращения: 17.05.2014).
14. Почему отменили трехгранный штык? URL: https: //otvet.mail.ru/question/26997174 (дата обращения: 4.02.2017).
15. Приказ Гитлера солдатам и офицерам 6 ПА от 17.11.1942 «О прорыве к Волге в районе Сталинграда». URL: http://www.katyn-books.ru/ archive/foreign/dashichev-02.htm#99doc (дата обращения: 4.02.2017).
16. Ulbricht W. URL: https://de.wikipedia.org/wiki/Walter_Ulbricht (дата обращения 12.02.2016).
17. Старунский А. Специальная пропаганда в годы Великой Отечественной войны. URL: http://www.peacekeeper.ru/ru/?module=n ews&action=view&id=688 (дата обращения: 26.10.2005).
18. Schanetzky T. «Kanonen statt Butter». Wirtschaft und Konsum im Dritten Reich // Historische Zeitschrift. 2016. B.302. №.2. S. 549.
19. Штаас К. Цепкие легенды о войне против СССР. URL: http://inosmi.ru/history/ 20110602/170196652.html (дата обращения: 14.05.2012).
20. Kuhne Thomas. Andreas Jasper. Zweierlei Weltkriege? Kriegserfahrungen deutscher Soldaten in Ost und West 1939-1945. Paderborn/München/Wien, Schöningh 2011 // Historische Zeitschrift. 2012. B. 295. № 3. C. 852.
21. Рюле О. Исцеление в Елабуге. М.: Воениздат, 1969.
22. Вольфрам Ветте. Великие жертвы героев. URL: http://inosmi.ru/europe/20130223/206259119.html (дата обращения: 16.05.2015).

REFERENCES

1. Burcev M.I. Prozrenie. M.: Voenizdat, 1981.
2. Patterson T. The Forgotten Secrets of Stalingrad // The Independent. 2012. 5 November.
3. Kipp M. «Grossreinemachen im Osten». Feindbilder in deutschen Feldpostbriefen im Zweiten Weltkrieg. F-a-M.: Campus Verlag, 2014.
4. Hellbeck J. Die Stalingrad-Protokolle: Sowjetische Augenzeugen berichten aus der Schlacht. Frankfurt-a-M., 2012.
5. Stalingrad: «Ni shagu nazad!» Beseda s istorikom Johenom Hell'bekom. URL: http://inosmi.ru/russia/20121127/202681815.html (data obrashcheniya: 4.02.2013).
6. Narkotiki v vermahte. URL: http: //pro-tank.ru/blog/682-drugs-in-wermacht (data obrashcheniya: 4.02.2017).
7. Kak rabotala sovetskaya propaganda v gody Velikoj Otechestvennoj vojny. URL: http://russian7.ru/post/kak-rabotala-sovetskaya-propaganda-v-g/ (data obrashcheniya: 15.11.2016).
8. Nabiev R.F., Hrustaleva O.N. Frontir ideologij: partijno-politicheskaya rabota v Stalingradskoj bitve // Vestnik Kaliningradskogo yuridicheskogo instituta MVD RF. 2018. № 1.
9. SHreter H. Stalingrad: Velikaya bitva glazami voennogo korrespondenta: 1942-1943 gg. / per. A.S. Nechaeva; pod red. YU.I. SHengelaya. M.: Centrpoligraf, 2010.
10. Busch R. Survivors of Stalingrad: eyewitness accounts from the 6th army, 1942-1943. Hardcover, 2016.
11. Neitze S., Welzer N. Soldaten. Protokolle vom Kämpfen, Töten und Sterben. Frankfurt am Main, 2011.
12. Wette W. Der Mythos einer Schlacht. Wie «Stalingrad» in Deutschland und Russland gedeutet, stilisiert und missbraucht wurde // Die Zeit. 2003. № 5.
13. Sovershenno sekretno. 23.09.1942. Beseda Stalina i Uilki. URL: http://eurasian-defence.ru/node/22886 (data obrashcheniya: 17.05. 2014).
14. Pochemu otmenili trekhgrannyj shtyk? URL: https: //otvet.mail.ru/question/26997174 (data obrashcheniya: 4.02.2017).
15. Prikaz Gitlera soldatam i oficeram 6 PA ot 17.11.1942 «O proryve k Volge v rajone Stalingrada». URL: http://www.katyn-books.ru/ archive/foreign/dashichev-02.htm#99doc (data obrashcheniya: 4.02.2017).
16. Ulbricht W. URL: https://de.wikipedia.org/wiki/Walter_Ulbricht (data obrashcheniya 12.02.2016).
17. Starunskij A. Special'naya propaganda v gody Velikoj Otechestvennoj vojny. URL: http://www.peacekeeper.ru/ru/?module=n ews&action=view&id=688 (data obrashcheniya: 26.10.2005).
18. Schanetzky T. «Kanonen statt Butter». Wirtschaft und Konsum im Dritten Reich // Historische Zeitschrift. 2016. V.302. №.2. S. 549.
19. SHtaas K. Cepkie legendy o vojne protiv SSSR. URL:http://inosmi.ru/history/ 20110602/170196652.html (data obrashcheniya: 14.05.2012).
20. Kuhne Thomas. Andreas Jasper. Zweierlei Weltkriege? Kriegserfahrungen deutscher Soldaten in Ost und West 1939-1945. Paderborn/München/Wien, Schöningh 2011// Historische Zeitschrift. 2012. V. 295. № 3. S. 852.
21. Ryule O. Iscelenie v Elabuge. M.: Voenizdat, 1969.
22. Vol'fram Vette. Velikie zhertvy geroev. URL: http://inosmi.ru/europe/20130223/206259119.html (data obrashcheniya: 16.05.2015).

Об авторе: Набиев Рустам Фанисович, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Казанского юридического института МВД России
e-mail: nabiev_bulg@mail.ru
© Набиев Р.Ф., 2018

Статья получена: 12.12.2017 Статья принята к публикации: 15.03.2018
Статья опубликована онлайн: 20.03.2018

About the author: Nabiev Rustam F., Doctor of History, Associate Professor, Professor of the Department of State Legal Disciplines of the Kazan Law Institute of MIA of the Russian Federation
e-mail: nabiev_bulg@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The author has read and approved the final version of the manuscript.

К юбилею Юрия Юрьевича Комлева

28 января 2018 года исполнилось 60 лет со дня рождения доктора социологических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ, профессора кафедры философии, политологии, социологии и психологии, Казанского юридического института МВД России Юрия Юрьевича Комлева, которую он возглавлял более 20 лет.

Ю.Ю. Комлев родился 28 января 1958 г. в городе Каменец-Подольский. В 1981 г. окончил факультет вычислительных и управляющих систем Казанского авиационного института по специальности «прикладная математика», в 1983 г. – отделение социологии УМЛ при Татарском ОК КПСС.

Работал на кафедре в КАИ, в политотделе МВД ТАССР, где одним из первых стал использовать социологические знания в идеологической работе. В 1987-1991 гг. создал социологическую службу в аппарате Казанского горкома комсомола КПСС, проводил социологические исследования, работая в аппарате Президента РТ. С 1991 по 1994 годы работал в секторе социологических исследований при управлении делами Госсовета РТ.

С 1995 года по 2015 год работал начальником кафедры философии, политологии, социологии и психологии КЮИ МВД России. С 2009 по 2013 год также был профессором в КНИТУ-КАИ, с 2015 года по настоящее время – профессор кафедры философии, политологии, социологии и психологии КЮИ МВД России, профессор кафедры уголовного права и уголовного процесса юридического факультета Университета управления «ТИСБИ».

В 1993 г. защитил кандидатскую диссертацию в Казанском государственном университете, в 2002 году в Башкирском государственном университете – докторскую диссертацию по социологии (специальность 22.00.04), в 2004 г. присуждено ученое звание профессора.

С 1994 по 2007 гг. под научным руководством Ю.Ю. Комлева ЦЭСИ при Кабинете Министров РТ Татарстанстатом и другими организациями проведено более 30 республиканских социологических исследований по широкому кругу социально-экономических и правовых проблем. В их числе 8 девиантологических изысканий, которые были поддержаны грантами Академии наук Республики Татарстан и Российского гуманитарного научного фонда. Основные результаты исследований были представлены на ежегодных международных конференциях Европейского общества криминологов (ESC) в Хельсинки (2003), Амстердаме (2004), Кракове (2005), Тюбингене (2006); на 1, 2, 3, 4, 5-м Всероссийских социологических конгрессах (Санкт-Петербург, 2001; Москва, 2003, 2006; Уфа, 2012; Екатеринбург, 2016); на девиантологических семинарах профессора Я.И. Гилинского в Санкт-Петербурге и на многих других всероссийских и международных научных форумах в Москве, Уфе, Екатеринбурге, Краснодаре, Тюмени, Красноярске, Казани.

В 90-е и 2000-е годы принимал активное участие в работе правительственной комиссии по созданию Программы социально-экономического развития Республики Татарстан и разработке целевых региональных программ профилактики наркотизации населения и противодействия преступности. Был научным руководителем исследовательских проектов ФСКН и МВД РТ.

На протяжении многих лет является активным членом Санкт-Петербургского центра девиантологии, Международного Санкт-Петербургского криминологического клуба, регионального отделения Российского общества социологов. Тесно сотрудничает с международными организациями «Европейские города против наркотиков» (ECAD) и «Европейское общество криминологов» (ESC). Более 20 лет

был членом двух диссертационных советов, в настоящее время входит в редакционные советы четырех научных журналов из перечня ВАК.

В 2015 году организовал первую в России междисциплинарную магистерскую программу «Право и девиантология» по направлению 40.04.01 «Юриспруденция» на юридическом факультете Университета управления «ТИСБИ» и по сей день является ее соруководителем.

За время вузовской работы подготовил и опубликовал свыше 300 работ, включая 11 монографий, 11 учебных, научных и практических пособий. Значительная часть статей представлена в авторитетных российских и зарубежных научных журналах («Социологические исследования», «Мониторинг общественного мнения: социальные и экономические перемены», «Государство и право», «Общество и право», «Криминология: вчера, сегодня, завтра», «Вестник ВЭГУ», «Вестник ВЭПС», «Вестник КЮИ МВД России», «Organised Crime, Trafficking, Drugs» и др.).

Среди основных девиантологических работ представлены такие труды, как: «Социологические теории девиации и проблемы социального контроля» (1999); «Социология девиантного поведения: вопросы теории» (2000, в соавторстве); «Органы внутренних дел и средства массовой информации: от общественной осведомленности к оптимальному взаимодействию» (2001);«Наркотизм в Татарстане: результаты эмпирического исследования» (2003, в соавторстве); «Наркоситуация в Татарстане: специфика, тенденции, перспективы» (2004); «Социологический мониторинг наркотизации подростково-молодежной среды» (2005); «Тенденции наркотизации подростково-молодежной среды в Татарстане» (2006); «Социология девиантного поведения» (2003, 2006, в соавторстве); «Основы социологии для юристов» (2007, 2009); «Теория рестриктивного социального контроля» (2009), «Основы конфликтологии: теория, анализ и управление конфликтами в ОВД» (2011, 2014); «Теории девиантного поведения» (2013, 2014); «Девиантность и социальный контроль: теория, исследования, практика» (2015);«Интегративная криминология: девиантологический очерк» (2016), «Теории преступности» (2017). Ряду трудов по итогам ежегодных конкурсов Российского общества социологов присуждены почетные призовые места в номинациях «Учебник», «Монография» (2006, 2009, 2011, 2013), а также грифы Министерства внутренних дел Российской Федерации.

За высокие результаты в организации и проведении научных исследований дважды награжден Почетной грамотой МВД России; знаком Министерства образования Российской Федерации «За развитие научно-исследовательской работы студентов»; дипломами Совета Федерации, Министерства образования и науки, ФСНК России, Госсовета РТ; нагрудными знаками «За отличную службу в МВД» I и II степени, «За содействие ФСНК России», ведомственными медалями и другими наградами. В 2008 г. присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки РФ».

Являясь одним из создателей журнала «Вестник Казанского юридического института МВД России», Ю.Ю. Комлев курирует в нем раздел «Социология девиантного поведения», где публикуют материалы своих исследований видные ученые-социологи, криминологи.

Дорогой Юрий Юрьевич! Редакционная коллегия журнала «Вестник Казанского юридического института МВД России» искренне поздравляет Вас с 60-летием. Желаем Вам крепкого здоровья, благополучия, неиссякаемой творческой энергии, жизненного оптимизма, долгих лет жизни и дальнейших успехов.

Требования, предъявляемые к статьям, направляемым в журнал «Вестник Казанского юридического института МВД России»

1. Принимаются оригинальные научные статьи на русском языке, соответствующие профилю Журнала и отражающие результаты теоретических и/или экспериментальных исследований авторов. Не допускается направление в редакцию уже опубликованных статей или статей, отправленных на публикацию в другие журналы.

2. Статья представляется в редакцию Журнала в электронном виде. К статье прилагается цветная фотография автора в цифровом формате (JPEG) с разрешением не менее 1024x768 пикселей (в повседневной форме, без головного убора, на нейтральном фоне). Редакция оставляет за собой право на редактирование статей, без изменения их научного содержания. Статьи, соответствующие указанным требованиям, проверяются программой «Антиплагиат». Не принимаются статьи, имеющие менее 70% оригинального текста.

3. Необходимо указать УДК (http://www.udk-codes.net/).

4. Заголовок статьи (на русском и английском языках) должен кратко (не более 10 слов) и точно отражать содержание статьи, тематику и результаты проведенного научного исследования. В него необходимо вложить как информативность, так и привлекательность, уникальность научного творчества автора.

5. Аннотация (на русском и английском языках) выполняет функцию расширенного названия статьи и повествует о ее содержании. Рекомендуемый объем аннотации – 200–250 слов.

6. Ключевые слова (на русском и английском языках) являются поисковым образом научной статьи. Во всех библиографических базах данных возможен поиск статей по ключевым словам. В связи с этим, они должны отражать основные положения, достижения, результаты, терминологию научного исследования. Рекомендуемое количество ключевых слов – 5–10.

7. Основной текст статьи излагается на русском языке в определенной последовательности:

введение (Introduction);

обзор литературы (Literature Review);

материалы и методы (Materials and Methods);

результаты исследования (Results);

обсуждение и заключения (Discussion and Conclusions).

Приведенные части требуется выделять соответствующими подзаголовками и излагать в данных разделах релевантную информацию.

7.1. Введение содержит постановку научной проблемы, указание на ее актуальность, связь с важнейшими задачами, которые необходимо решить, значение для развития определенной отрасли науки или практической деятельности. Прежде всего указывается общая тема исследования. Затем необходимо раскрыть теоретическую и практическую значимость работы, описать наиболее авторитетные и доступные читателю публикации по рассматриваемой теме. Обозначаются проблемы, не решенные в предыдущих исследованиях, которые призвана решить данная статья, и главная идея публикации, которая существенно отличается от современных представлений о проблеме, дополняет или углубляет уже известные подходы к ней.

7.2. Обзор литературы. Необходимо описать основные (последние по времени) исследования и публикации, на которые опирается автор; современные взгляды на проблему; трудности при разработке данной темы; выделение нерешенных вопросов в пределах общей проблемы, которым посвящена статья.

7.3. Материалы и методы. В данном разделе описываются процесс организации эксперимента, примененные методики, использованная аппаратура; даются подробные сведения об объекте исследования; указывается последовательность выполнения исследования и обосновывается выбор используемых методов (наблюдение, опрос, тестирование, эксперимент, лабораторный опыт, анализ, моделирование, изучение и обобщение и т.д.).

7.4. Результаты. В этой части статьи должен быть представлен систематизированный авторский аналитический и статистический материал. Цель данного раздела – при помощи анализа, обобщения и разъяснения данных доказать рабочую гипотезу (гипотезы). Результаты при необходимости подтверждаются иллюстрациями (таблицами, графиками, рисунками).

Результаты исследования должны быть изложены кратко, но при этом содержать достаточно информации для оценки сделанных выводов. Также должно быть обосновано, почему для анализа были выбраны именно эти данные.

7.5. Обсуждение и заключения. Заключение содержит краткую формулировку результатов исследования: в сжатом виде повторяются главные мысли основной части работы; необходимо сопоставить

полученные результаты с обозначенной в начале работы целью. В заключении суммируются результаты осмысления темы, делаются выводы, обобщения и рекомендации, вытекающие из работы, подчеркивается их практическая значимость, а также определяются основные направления для дальнейшего исследования в этой области.

8. Список использованных источников. Библиографическое описание документов оформляется в соответствии с требованиями ГОСТа Р 7.0.5–2009. При оформлении ссылок (в первую очередь, на оригинальные источники из научных журналов) следует указать фамилии авторов, журнал (электронный адрес), год издания, том (выпуск), номер, страницы, DOI или адрес доступа в сети Интернет.

9. Аффилиация авторов (на русском и английском языках) : Ф.И.О., организация(и), адрес организации(й) (требуется указать все места работы автора, в которых выполнялись исследования (постоянное место, место выполнения проекта и др.)), должность и ученое звание, ORCID ID, Researcher ID, электронная почта, телефон.

10. Вклад соавторов (на русском и английском языках). В примечании разъясняется фактический вклад каждого соавтора в выполненную работу. Порядок указания авторов и соавторов статьи согласуется ими самостоятельно.

Экземпляры журнала с опубликованными статьями можно получить путем подписки.

Опубликованные в Журнале статьи размещаются в полнотекстовом виде в электронной библиотеке Российского индекса научного цитирования, а также на сайте журнала (e-mail: vestnikkui.ru)

При подаче статьи в редакцию автор соглашается с положениями прилагаемого лицензионного договора.

Рукописи принимаются ответственным секретарем редколлегии Хрусталевой Ольгой Николаевной (тел.(843) 537-62-13, электронный адрес vestnikkui@mail.ru)

Главный редактор Ф.К. Зиннуров

Корректоры О.Н. Хрусталева, Е.В. Зотина, Е.О. Смирнова

Дизайн, верстка Е.А. Бикмуллина

Перевод Е.В. Зотина, Е.О. Смирнова

Редакционно-издательское отделение
420059, г. Казань, ул. Оренбургский тракт, 128 (vestnikkui@mail.ru)

Номер отпечатан в типографии КЮИ МВД России
420108, г. Казань, ул. Магистральная, 35

Подписано в печать 15.03.2017
Формат 60х84 1/8 Усл.печ.л. 14,4 Гарнитура Таймс.
Печать офсетная. Тираж 200 экз.